

[Портал Геннадия Мира](#)
* [Тула литературная. Альманах](#)
* [Альманах № 1](#)
* [Альманах № 2](#)
* [Альманах № 4](#)

[Альманах "Тула литературная", № 3](#)

2010

Составитель и главный редактор Мирошниченко Г.Г.

Некоторые авторы альманаха дополнительно публикуются на страницах Интернета:

Проза <http://proza.genmir.ruru>
Поэзия <http://poet.genmir.ru>

© Мирошниченко Г.Г. 2010
© Авторы по разделам. 2010

Авторы:

Поэзия:

[Вотинцева Надежда](#)
[Григоренко Галина](#)
[Зайцева Ольга](#)
[Иваничкин Игорь](#)
[Икрянникова Елена](#)
[Леонова Татьяна](#)
[Майский Александр](#)
[Михайлова Татьяна](#)
[Рапопорт Татьяна](#)
[Таран Ярослав](#)
[Темнухин Валерий](#)
[Усманов Анвар](#)
[Юрий Юркий](#)

Проза:

[Владвик](#)
[НЕСТРАШНЫЙ СУД. Рассказы](#)
[Предупреждение для господ читателей](#)
[Неистребимый](#)
[Неисправимый](#)
[Непобедимый](#)
[Неукротимый](#)
[Невменяемый](#)
[Нелицеприятная](#)

[Критика. Размышления](#)

[Переяслов Николай](#)
[ТЕНЬ ЧИЧИКОВА НАД УОЛЛ-СТРИТ](#)

[Таран Ярослав](#)

[СВОБОДА СЛОВА. Поэтический манифест](#)

[Мирошниченко Геннадий](#)

[ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЕТИ КАК ФОРМА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ](#)

[Наши авторы](#)

Поэзия:

Вотинцева Надежда

Г. Москва

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

Карелия - жемчужина России,
Ты, Севера волшебная страна,
Природы нет поистине красивей,
И солнцу тут бывает не до сна!
Холмистые прекрасные равнины
И множество причудливых озёр,
Речные каменистые долины,
Твоей тайги немислимый простор;
Под соснами - обильная брусника
И вереск удивительный растёт,
Всё сладкою усыпано черникой,
И много рыбы в озере живёт;
Там ноги утопают как в подушке,
Лишайник стелет всё сплошным ковром,
И слышен звук гадающей кукушки,
Зима порою радуется теплом;
Тут процветает островное царство
И мягкая озёрная вода,
Несметное природное богатство,
И очень самобытны города;
В них терема, похожие на сказку,
С ажурной деревянной резьбой,
Пейзажи расписные разной краской,
Оранжевой, зелёной, голубой;
Величие Кижы и Валаама,
Души покой в волшебной тишине,
Красивые монастыри и храмы -
Так много в этой сказочной стране!
Карелию лишь посетив однажды,
Вернуться вновь захочется туда,
Земли другой не видела я краше,
В моей душе она теперь всегда!

СТАРЫЙ ОДНОКЛАССНИК

Милый старый одноклассник!
Много лет прошло с тех пор,
Помнишь, выпускной наш праздник,
Тот прощальный разговор?
Память душу обжигает,
Словно было всё вчера,
Вновь сомнения терзают:
Может, всё же не игра?..
Время быстро пролетело,
Школьная прошла пора,
И теперь ты можешь смело
Мне поведать, как дела.
Как живёшь, ты, в этом мире,
Занимаешься ли чем,

Дом построил иль в квартире,
 Не имеешь ли проблем,
 Ты по-прежнему всё холост,
 Может где-то дети есть,
 Сохранил ли прежний голос,
 Оказался, как ты здесь,
 Видел ли кого из наших,
 О себе, что говорят,
 Из девчонок, кто стал краше,
 И дела как у ребят?
 А теперь, о самом главном!
 Нет обиды на меня?
 Ты всегда таким был славным,
 Не вини во всём себя.
 Опыт к нам пришёл с годами,
 И что было, то прошло!
 Время только между нами
 Как прозрачное стекло.
 Ну, пока! Спешу прощаться,
 Ждут меня мои дела,
 Была рада повидаться,
 Хоть, признаюсь, не ждала!
 Напоследок, пожелаю
 Счастье всё же обрести,
 Встретимся ль, когда, не знаю,
 Доброго тебе пути!

ГЕРОЯМ БОЕВЫХ СРАЖЕНИЙ

Герои боевых сражений,
 Прошедшие Великую войну,
 Пред Вами припадаем на колени,
 Вы головы сложили за свою страну,
 За честь российского народа,
 Народов мира, всей земли,
 Вы даровали им свободу,
 Фашизм громили, как могли!
 Ковали трудную победу
 На фронте, в боевом тылу,
 Чтоб светлым было наше небо,
 Прочь изгоняли злую мглу!
 Пешком отмерили полмира,
 Европу всю почти прошли,
 Во имя жизни, ради мира
 Бесстрашно вражьи танки жгли.
 Герои боевых сражений,
 Герои тыла и труда,
 Вам честь и наше уваженье,
 Вы в нашей памяти всегда!

ШЕСТИСТРУННАЯ ПОДРУГА

Вот настрою я гитару
 На душевную волну,
 Подберу мотивчик старый,
 Разбужу я тишину.
 Песня льётся удалая
 О моей большой любви,
 Я пою с гитарой в паре,
 Мысли все о ней мои.
 Чуть срывается мой голос,
 И волнение в груди,
 Я со лба поправлю волос,
 Ты, гитара, погоди!
 Дёрну вновь тебя за струны,
 Звучный я возьму аккорд,
 За окошком вечер лунный
 И морозный небосвод.
 Шестиструнная подруга
 Так звучит мне в унисон,

Разбуди милого друга,
Прогони скорее сон!
Тронь так нежностью за душу
И любовью окрыли,
Чтоб он понял, как мне нужен,
И мы вместе быть смогли!

Тригоренко Галина

г. Чаплыгин, Липецкая обл.

ТУЛЬСКИЙ РУБЕЖ

Соседям – тулякам

... Здесь Дон-река,
Здесь Куликово поле,
Здесь ратным духом полнится земля.
Народ, исполняясь той святою волей,
Стеною шел, возмездием горя.
А в центре – первый секретарь обкома,
Сам Жаворонков, русский исполин,
Нет, не метал он молнии и громы,
Но стоек был он как России сын.
И партия с народом воедино
И армия – спаяли тульский сплав.
О, Тула знала, знала толк и диво
Тем сплавам, где особый был состав.
Тот сплав особый шел на наши пушки,
Мечи и автоматы, сталь брони,
На крест нательный, укреплявший душу,
Как Божий знак – Спаси и Сохрани.
Грозят врагу и ныне эти дула,
Не позабыт и позывных оркестр:
«Ты, слышишь, Тула, я Москва; я Брест;
Я Ленинград; Одесса, слышишь, Тула?
Я Сталинград, я Киев, я Воронеж,
Ты слышишь, Тула, выше красный стяг!
Не дрогнешь, не качнешься, не уронишь,
Коль вновь сюда нагрянет лютый враг».
И вдруг прорвется моря грозный ропот,
И освежит соленая волна:
«Я Керчь, Новороссийск, я Севастополь,
Я – Мурманск – вся Советская страна».
Он в наших душах, грозный тот оркестр,
Он даст нам силы выстоять, не сдаться:
«Ты слышишь, Тула, я Орел, я Брест!»
...Святое непоруганное братство.

14.07.04

ИДУЩИЕ К ЖИВЫМ

Солдат, то со скаткой шинели,
А то с автоматом в руках;
Идет по весне, по апрелю

На старый, на дедовский шлях.
 Какою заботой томимый,
 Сошел с пьедестала герой?
 Какие немирные дымы
 В стране он почуял родной?
 И вышла старуха из хаты,
 К себе пригласила во двор:
 «Куда ты, родимый, куда ты?»
 А он отвечает: «В дозор;
 Не слишком ли внуки беспечны,
 Что так убаюкало их?
 Чужие бредовые речи
 Медовой им здравых родных.
 Всё уже страны горизонты,
 Вороний мне слышится грай,
 Звонят колокольные звоны,
 Взывают: «Любви не теряй».
 Вот мы и идём, как когда-то;
 Страны нас пугает разор».
 ...«Куда ты, родимый, куда ты?»
 А он отвечает: «В дозор».
 2 апреля 1995 года.

Где сосны стоят, как владычицы,
 Осанку держать не устав,
 Прекрасно березок девичество
 Над лоском некошенных трав.
 Я тоже березкой была,
 Давно уже стала сосною,
 Стою над хмельным травостоем
 И вечно тот хмель бы пила.
 Да шепчет мне старая ель:
 «А скоро ты станешь такою,
 Чтоб давние были покоить,
 Как я их покою теперь».

Зайцева Ольга

г. Москва

ВЕНЧАННАЯ ЛЮБОВЬ

С тобою мы обвенчаны на небесах
 И Бог нам дал любовь в награду
 Я о таких и не мечтала чудесах
 И танцевать могу я до упаду
 От счастья быть с тобой всегда
 От радости смотреть в твои глаза
 И теплота разлита в чувствах и словах
 И солнышко сияет в небесах
 От чуткости и нежности я таю
 Без рук твоих я тихо умираю
 И от касания я снова воскресаю
 И над землею я парю и улетаю
 И с ангелами я кружусь, мечтаю
 В чудесном, райском танце
 На миг остановлюсь, но не устану

Навеки опьяненная тем счастьем

МОЙ КОРОЛЬ

Себя найдешь, в тебя я верю
Откроются различные пути
Ты будешь в нужном направлении идти
Во благо обернешь ты каждую потерю
Ты растворишься во вселенной всей душой
И Бог тебе подскажет направление
И ласка, и добро мое с тобой
Наступит благо, чудное мгновение
Ты будешь счастлив и любим
И сердце запоет открыто
И ангелами светлыми молим
И горе будет все забыто
Ты самый лучший во всем мире
Ты мой король, моя мечта
Ты моя нежная, прекрасная душа
Все будет у тебя на свете
Меня ты не забудешь на века
И будешь снова возвращаться
Чтобы испытать любви моей сполна
Чтобы опять со мной остаться
Ты мне подаришь небеса
Внутри тебя гармония мерцает
И будут воплощаться чудеса
И свет тропы твоей не угасает

ПРЕД НЕБЕСАМИ

Пред небесами мы равны с тобою
Равны и перед каждым мы мгновением
Но тот лишь поведет мир за собою
Кто не забудет счастья откровение
И не забудет ласковые взгляды
И трепет душ и рук прикосновение
Любви чудесной единение
И возведенные мосты
И то волненье, ожидание,
Которое является тот час
Когда приходит о тебе видение
Когда все небо слышит нас
Ты на своем пути далеко
Остановись хотя бы раз
И вспомни ты о том глубоком
Что вдруг объединило нас
Что каждый раз усталый
Ты свою голову, склоняя
Лишь только вспомнишь, как я улыбалась
И грусть покинет вновь тебя
Я знаю, что ты рядом
Где б ни был ты, в каком краю
Ты знаешь, что я тоже рядом
Что ночью я молюсь, не сплю
Свеча горит в моей лампадке
И это наше общее тепло
И зная это, ощущая
Идти обоим нам легко

Ты

Я так люблю твой чудный смех
Твои глаза большие, теплые
Твою улыбку радостных потех

И руки ласковые, добрые.
Ты ярким светом окружен
Любви ты предан всей душой
Ты ангелами, Богом окрылен
И пребывает мир всегда с тобой.
Ты даришь людям чудеса
И помогаешь в трудную минуту
Ты раскрываешь небеса
И укрываешь от беды в тепло и в стужу.
Тебе не нужно говорить
Меня ты слышишь сквозь пространство
Твоя душа лишь мной горит
И за собой завоет меня так сладко.
И твой призыв легко узнаю
Мне не помеха любой мир
Тебя вела я с неба за собою
Ты мой навечно, мой кумир.

ТЫ НЕ СКАЗАЛ

Ты не сказал мне что уходишь
Исчез ты просто на века
Ты за собой любовь уводишь
И прячешься ты от меня
А может все случилось бы иначе
Если бы ты просто мне сказал
Мы бы с тобой друзьями стали
И ты б меня не потерял
Но ты молчишь и пустота
Тревога в сердце остается
И рана эта глубока
Она ударом от судьбы зовется
Тебя бы я не упрекнула
Ты счастлив, должен быть везде
И искренность твою не оттолкнула
И прикоснулась бы к твоей руке
Как друг твой верный и любимый
Тебя бы я благословила в путь идти
Ты был бы мой далекий, милый
Ты бы людей смог за собой везти
Но ты взглянуть не догадался
И даже не простился ты со мной
Ну что же значит надо мне остаться
Господь прибудет навсегда с тобой

ИСТИННАЯ ДОРОГА

Твоя дорога расцветает
Ты раскрываешься душой
К тебе приходит понимание
Что значит просто быть собой
Не возводить себе кумиров
И не пытаться устоять
А быть всегда родным, любимым
И мир и Бога познавать
И не бороться с небесами
Отдаться воле неземной
И жизнь свою наполнить чудесами
Принять волнующий покой
И вспомнить, где было начало
Когда свернул ты вдруг с пути
Темно тебе и грустно стало
И лишь сейчас сумел найти
Себя собрать среди обломков
Той пустоты, что расцвела
Являешься небесным ты потомком

Ликует и встает твоя душа

МОЯ ПОДРУГА

Моя любимая подруга
Ты так прекрасна, так чиста
Мы вместе, любим мы друг друга
И в этом наша сила, жизни чудеса
Тебе дарю свое тепло и доброту
Пусть вся вселенная тебе откроется
Пусть ангел осветит твою тропу
И ты найдешь себя, мечты исполняться
Ты нежное и легкое создание
В тебе сияет Бога цвет
Ты искреннее, чудное творение
Любви небесной ласковый ответ
Я за тебя молюсь, и путь твой освещаю
Храню тебя в своей душе
Тебе познать вершины предрекаю
С дороги райской не свернешь уже
Познаешь ты всю сладость, благодать
Внутри распустится цветок
В себе увидишь Господа опять
И примешь свой небесный рок
Всем миром растворишься, засияешь
Природой будешь ты дышать
И истины простые ты узнаешь
И будешь вечной радостью пылать

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Людей я вижу сквозь пространство
Читаю лица и судьбу
Могу я видеть будущего странствия
События распознавать могу
Мне Бог дает свое послание
Его несу я каждый час
Потоками через меня идет знамение
Идет творца небесный глас
За этот дар я благодарна
Я принимаю всю судьбу
Которую пройти должна я
Уже не оступлюсь, не упаду
Меня поддерживает ангел
Со мной во сне он говорит
Меня ведет, любовь дарит
Чудесный утешитель, врачеватель
И я душой могу коснуться
До каждой точки на земле
Везде могу я очутиться
И погрузится в тишине
Тебе открою я свою природу
Она строптива и вольна
И в тоже время так красива
Предназначением душа полна

НЕ ДУМАЙ

Не думай об обидах, страхах
Боишься, одиночества и боли
Меня не чувствуешь, так странно
Ведь у тебя другие роли
Ты думаешь, тебе нужна я
На самом деле все пустое
К тебе идет совсем другое

И будет женщина другая
Ты снова сможешь полюбить, открыться
А как иначе, ты мечтал
С мечтой своей сумей соединиться
Ты этого так долго ждал
И будет в доме у тебя покой и благо
Ты снова сердцем запоешь
Она тебе подарит счастье, небо
Ты по-другому в мире заживешь
А я пойду своей дорогой
Ведь разные они у нас с тобой
Тебя благодарю за все бывшее
Мое тепло всегда с тобой
Ты должен сделать свое дело
Для этого ты был рожден
А у меня другое бремя
Наш час уходит, он прошел

Иваничкин Игорь

г. Пугачев

Я так люблю, когда смеешься ты!
Признаюсь, и когда ты плачешь,
Люблю и линии изящной наготы,
Ах, зачем на ссоры время тратишь.

Когда ты смотришь мне в глаза,
Мне кажется, что я ничтожно мал,
Что я на море, а вокруг гроза...
Я утону без страха среди скал.

Иногда желаю стать твоей слезой
И нежно так катиться по щеке,
А ты смахнешь меня своей рукой,
И я растаю где-то вдалеке.

Ты для меня сияешь ярче звезд!
И солнца ярче и луны ночной!
Прости что стих этот, так прост,
Ведь достойна ты строфы иной.

Я так люблю, когда ты рядом!
Когда тепло от нежных слов твоих!
Люблю, когда испепеляешь взглядом,
Когда весь мир для нас двоих!

Икрянникова Елена

г. Рязань

Окупись в мои стихи,
Как в тенистую прохладу,
Пусть слова мои тихи,
Мне кричать тебе не надо.

Голос твой озвучит всё,
От начала и до точки,
Как поляна васильков,

Кружевные мои строчки.

Ты представишь летний сад,
Разговоры спелых вишен,
В речке тонущий закат,
Как луга туманом дышат.

Окупись в мои стихи,
Как в озёра вод прозрачных,
Незабудки в забыты,
Улыбаются чудачки.

Это всё тебя лишь ждёт,
Это голос твой озвучит,
Недоверья таит лёд,
Растворяя в небе тучи.

Окупись в мои стихи...

Тишина – паутина из звуков,
В тишине растворяются чувства,
Тишину заполняет разлука,
Можно с ней одиночество спутать.

Тишина – туманные дали,
Лишь её только слышат глухие...
Тишина – это крик что украли,
В тишине, словно в облаке пыли.

Тишина прерывает все звуки,
И молчаньем её я продолжу,
В тишине твои чувствую руки,
Наполняет она сердце дрожью.

Тишина – паутина из звуков,
И струны оборванной песня,
В тишине, понимая друг друга,
Мы сильнее становимся вместе.

Твои слова живут во мне,
Твои сравнения с звездой,
Мой свет уже не скроит день,
Мой свет несёт тебе покой.

Ночное небо дарит сон,
И звёзд других забрезжит свет,
Я выполняю свой закон:
Нельзя любовь хранить в себе.

Я отдаю сиянье глаз,
Тепло души, искристость счастья,
Ведь не померкну я для вас,

Средь мира грёз и лживой страсти.

Я никогда не разлюблю,
Мой свет уже не скроит день,
Но ты люби, не как звезду,
Ведь часть тебя живёт во мне.

Ты дал мне всё, что сам имел,
И ждал, когда я повзрелею,
Чтоб в дар отдать и пару крыл,
Чтобы прийти смогла к тебе я.

И вдохновение своё
Отдал ли в дар иль в наказание,
Решил, что буду я огнём,
Но наделил меня сознанием.

К тебе я шла по облакам,
Там, где тропинки даже нет,
А жизнь, как сон, а сон, как явь,
Мой первый вдох – лучистый свет.

Я сейчас отрекаюсь от гнева,
Принимая свет белой одежды,
Это хочет высокое небо,
Послушанием оно меня держит.

Приняла на себя его силу,
И познать я должна его мудрость.
Лунный конь растрепал свою гриву,
Ждёт, чтоб я к нему прикоснулась.

Он меня унесёт к лунной речке,
Моё время на миг остановит,
Словно в дымке растаял наш вечер,
Когда я захлебнулась любовью.

Для меня ослепла реальность,
Я сейчас отрекаюсь от боли,
Мне поведаёт небо все тайны,
Чтобы я побороть могла горе.

Лунный конь меня ждёт каждый вечер,
Распахнув мне высокое небо,
Пред собой раскрываю я вечность,
Дав свободу сердцу от гнева.

А жизнь, как сон, а сон, как явь,
Мой первый вдох – лучистый свет.
К Тебе я шла по облакам,

Там где тропинки даже нет.

И все мы верим в чудеса,
А в жизни их не признаём,
И я гляжу в твои глаза,
А это знаем мы вдвоём.

Решил, что буду я огнём,
И в мире тьмы, и в мире света,
Всё это в имени моём,
Всё это в боли предрассветной.

Огромной силой наделил
И своенравный дал характер,
Лишь оттого, что ты любил,
И на любовь всю силу тратил.

В самый темный час – перед рассветом,
Самый страшный миг – перед победой,
Самый смелый – кто хранит советы,
Самый мудрый – кто не знает это.

Ты не бойся ощущать всё сердцем,
Ты замерзнешь, чтоб потом согреться,
Даже старец возвратится в детство,
Если в нём прикрыта только дверца.

Красота твоя – в глазах любимых,
Жизнь полна секретов постижимых,
Время наше вспять не обратим мы,
Если любим, значит, все мы живы...

Леонова Татьяна

г. Щёкино

Зачем поэзия нужна

И чуда хотелось. И нежной Любовью

Меня накрывало как будто волной.
И так высоко и восторженно пелось.
И Небо манило своей синевой.

И жизнь удивляла, как будто в рожденье,
Меня словно птицу на крыльях внесло –
Так я начинала своё восхождение
По смыслам, и знала, что мне повезло.

И вновь мне жизнь дана в подарок,

И по-иному нарекли –

И каждый день мой чист и ярок,
И рифмы речкой потекли.

Зачем поэзия нужна,

И так ли уж она важна?
Что в ней?- Рифмованные блоки,
Размеры, ритмы, рифмы, строки?
Что нас влечёт писать и слушать?
Что завораживает душу?

Я думаю, она во многом,
Души моей общенье с Богом!
Все эти строфы, рифмы, ритмы –
Смешенье чувства и молитвы.
Она зовёт и воскрешает –
Поэзия нас возвышает.

Когда рождается поэт,

То по-другому солнце светит,
И тучи разгоняет ветер,
И в Небесах струится свет.

Твердят, что развелось поэтов много!

Набит по горло ими Интернет,
И если подойти к проблеме строго,
То каждый третий вовсе не поэт.

Не «допускать», и не печатать вовсе, -
Уже как меч нависла штампа твердь.
Позвольте, так мы все ростки покосим!
А может по- другому посмотреть?

Как свежи чувства этого поэта!
Пусть не всегда срифмована строка,
Душой и словом он стремится Свету –
Поэтом станет он наверняка.

Слова его не пафосны, не громки,
Но через них он постигает Дух,
И фразы, что от сердца, может, ломки,
Когда стихи свои читает вслух.

Не верьте, что поэтов слишком много,
А каждый третий нынче дилетант –
Через века пробьет стихом дорогу
Не графоман, а истинный талант.

Белым облачком к порогу

Нежность прилетела,
Уняла души тревогу
И коснулась тела.

Словно вынырнув с рассвета,
Солнце улыбнулось,
И Божественным приветом
К нам Любовь вернулась.

И наполнила дыханьем
Каждое мгновенье
Опустилась, отдыхая,
На стихотворенье.

Зря огорчаетесь, что непризнанны,

Зря за обиду сердце спрятали –
Вы не герой, вы ведь только призваны
Быть ретранслятором или глашатаем.

Горько, что чёрная зависть преследует,
Только людей Вы не переиначите,
А может быть из этого следует,
Что на земле Вы хоть что-нибудь значите.

Ещё полна задумок и идей,

И суета ослабила тенета,
Но не хватает преданных людей,
Которым дорога идея Света.

Тот славы ищет, а другой жесток
В своём желании обогатиться –
И увядает совести росток,
Едва успев на Божий свет родиться.

Пусть будет нас немного на плоту,
Кто выберет служенье Света ради,
И воплотит о будущем мечту,
Не думая о славе и награде.

Общенье душ в чертоги красоты
Нас унесёт на крыльях вдохновенья,
И в явь преображённые мечты
Подарят светлой радости мгновения.

Ты разбудил во мне поэта,

Заснувшего на много лет,
Лучом сияющего света,
С Небес, пославши мне привет.

А стихи – они живые...

Где-то в космосе сперва
Мыслеформы огневые
Облекаются в слова.

Надо только их услышать,

В сердце отыскать ответ,
Стать чуть-чуть себя повыше –
Так рождается поэт.

И тогда польются строчки,
Смыслов ритмов красота,
Недомолвок многоточье,
Восклицаний высота!

И является блаженство
К тем, кто выбрал этот путь –
Погружение в совершенство
И Божественную суть.

А стихи – они как дети:
Станут чуточку взрослей –
И гуляют по планете,
Души делая добрей.

НЕБОЖИТЕЛИ

Увы, не на Земле живёт Поэт!
Заоблачных высот душой касаясь,
Дождем Любви на Землю проливаясь, –
Несёт Божественного Слова Свет.

И музыка, звучащая в сердцах,
Творение отнюдь не Музыканта.
Быть, лишь проводником дано таланту
Тончайшего создания Творца!

Любовью к мудрости пронизан Философ.
Как ретранслятор Неба откровений,
Он Жизни мимолетные мгновения
В Законы Духа переплавить смог.

И пуст кошель, и неустроен быт,
Покрыто тело ризами юродства,
Но нет на свете выше превосходства,
Когда для Неба хлеба вкус забыт!

Земли оковы превозмочь смогли,
Кто сердцем чист и мудр своей душою.
И держат Небо группкой небольшою
Простые Небожители Земли!

А душа о горнем алчет!

ФЕОДОСИЮ КАВКАЗСКОМУ

Сегодня снова Небо улыбнулось,
И одарило сердце вышней лаской –
Душа безбрежной вечности коснулась
От встречи с Феодосием Кавказским.

СВЯТО-УСПЕНСКИЙ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

На окраине Руси
Десятью стоит церквами,
Островерхими главами
В поднебесну смотрит синь.

Дивен он по красоте.
Древней знаменит иконой,
Нашу землю от полона,
Защитившей на черте.
Дивен старчеством святым,
Неизменностью традиций,
Просветлённостью на лицах,
Древностью своих святынь.

Всё влечет меня опять
Насладиться пеньем хора
И с юродивым Николой
Под звонницей постоять.

ПО ДОРОГЕ В БЕЛЁВ

Домики старинные,
Да в окошках грусть-
Города былинные –
Пресвятая Русь.
Древние названия
Сёл и деревень:
Лапотки да Маловень,
Ярки, Добротень.

Травы блещут росами,
И тумана стынь –
Прямо за покосами
Виден монастырь.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВСКАЯ ЛАВРА

Из пустыньки малой в дремучей дубраве,
Где только монах одинокий живёт,
По Божьему промыслу выросла Лавра,
Которую чтит православный народ.

И блеск куполов, и церковей величавость,
Куда ни посмотришь – святыни вокруг.
Здесь русских монархов на царство венчали,
И здесь совершался истории круг.

Но также монахи и денно, и ночью
В келейках о милости Бога молят,
И Радонежского Сергия мощи
От недугов тяжких людей исцелят.

ИОАННО-БОГОСЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОД РЯЗАНЬЮ

Синева куполов
Звездной крошкой украшена –
Иоанн Богослов
Воспарил над Рязанщиной.

Среднерусскую ширь
Разбудил перезвонами
Пресвятой монастырь
Над холмами зелёными.

У подножья родник
Со святою водицею,
К ней губами приник –
И на свет родился!

Прячет древняя Русь
За стенами высокими
Давней памяти грусть,
Образа Светлоокие.

Здесь на Русской земле
Хан татарский ярился,
Но ему в вещем сне
Сам Апостол явился.

Повернул войско вспять
Хан Батый изумлённый,
Золотую печать
Прикрепил на икону.

Через сотни веков
Светлый Образ сияет –
Иоанн Богослов
Божью Правду вещает.

Перед уходом на прощанье

Взгляну на солнце и траву
И третним души касаньем
Всё это нежно обниму

Узрев с последнего порога
Свои ошибки и дела,
Благодарить я буду Бога
За то, что всё-таки жила.

Прошлое и явь, соединяет,

В будущий заглядывает век,
Диво – дивное собой являет
Сотворенье Божье – человек!

И дано ему ума движенье,
Если жить научится любя,

И миров доступно постижение,
Если постигает он себя.

И когда-нибудь, уж Вы поверьте,
Божье Слово в дело, превратив,
Он и в теле обретёт бессмертье,
Землю в Рай из Ада, обратив.

И неба синь, и даль морей без края,

Леса и горы, солнце и траву –
Господь мне дарит всё, что пожелаю,
Когда и я в Его Любви живу!

А на пасху падал снег –

Словно снежные метели
Из пушистой канители
Ткали Господу доспех.

Волхвы несли дары Богомладенцу,

Указывала путь звезда в ночи
Их вещее звало в дорогу сердце,
Чтоб Матери сокровища вручить.

Златые слитки, что Царя достойны,
И ладан, чтоб для Бога воскурить,
А смирну – Человека упокоить
И благовоньем тело умастить.

Сокровища Мария сохранила,
И, завершая трудный путь земной,
Иерусалимской Церкви подарила,
Дары и Ризу, с ними Пояс Свой.

Святыней освятили Византию,
В Константинопль Дар был помещён,
Во дни упадка скрытан был в Никии,
Затем в столицу снова возвращён.

Нет Византии, Дар благоуханный
Хранит торжественно Святой Афон,
И там, в монастыре, святого Павла,
От тёмных Духов исцеляет Он.

А душа о горнем алчет!

Рвётся к белому сиянию –
Задыхается и плачет
В своём тесном одеянии.

Улетая в беспредельность,
Отряхнёт земные шоры –
Обретет покой и цельность,

И небесные просторы...

БЫЛЬ

Она к воротам Храма подошла –
Висит табличка на вратах: «ЗАКРЫТО»,
Но, а её огнём тоска сожгла,
И сердце было вдребезги разбито.

Она сюда стремилась, что есть сил,
Душою знала – здесь её спасенье.
«Ах, если б Бог услышал и простил,
И утолил души её мученья!»

И закричала, сникнув головой –
Ей страшно было потерять надежду.
К ней сторож вышел: «Все ушли домой!
А у меня еды нет и одежды...»

- «Воды бы мне! Глоток святой воды!
Да на колени пасть пред Светлым Ликом!».
- «Воды налью. Ну что же, проходи!» -
И отворил пред женщиной калитку...

На утро снова в Храм она пришла,
И тишина в душе была разлита –
Звонили радостно колокола,
А на вратах написано: «ОТКРЫТО».

СЧАСТЬЕ ВНУТРИ НАС

- «Где же ты, счастье моё, заплутало,
Иль потерялось в пути?» –
Сколько людей повторяют устало,
Счастье, пытаясь найти.

Плачет бедняк, обижаясь на долю:
- «Мне бы хоть хлеба кусок!».
Узник стенает – ему бы на волю -,
И проклиная свой рок!

Грустен богач, хоть и сыт он, и волен –
Вот бы смеяться и петь!
Но пресыщён он, и тем недоволен:
Что бы ещё захотеть?

Проще, конечно, до счастья коснуться
Узнику и бедняку –
Вольным иль сытым однажды проснуться,
Счастья, хлебнув по глотку.

Где ж оно счастье, что речкой струится,
Сколько его ни бери?
Счастье у каждого в сердце хранится –
Божие царство внутри!

Однообразье дел мирских

Не помещается в мой стих.
 В него врываются мечты,
 Творенья Божьей красоты,
 И, если я отброшу лень,
 Могу писать о них весь день.
 Но лишь дневная суета
 Свои прикроет ворота
 И распахнёт объятя вечер,
 Я вновь спешу стиху навстречу.
 На высь настроенная лира
 Лишь о Божественном поёт,
 Ведь час молитвы настаёт.
 С Небесным я тогда общаюсь,
 Стихами к Богу обращаюсь,
 Рука сама молитву пишет,
 И верю, Бог меня услышит.
 Но вот, пронзая серость туч,
 Тьму растворяет солнца луч,
 Всем предвещает утро он,
 И Ангел мне приносит сон.

Ещё поля и реки солнца ждут,

И в шубы снежные укутаны дубравы,
 А в Оптиной уж крокусы цветут
 И на пригорке зеленеют травы.

Упруго стебли ввысь устремлены
 И золотые искорки в бутонах,
 Как будто фиолетовые сны
 Просыпались из колокольных звонов.

Лучистым светом, согревая, стынь,
 Глядясь в небо нежные букеты,
 И радуется древний монастырь
 На Благовещенье расцветшим первоцветам.

Россия! Я буду твоим летописцем,

Свидетелем горьким страны угасанья –
 Как капельки крови замрут на страницах,
 Слова о великих твоих испытаньях.

О том, как хапуги землёй торговали,
 Той самой, что кровью отцы защищали.
 Детей наших в войнах пустых убивали,
 И с телеэкранов народ развращали.

О том, как жирела, беснуясь, элита,
 Народ, повергая в пучину страданья,
 О том, как была насовсем позабыта,
 И совесть, и нравственность, и состраданье.

Как крестным знаменем, крестясь, лицемеры,
 Повсюду глядели захапистым взглядом,

В сердцах убивали последнюю веру,
Святыни, одев балаганным нарядом.

Ушла Византия во зло погруженьем –
Оплот процветанья, культуры и веры.
Россия, была ты её продолженьем ...
Ужели, бесславно уйдёшь, как и первая?

Прошли понапрасну былого уроки,
История нас ничему не научит?
И Бог, отдаляя крушения сроки,
Утратит надежду, что станем мы лучше!

И дней суета, и ночей маята,

И тщетны для разума поиски смысла,
И только вдали голубеет мечта,
Где радуга в небе над лесом повисла.

Стоят непроглядно унылые дни –
О, сколько во мне и вокруг одиночеств!
Мне душу тоскою разъели они,
Настала пора воплощенья пророчеств.

Как жала слова, и как раны дела,
И больно от каждого прикосновенья.
Куда же дорога – судьба привела
Всех тех, кто был создан как Божьи творенья?

Одни пустоту заливают вином,
Другие не помнят, не видят, не слышат –
И жизнь кувырком, и сознание вверх дном,,
А солнце палящее выше и выше!

РОССИЯ В ОГНЕ

Всё палило и палило,
Над Москвой висела мгла,
Сумасшедшее светило
Всё хотело сжечь дотла.

А кругом хлеба горели,
Огненной стеной леса,
В деревнях на погорелье
Воют бабьи голоса.

Гибнут люди, птицы, звери,
В трещинах сухих пруды,
Даже реки обмелели –
Гибнет живность без воды.

Будто впрямь на сковородке,
Будто все попали в ад!
И не утешают сводки
Несколько недель подряд.

На огонь пошли в атаку

Сам премьер, и президент:
-Эй, бабуля, хватит плакать
В столь ответственный момент!

Пред стихией все бессильны:
Не унять, не усмирить –
И бросается Россия
В церкви Господа молить!

Просит: « Упаси нас, Боже,
От огня разящих жал!» -
То народ, а мэр безбожный,
Тот, в Испанию сбежал...

Приздумались миряне:
«Что за бес напал такой?
Может инопланетяне
Наш нарушили покой?

Может быть, американцы
Лазер с неба навели,
Иль другие иностранцы
Нам с пожаром «помогли»?

Отчего природа мутит
Вот уже который год:
То тайфунами закрутит,
А то ливнями зальёт?

Кто-то в полном убежденье,
Что нельзя так больше жить –
Послано предупрежденье,
Чтобы больше не грешить!

Приоткрылись Божьи Врата,
Всех, услышав, молвил Он:
«Что ж, задумались ребята!»,
И послал на них циклон.

Сразу всё зазеленело –
И снаружи, и в душе,
Только вот грешить так смело
Не приходится уже...

На смене веков и на сломе эпох

В земную обитель призвал меня Бог.
И следуя Воле Высокой Отца,
Я скорби земные несу до конца.

Майский Александр

г. Санкт-Петербург

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Был я в Ясной Поляне.
Удивился тогда.

Ни памятника, ни ограды –
Так, могилка одна.

Нет никакой помпезности,
Листья одни кружат.
Осень уже одевала всё
В свой золотой наряд.

Это была экскурсия.
Видел я этот дом.
Барский, графский,
Не в развалинах,
Как по всей России кругом.

Граф!
Лев Николаевич!
И как будто бы рядом с ним,
Мы, мальчишки обычные,
Собравшись в кружок, галдим.

Спрашиваем, отвечает...
Вопросы всё не попадут.
А он на нас не сердает –
Который год листопад...

Тянутся вереницы.
Люди приходят, молчат.
А кто-то со Львом Николаичем,
Как всегда, говорят...

Спрашивают, отвечает!
Есть что сказать ему.
Могилка всё не ветшает:
Толпа подходит к нему.

Тоже наверно, экскурсия.
Тоже решили спросить.
Граф, Лев Николаевич,
А можно ли поговорить?

Чтим мы графа Толстого
За то, что писатель, аскет.
Вот и могилка такая же...
Никакой помпезности нет.

4.02. 2010 г

МОЛИМСЯ!..

Молимся, грешим, страдаем, молимся...
Так издавна и давеча... –
Ах, церквушка – красавица!
Над куполом злачёным в небо крест.
(Недавно только сняли с церкви «лес».)

Вновь светится, вновь славится –
Ах, церквушка – красавица!
А мы, как прежде, молимся,
Грешим, страдаем... Молимся!
Всё ищем в церкви правдушку,
Всё спрашиваем батюшку...
А на груди у каждого
Свой православный крест.

Сияет богородица!
Дитё вот скоро родится,
И прихожанка молится
И руки простирает до небес:

«Спасибо тебе, матушка!..»
И церквушка, и батюшка,
(Что вовремя строители убрали с церкви «лес».)

Со всякими... и разными,...
Весёлыми... и страстными...
Приходят в церковь новую
Молитву прочитать.
Но все заветы старые
Священники усталые
Стараются всё громче
Молящимся внушать...

Молимся!
Грешим, страдаем, молимся...
Так издавна и давеча...
Ах, церквушка – красавица!
Над куполом злачёным в небе крест.
(Как вовремя строители убрали с церкви «лес»)
23 декабря 2008 г.

МШЕНЦЫ
(Храм Отца Сергия)

Разрушен храм во Мшенцах был,
Но вот глядите
– Возродился!

Спасибо, батюшка, тебе, что Крест над Храмом появился.

Теперь зайти сюда не грех:
Развалины почти восстали.
Спасибо, батюшка родной, что силы вас не покидали.

Уже заходим, как домой,
В твой храм святой воды напиться.
Какое счастье, что теперь здесь можно снова покреститься.

И вот уже который год
На подвиги благословляешь.
Спасибо, батюшка, тебе, что ты людей не забываешь.

Народ уже с утра идёт
Не просто в воду окунуться,
Он хочет к храму твоему душою вечной повернуться.

Здесь можно молча постоять,
Закрывать глаза, поставив свечку.
Прощенье тихо попросить, а после выйти на крылечко.

Здесь можно просто помечтать,
Что вновь Россия возродится,
И православие навек в моей стране укоренится.

Непобедимы будем мы,
Покуда ВЕРОЙ жить умеем...
Вы к Богу строите мосты, чтоб места не было злодеям.

И из расщелины земной
Ключи забились всё сильнее,
И мы идём к тебе тропой, признаюсь честно,

– Посмелее.

Мы не боимся заходить
И поклониться в радость Богу...
Спасибо, батюшка, тебе, что показал к нему дорогу.

По ней – вперёд,
И не страшит, что силы тёмные пригрелись...
Я знаю точно, за бугром они почти что заржавели.

А здесь строительство в цене!
О чём уже давно мечтали.
Давайте ж вечно поминать всех, кто за веру пострадали.

Разрушен храм во Мшенцах был,
Но вот глядите
– Возродился!

Спасибо, батюшка, тебе, что Крест над Храмом засветился.

19 января; 26 – 27 февраля; 30 июня 2008 г.
Тверская область, Церковь Параскевы Пятницы

Михайлова Татьяна

г. Тверь

Комары беспокоить не смеют. Расслаблены члены
На полу (не на голом), как было и будет не раз.
Отдыхаю, верчу карандаш. Два нестройных колена
Никому не мозолят усталых и искренних глаз.
Человек понормальной сказал бы попроще: на пузе
На ковре, мол, валяюсь, пытаюсь осмыслить итог.
Человек понормальной минут не теряет и музе
С сединой не хотел бы ночами писать и не мог.
Но проходит, как собственный возраст, и возраст примеров.
Вес моих серых клеток ничтожней, чем карандаша,
Это так, но в чулане с названьем старинным душа
Вам на ощупь или при свечах не искать адюльтеров.
Вы так горько честны. Горсть – без верха – подобных мгновений
Может в рифму вплетать только самый отъявленный хам,
То есть я, за слова не в ответе свои. Значит, Вам
Одному и хранить тайну наших неприкосновений.
...У субботней воды, как и прежде, обветренной, жёсткой,
Та же грация и небывалый коричневый шарм.
Вы прощались со мной, провожая неверный мог шаг
(Отдохну в сентябре)? Я как дурочка у перекрёстка.

Если всё ещё лето, так близок зачем горизонт
И так низок, зачем облака так нахмурены эти,
И зачем в моей сумке пылится прокуренный зонт,
И зачем мои мысли о лете и только о лете?
Если всё ещё юность, зачем так усталы глаза
(Каждый встреченный взгляд в них мольбою о помощи тонет),
И тревожит любая, едва надвигаясь, гроза,
И обычно весёлая рифма вздыхает и стонет?
Если всё ещё жизнь, почему не взахлёб, не взахлёб
Ни рокошущий хохот, ни происки рифм на конверте?
Уменьшается папки с бумагами розовый гроб,
Приближая к сумятице ливней, свободе и смерти.

МОЛИТВА ЗА НЕСЧАСТНЫХ ЛЮБОВНИКОВ

В этой жизни шершавой страшнейший – *во мне* изъян,
 Или нет: спим на том, что своими руками стелим,
 Но мои друзья уходили к своим друзьям,
 И мои мужчины всплывали в чужой постели...
 Умолял: «Будь нежнее со мной, хотя б напоказ:
 Одиночества наши – для злых языков мишени».
 Тех, кто шутит, что брак – слишком строгий для них ошейник,
 Рогоносец с рогаткой достанет, как белку в глаз.
 На закате ж находит каждый, что так искал:
 Кто-то гулькин нос, кто-то – верности долгий свет.
 И моих лицемерных соседей кривой оскал
 С моих новых морщин завтра смоет сырой рассвет.
 Ну а что там под кожей истлело в последний прах,
 Не скажу: рядом бродят жертвы того же огня.
 Жизнь, подай им, несчастным, горячую дерзость дня
 И тягучих терпких ночей, как вино в погребах.

МОЛИТВА МАТЕРИ

В нём пять пудов литой мускулатуры.
 Тугую плоть
 С любовью – антонимом халтуры –
 Ваял Господь.
 В нём запоздалый ветер дальних странствий,
 Пески пустынь.
 И ослепительное постоянство,
 И сердца стынь.
 Молилась мать, чтоб и душа мужала
 С его лицом, -
 Нет, сохнувшей смоковницей лежала
 Перед Отцом.
 Дай, Господи, ему, трудяге, хлеба
 В годах седин,
 И веры прежде, чем возьмёшь на Небо:
 И мне он – сын.

Просёлочных дорог причудливая вязь,
 Кокетливых садов затейливая завязь –
Там, за стеклом. *Здесь* ты живёшь, молясь,
 Читая, созерцая и терзаясь.

Твой телевизор выключен давно,
 Надолго: ни «бригады», ни «монголы»,
 Ни прочие затратные кино
 Не льют здесь кровь. И стены тоже голы.

Твой мир – окно, коляска и цветы,
 Раскрытых книг послушные станицы.
 То в листопаде отразишься ты,

То в трепетном полёте вешней птицы...

Подвижной ручейка, сестра ему,
Забыв слова «сочувствие», «калека»,
Вздохну, почти завидуя... Чему?
Векам в зрачках больного человека!

Рапорт Татьяна

Украина г. Жмеринка

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето. Знойное лето.
Недочитанная глава.
От хмельного бабьего лета
Сладко кружится голова.
Паутинки дрожат на травах.
Холодней по утру роса.
Пахнут мёдом и сеном травы.
И звенит по лугам коса.
В золотистом, пшеничном подоле,
У дороги, по краю межи,
Медуницы синее поле,
Как платок, позабытый, лежит.
На листьях всё заметнее золото.
И всё суше в полях трава.
От хмельного бабьего лета
Сладко кружится голова.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Все мечтали поймать птицу счастья.
Ей из прутьев клетки плели.
За неё обещали пол-царства
Толстозадые короли.
Только тихо и неприметно
Птица в храме божьем жила.
В опереньи простом и бедном
Родниковую воду пила.

НЕ НАВРЕДИ!

Если ты надел белый халат,
Не поверю, что ты целитель.
Может просто сработал блат?
Под халатом же редкий мучитель.
В обиходе и слэнг и мат.
Ведь у власти вор и грабитель.
Выражается зэк депутат,
И поэт, и даже учитель.
Очень мудро сказал Гиппократ.
Эту клятву знай каждый житель.
В своих бедах ты сам виноват,

Как души и тела строитель.

СМЕРТЬ ЮНОГО СЕРПИНТОЛОГА

Мудрые глаза змей. Холодные. Смерть сама.
 В них , заблудившись, осталась навек только одна зима.
 Над мальчиком мёртвым склонилась змея, стараясь понять,
 Зачем пришёл он в её пески? Разве не убивать?
 Ведь столько людей, что здесь прошли, всегда убивали змей.
 Она привыкла мстить за себя и за своих детей.
 Но сейчас растерялась змея. Здесь что-то не так?!
 Этот мальчик змей изучал. Вот ведь какой чудак!
 Он мог стать учёным. Писать стихи. И с звёздами быть на ты.
 Или просто любимой своей рвать и дарить цветы.
 И изогнувшись вопросом, змея долго мучилась, ругая себя.
 И не заметила, как темнотой на землю спустилась ночь.
 Только тогда, придя в себя, она уползла прочь.
 А в небесах во весь свой рост звёздами встал змеинный вопрос.
 Млечного пути зажглась полоса.
 А мальчик лежал. И потоками звёзд рыдали над ним небеса.

ЕСЕНИНУ СЕРГЕЮ.

Отрок России. Богова дудка.
 В чёлке соломенной глаз незабудки.
 Смятый цветок российского поля.
 Птица без неба в клетке неволи.
 Золото перьев болью разлуки
 Мяли коварные, жадные руки.
 В душу крестьянина мертвенный холод,
 Словно отраву вливал дикий город.
 Там, где терялось понятие класса,
 Пьяной ордою безумная масса
 По кабакам, как в бушующем море,
 Душу топила в разладе и ссоре.
 Много в России разных дорог.
 Он же споткнулся, ступив за порог.

ЧИТАЯ ГАРСИА ЛОРКУ

Страна тоскующих олив.
 Печалью стонущий мотив.
 Музыка ночи и шёпот двух.
 Скрестились шпагами слова и слух.
 Чёрные и изумрудные очи.
 Души неведомый ответ.
 В них бьётся звон и боль кастаньет.
 Под чёрной вуалью зовущий взгляд.
 Испанского бархата ночной аромат.
 Чёрные и изумрудные очи.
 Скребок метафор кожу содрав,
 Нежный, задумчивый бешенный нрав.
 Осами в душу, тысячью жал,
 Острый, разящий, горячий кинжал.
 Чёрные и изумрудные очи.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Огнём мятущейся души взрывая быт земли,
 Застывшей лавою года, как млечный путь легли.
 Под сводом век глаза полны тоскою укоризны.
 Бесплодность вечной темноты пришла на смену жизни.
 Кто виноват? Рука тверда не дрогнула в тот миг.
 И недописанных поэм навеки смолк родник.
 Как чайка залетев в леса и растерявшись вдруг,
 Ты не смогла понять, постичь бессилье своих рук.
 Твой голос пылкий онемел. А стих звучал сквозь тьму.
 Грешно поэту на земле остаться одному.
 Народ! Пойми: мой стих-клинок. Он жало у змеи.
 И если стал бесплоден он, как скорпион умри!
 О, революций торжество! Разрухи слепота!
 Поэт, ненужный никому, для родины беда.
 Когда ж поднимется в цене наш золотой запас?
 Когда сокровища ценить научатся у нас?

Таран Ярослав

г. Санкт-Петербург

ТЫ

Текучая основа жизни –
 случайности лучащаяся воля,
 ты – память о взыскуемой отчизне
 и времени лицо живое.

Окном распахнутое небо –
 воздушный замок во плоти,
 и бег коня, и запах хлеба –
 дыханье твоего пути.

Лист целомудренный и белый,
 мерцанье опыта в очах,
 подснежники и зори веры,
 ты – слёз растопленных очаг.

Один – как друг – как дом – как лес –
 стоишь – под треск весёлый звёзд –
 исполнен музыкой небес,
 и плачешь ты – воскрес Христос!

4 ноября 2010

Царевну мёртвую – разорванное время –
 целует ночь снежинками стихов.
 Кружатся вздохи... Мы навечно с теми,
 с кем жить случилось. В полынье веков
 мерцают встречи... Я шепчу: прости...
 Душа легка. И чудо непреложно.

И нет разрывов на его пути!
Царевна-лебедь покидает ложе.
Щебечут звёзды. Тает снег в горсти.
1 ноября 2010

Темнухин Валерий

г. Нижний Новгород

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ
из поэмы «Каяла»

Слышен голос даже на Дунае^[1] –
До окраин, горечи полны,
Не кукушки всхлипы долетают –
Ярославны^[2], Игоря^[3] жены.

В первый день печального похода,
В тяготах разлуки и тревог,
Вглядываясь в сумрак небосвода
И немую даль земных дорог,

Рано утром одинокой птицей,
Руки, словно крылья, распластав,
Причитает зорям-багряницам,
Причитает с болью на устах:

«С вольным ветром по речным долинам,
В тишину недобрую полей
Полечу в тоске неодолимой
Горьким плачем верности моей.

Стонами кукушки неприметной
Проберусь туда издалека,
Где в кровавой дымке предрассветной
Засверкала грозная река.

А, потом, над ней, Каялой^[4] тёмной,
Промелькну, хранимая судьбой;
Не крылом коснусь волны бессонной –
Белым шёлком с нитью золотой;

Белым шёлком на моей одежде,
На её крылатых рукавах.
Безоглядно верная надежде,
Поспешу, преодолевая страх.

И, когда увижу поле брани,
Буйных трав растерзанную гладь,
Голос мой, рыдая, не устанет
Князя дорогого окликать.

Там, в поток невзгод бросаясь смело,
Одиноким дум сорву печать;
Милого израненное тело

Стану, как умею, врачевать:

Белым шёлком, смоченным водою,
Кровь на ранах мужу оботру,
И дыханье смерти роковое,
Словно призрак, сгинет на ветру...»

Разгорелась битва утром рано –
На Дону^[5] мечи обнажены.

А в Путивле^[6] плачет Ярославна,
Причитает с крепостной стены:
«Ветер, ветер! Что ты поневоле
Налетаешь, преграждая путь?
К дальним грозам отменяя горе,
Ласково ладьи качая в море,
Мало в синеве свободно дуть?»

Как на крыльях, мчишь под небесами,
Бьёшься против мужа моего:
Всё быстрее гонишь над полями
Тучи стрел на воинов его!
Что ты, повелитель, как в ненастье
Кружишь вихри?

И всё круче бой!

...И моя мечта о тихом счастье
В ковьях развеяна тобой...»

На второй день битвы, ранним утром,
Над Путивлем, с крепостной стены,
Голос Ярославны – просит будто:
«Днепр Славутич! Силою полны

Пенятся твои живые воды,
Прорезая даже камень гор^[7],
В том краю, где волею природы
Диких трав раскинулся простор,

А земля – под властью половецкой.
Ты, всегда бесстрашен и могуч,
В дальний путь с дружиной молодецкой
Уносился от высоких круч

Киева, князей великих града,
И, ладьи качая на волне,
Святослава^[8], мужниного брата,
Вёл к вершинам славы на войне.

Увлекал вперёд над бездной мрака,
Через тьму препятствий и невзгод
До становищ грозного Кобяка^[9],
Хана половецкого. И вот

Вмиг волною княжеских клинков
Разметало войско степняков.

Так верни с победой, господин мой,
 Мужа на сверкающей волне,
 Чтобы, как и прежде, быть любимой,
 Будущему радоваться мне;

Чтобы не вставала утром рано,
 Не лила потоки горьких слёз;
 Чтобы ты под пологом тумана
 Все печали за море унёс!»

Третий день грохочет бой неравный
 На степной далёкой стороне,
 А в Путивле голос Ярославны
 Слышен ранним утром на стене:

«Свет мой, Солнце Ясное! Ты трижды
 На заре вставало над землёй;
 Простирая в сумрак луч надежды
 Обещало славу и покой;

Принося тепло и свет любому,
 Согревало душу красотой.
 А теперь сияешь по-иному –
 Видно, подменённое судьбой!

Что, владыко, яркими лучами
 Настигаешь храбрые полки;
 Тяжкий зной колеблешь над полями,
 Точно волны призрачной реки?

Жажда, посильнее вражьей сабли,
 Так и ходит всюду по пятам
 В тех полях, где нет воды ни капли,
 Где любимый с воинами –

там

Гневом распалила степь глухую...
 Русичам сжимая луки,

ты

Тетиву расслабило тугую –
 Стрелам нет ни сил, ни высоты;

Русичам усталым ты всё чаще
 Кожаный колчан полупустой,
 Стрелы прогибая в нём, скрипящем,
 Накрываешь гибельной тоской...»

Нет, не спорить людям с небесами,
 Коль друг с другом справиться невмочь!
 Заходило страшными волнами
 Море смерти в грозовую ночь:

Паруса круша, живое раня,
 Смерчем завилась ночная жуть!

Молний в небесах рвануло пламя –
Словно Бог всевидящий перстами
Игорю указывает путь

Из пучины бед – к степному долу,
И в раздолье русской стороны;
К золотому отчему престолу
Да в объятя верные жены!

[1] Дунай – река, по которой во времена Игоря похода проходила самая дальняя западная граница Киевской Руси; символ воли и простора.

[2] Ярославна – жена князя Игоря, дочь Ярослава «Осмомысла» Галицкого (годы его жизни 1130–1187).

3 Игорь Святославич – годы жизни 1151-1202; сын Черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича Черниговского («Гориславича»). С 1179 года — князь Новгород-Северский, с 1198 – князь Черниговский.

4 Каяла – мифическая река, символ глубокого потрясения, жестокого поражения русичей.

5 Дон – главная река в Половецкой степи; символ ратной победы русских над кочевниками.

6 Путивль – город в Сумской области Украины. Во времена Игоря похода – пограничная крепость Новгород-Северского княжества на реке Сейме, к югу от Новгорода-Северского по пути в Половецкую землю. В то время в нём княжил старший сын Игоря – Владимир (годы жизни 1170–1212), который ушёл с отцом в поход и попал с ним в плен к хану Кончаку, а затем женился на дочери Кончака и вернулся на Русь. Новгород-Северский – райцентр в современной Черниговской области Украины; как город возник в 1044 году при Ярославе Мудром на месте поселения VII-IX веков славянского племени северян; разорялся половцами в 1068 и 1080 годах; с 1098 года – столица удельного Северского княжества, входившего в состав княжества Черниговского.

[7] Камень гор – пороги в низовье Днестра, заселённом в то время половцами.

[8] Святослав (Всеволодович) Киевский – князь (годы жизни ок.1125–1194), с 1180 года верховный правитель Руси; старший двоюродный брат князей Игоря и Всеволода «Буй Тура», внук Олега «Гориславича»; за год до похода Игоря Святослав в союзе с Рюриком Ростиславичем наголову разгромил половцев.

[9] Кобяк – половецкий хан Кобяк Карлыевич, взятый в плен русскими войсками под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского в 1184 году.

Харчиқов Александр

Тула

РОЛЬ

Приснилось мне - живу без языка,
И никому невнятен жесты горя.
Свобода для духовного "зэ-ка"
Горька, как утопающему море.
Я понял, что бороться нету сил:
Ни паруса, ни берега, ни света...
"Убей меня!" - я Бога попросил
И не услышал от него ответа.
Я медленно глаза свои открыл.
Я на колени встал перед толпою.
И взмахи двух прозрачных мощных крыл
Я в ужасе увидел над собою.
И голос был на ужас мой в ответ:
"Живи. Иди. Суди! Коль ты поэт.
Живи. В воде тони, в огне гори!
Суди! Но людям правду говори!"
Молю: " О, Боже! В чем я виноват?
Будь милостив, прости меня. Не надо...
Отправь меня прямой дорогой в ад.
Мне мир судить страшнее козней ада".
И ласково сказал Господь в ответ:
"Иди, живи, суди, коль ты - поэт".

ПОКАЯНИЕ

Мне говорят: " Пожил - и хватит,
Творец "литературных пут"!
Меня повсюду виноватят
И к покаянию зовут.
Я каюсь!
В том, что честно прожил
И в том, что честно жить учил,
Что лишь словами бил по роже,
А в рожу кулаком не бил.
Я каюсь, что начальством не был,
Что взятки никогда не брал,
Что не хватал я звезды с неба,
Что звезд на грудь не нахватал.
Я каюсь, что всегда наградой
Свобода Родины была,
Что не лизал начальству зада,
Не жрал объедки со стола.
Я каюсь в том, что нищий с детства,
Писал стихи и лил металл,
Что детям не скопил наследства
И что друзей не предавал.
Что не был там, где бьются лбами,
Где сатанинская игра...
И я скриплю теперь зубами -
Пришла раскаянья пора!

НОЧНОЕ

Не спите, не спите, не спите!
Ночами являются сны -
Предвестники бурных событий
И дел неразумных сыны.
Проснитесь, проснитесь, проснитесь!
Поймите коварство ночей.
Вас шпоры судеб и событий
Влекут к водопадам речей.
Вам вяжут и силы и мысли...
Смотрите: у лучших из вас
Могучие руки повисли
В коварный предутренний час.
За вами придут на рассвете.
Бросайтесь в пучину дорог!
...Жестокого времени дети,
Студенты войны и тревог.

ТЕМА

Мы с тобой по широкому полю:
Грудь на грудь и кулак на кулак
Кто-то выдал нам волюшку-волю.
Для чего? - непонятно никак...
Мы готовы за что-то сражаться.
И сражаемся - Бог нас спаси!
Если драться привыкли, так драться,
Как ведется века на Руси.
Нету врага - лупим друг друга.
Рукава до локтей - и круши!
Синий лед на дороге да вьюга..
Это радость для русской души!
Протянулась страна на полсвета.
Кто мы, что мы - сказать не берусь.
И доньине не слышно ответа:
Ты куда же несешься - то, Русь?
Сколько бабы твои голосили?
Сколько правил неправедный суд?..
И куда тебя кони носили?
И куда тебя черти несут?

СУДЬБИНА

К чему судьба прибила,
 Куда она влечет?
 Что было, то и было:
 И слава и почет.
 Но слава не решает
 Нам основных проблем,
 Она напоминает
 Решение дилемм.
 Как пирс от парохода,
 Плышет - не удержать:
 Ни мнение народа,
 Ни радость воевать.
 Ты жив еще, конечно.
 Ты нужен сам себе.
 Но над тобою вечно:
 "Судьба, судьбы, судьбе..."
 Как страны занимают
 Враждебные войска,
 Так в душу наплывает
 Чернильная тоска.
 К чему такая гонка?
 К чему теперь пальба?
 А нам в ответ тихонько:
 "Судьбе, судьбы, судьба..."

ИУДА

Я не пью за здоровье Иуды.
 Пусть он сдохнет в положенный срок.
 Пусть сухие осины повсюду
 Поджидают преступный порок.
 Пусть Иуда с кривою усмешкой
 Между нами неслышно пройдет.
 И своею негласною слезкой
 Осчастливит страну народ.
 Нынче новыми стали Иуды.
 Их не учат иудить нигде,
 Но они возникают повсюду:
 На земле, в небесах и в воде.
 Всюду жаждут сегодня доносов
 Прокураторы разных мастей,
 Чтобы груз нерешенных вопросов
 На Иуса взвалить поскорей.
 И шныряют Иуды повсюду.
 Наступило Иуд торжество.
 Я не пью за здоровье Иуды.
 Бью бокал за погибель его.

Анвар Усманов

г. Москва

И сам не свой, и вам ничей –
 Иду, иду.
 Среди теней, среди свечей –
 Бреду, бреду.
 В бреду, во сне, ни жив ни мертв –
 Зачем, зачем,
 Меж льдинами судьбы затерт
 Ковчег, ковчег.
 В нем всех по два, а я один
 Всегда, всегда,
 Среди зияющих вершин
 Моя одна.

НАЙДУ, РЕШУ, УЗНАЮ...

Найду я сторону свою – когда?
Узнаю, кто я есть такой – зачем?
Решу, что с этим делать мне – ну да,
Чуть поживу еще потом – вот с кем?

А, впрочем, разница какая мне,
Кто рядом, та или не та совсем,
Ведь главное, чтоб голова в огне
И чтобы рифм хватало, слов и тем.

Я ухом прислонюсь к земле,
Услышу топот сотен кобылиц,
Несущихся стремглав во мгле
Моих непознанных души страниц.

Порханье бабочки я различу сквозь пыл,
И, потеряв на время слух и речь,
Увижу – взмах ее легчайших крыл
Рождает где-то ураган и смерч.

Белугой взвою среди вечных льдов,
Совой заухаю среди глухих ветвей,
Зальюсь слезами сотен черных вдов
И муками сожмусь несчастных матерей.

Свернусь зародышем в родимом чреве,
Подставлю шею топору на плахе,
Покроюсь пятнами в напрасном гневе,
Забьюсь отчаянно в животном страхе.

Я откажусь три раза как и Петр,
Повешусь на осине как Иуда,
Я высохну как лист в голодомор,
Вина я выпью с ядом как Гертруда.

Другим хочу я стать, как стал им Павел,
Взойти на эшафот, убийц любя,
Вне времени, законов, правил
Взойти туда и обрести себя.

Я НЕ ОДИН

Я не один живу на белом свете,
Живу уже - который год подряд,
Я не один зимой грущу о лете,
В жару же вспоминаю снегопад.

Но я один иду своей дорогой,
Открытый ураганам и ветрам,
Пусть сделал стоящего я совсем немного,
Но это сделал без подсказок - сам.

Я выворачиваюсь наизнанку сам
На именинах, встречах, свадьбах, тризнах,
Я вивисектор своих личных драм,
Патологоанатом своей жизни.

Развешиваю мокрое белье,
Несохнувшее, мыслей и сомнений,
Как спелый плод я сердце жму свое,
Чтоб брызнул сок и уксус откровений.

У кромки океана своих грез
Лежу, зажмурившись, свернувшись как улитка,
От брызг его солоноватых слез
Давно я вымок до последней нитки.

Я не один, но я один всегда,

В толпе многоголосой - одинок,
Подмигивала когда-то мне звезда,
Но и она погасла – вышел срок.

Среди приятелей я шутником слышу,
Почти не видно сквозь улыбочки повесы,
Как трудно и натужно я плыву,
Как баржа, перегруженная лесом.

Я научился делать вид, держать удар,
Но часто хочется мне в мамин бок уткнуться,
Услышать нежное – поспи, поспи, Анвар,
И в отчем доме мальчиком проснуться.

НОВЫЙ ГАМЛЕТ УМИРАЕТ

Симулякры и фантомы,
Муляжи и миражи,
Напомаженные гномы,
Лилипуты и пажи.

Вместо крови сок томатный,
Пудра вместо седины,
Вместо снега стекловата,
Желтый круг вместо Луны.

Ритуалы вместо веры,
Вместо правды жизни сюр,
Вместо простоты манеры,
Вместо красоты гламур.

Мир приклеенных улыбок,
Мир придуманных страстей,
Неоплаченных ошибок,
Незатейливых затей.

Вместо таинства порнуха,
Вместо счастья звон монет,
Вести заменили слухи,
Разноцветье мнений – бред.

Имитация работы,
Симуляция труда,
Непрерывная зевота,
Безразличья маята.

Чучела и манекены,
Куклы разных кутюрье,
Декорации и сцены,
Реквизиты, шансонье.

Луком вызванные слезы,
Смех притворный, слов мура,
Не позиции, а позы,
Не сраженья, а игра.

Грим, румяна и белила –
Вместо ясного лица,
Доминирование силы
Над задумками Творца.

Нет ни гнева, ни борьбы,
Жизнь проходит на диване,
Онанизм – вместо любви,
Вместо родов – почкованье.

Вместо мяса суп из сои,
Вместо мыслей нефть и газ,
Вместо храмов грязь помоек,
Вместо неба унитаз.

Вместо чести компромиссы,
Вместо славы стыд и срам,
Вместо доводов капризы
Вместе с хамством пополам.

Порицание талантов,
Почитание чинов,
Поругание гигантов,
Потрясение основ.

ПЛЯСКИ

Тирания повседневности
Обесценивает смыслы.
Узурпация посредственности
Укорачивает мысли.
Деспотизм несовершенства
Оскопляет красоту.
Самодурства верховенство
Порождает немоту.
Своеволие вертопрахов
Душит пыльною волной.
Беззаконие вахлаков
Давит толстою плитой.
Самодержец-надзиратель
Ковыряется в носу.
Порожденный им каратель
Бьет прикладом по лицу.
Самодурство деградантов,
Загнивание умов,
Унижение талантов,
Абортация мозгов.
Блажь и прихоть вырожденцев,
Пляски безголовых тел,
Своевластия коленца,
Произвол и беспредел.

ТОЧКИ...

Я точек в судьбах не терплю,
Их даже в текстах не люблю,
Любить рассудок не велит,
С ними мирюсь, не боле,
О сколько точки принесли
Несчастий, зла и боли!
О скольких точки довели
До пули, яда, до петли,
До стенки без окна,
До крайности, до дна,
Я в точке вижу приговор,
Я слышу в ней немой укор,
Удар судейский молотка,
Жестокость властного кивка,
Я чувствую штыка удар,
Смертельной раны боль и жар,
Неотвратимость гильотины,
Убийственность пехотной мины,
Свист пули, бьющей наповал,
Последний бой, девятый вал,
И чей-то дикий выкрик "пли",
И страшный хлад чужой земли,
И стук шагов безлунной ночью,
Я не приемлю точку злую,
Прошу – поставьте запятую,
Тире, дефис и отточье...

Я БОЛЕН

Я препираюсь, горячусь,

Ворчу, ругаюсь и мечусь,
 Я не доволен сам собой,
 Людьюми, страную и судьбой,
 То возвышаю голос свой,
 То препинаюсь, тороплюсь,
 Сопротивляюсь и борюсь,
 То заикаюсь и боюсь,
 Не соглашаюсь нервно,
 Теряю разговора пульс,
 Расклеиваюсь первым,
 Не нахожу я нужных слов,
 Я скован сотнями оков,
 Теряю ритм и темп,
 Порою даже нем,
 Я спотыкаюсь, я скольжу,
 Прошу, молюсь и ворожу,
 То как кликуша закричу,
 То струшу, стихну, замолчу,
 Несдержан я, неровен,
 Я, видно, очень болен.

Пустые глазницы небес,
 Пустые глаза у невест,
 Пустых заклинаний пора,
 Пустых обещаний игра,
 Пустых разговоров резина,
 Пустых повторений рутин,
 Пустые затеи, пустые мечты,
 Пустых рассуждений слепые кроты,
 Пустых уговоров капкан,
 Пустых заверений обман,
 Пустые слова, пустые дела,
 Пустая земля, пустая зола,
 Пустой голове поклоненье,
 Пустых три подряд поколенья,
 Пустые луга, пустые века,
 Пустые тома, пустые дома,
 Пустые тарелки, пустые бутылки,
 Пустые цитаты, эпитеты, ссылки,
 Пустых откровений игла,
 Пустая беззвучная мгла.

ПУСТЫЕ ДУШИ

Пустые люди. Души, как коробки -
 Пусты. Фальшивы, недоразвиты и тупы,
 Порочны, подозрительны и скупы.
 На воровство быстры, на мерзость ловки.
 Пустой костюм идет по коридору.
 Пластмассовый искусственный мирок.
 Я здесь, как будто, отбываю срок.
 Бежать скорей от этого позора.
 Но нет - сижу, молчу, порой кричу.
 И разрывает внутренний конфликт.
 Душа готова выпрыгнуть из тела.
 О, как бы она радостно запела,
 Когда б жила и пела, как хотела -
 Свободно, громко, яростно и смело.
 Пока лишь слышен сдавленный мой крик.
 Остаться, сохраниться человеком
 Я должен, я обязан, я смогу.
 Вы для меня как скисшее рагу,
 Несчастные душевные калеки.
 Я не приемлю вашего величья,
 Величья мнимого господ в глазах прислуги.
 Смешны мне ваши игры и потуги,
 Дома, машины, мысли и обличья.
 О, как мне надоели дураки!
 Их тупость, злость, бессмысленные речи.

Перед начальством согнутые плечи.
 Готовые к удару кулаки
 По слабому, чужому, по другому,
 Кто мыслит и живет не так, как вы.
 Отродье жалкое – презренные рабы.

Мне не поставят памятник потомки,
 Я не войду в анналов пыльный свод,
 И даже скромная газетная колонка
 Не осветит мой преждевременный уход.
 Не будет плакать безутешная вдова
 У гроба, утопающего в розах,
 И не пойдет гулять по мне молва,
 Из женских глаз выдавливая слезы.
 Не прозвучит в Политехническом мой стих,
 К добрейшим чувствам пробуждая весь народ,
 Не нарисует посвященный мне триптих
 Художник, иль хотя бы натюрморт.
 Не пропоют мне в память - Аллилуйя,
 Не сложат гимны, панегирики и оды,
 И в школьную программу не войду я
 Ни при каком режиме и погоде.
 Но я останусь – это мне награда,
 Тоскою в завываниях ветров,
 Печалью в желто-красных листопадах
 И чистотою в белой святости снегов.

В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ

В каком-то смысле я не образован,
 В каком-то смысле бескультурен, не умен,
 В каком-то смысле в математике подкован,
 В каком-то смысле в философии силен.
 В каком-то смысле я любим своей женою,
 В каком-то смысле и другими я любим,
 В каком-то смысле кто-то пользуется мною,
 В каком-то смысле тоже пользуюсь я им.
 В каком-то смысле я для тех гроша не стою,
 В каком-то смысле для других бесценен я,
 В каком-то смысле назовут меня героем,
 В каком-то смысле кто крикнет мне – «свинья».
 В каком-то смысле я энциклопедичен,
 В каком-то смысле я порхаю по верхам,
 В каком-то смысле я беспечен и циничен,
 В каком-то смысле я назойлив и упрям.
 В каком-то смысле я моралью озабочен,
 В каком-то смысле аморален, словно Вах,
 В каком-то смысле я испорчен и порочен,
 В каком-то смысле я как ангел в небесах.
 Всё происходит меж людьми в каком-то смысле,
 В каком-то смысле все живут, и я живу,
 В каком-то смысле люди чувствуют и мыслят,
 В каком-то смысле это так не назову.

«Ты меня не любишь, не жалеешь»,
 Холоден твой взгляд, слова пусты,
 Гневную волну не заалеешь,
 Безразличие излучаешь ты.
 Меня бесит это равнодушие,
 Я готов простить удары слов,
 Лишь бы не презрения удушье,
 Только б не бесчувствия покров.
 Я теряю нить повествованья,
 Я деморализуюсь, я боюсь
 Мерное спокойное дыханье,
 Зевоту и равномерный пульс.
 Ненавижу тихую погоду,

Не по мне затишье и ничья,
Я люблю волненья природы,
Шторм люблю и ливень в три ручья.
Помнится, и ты любила ливни
И раскаты грома в небесах,
Изменилось что-то в нашей жизни,
В жизни что-то превратилось в прах.
Но себе я изменять не буду,
Не со мной ты, так лети как птица,
Мне судьба еще сварганит блюда
С перцем, солью, хреном и горчицей.

ЗНАЮ Я, ЧТО В ТОЙ СТРАНЕ НЕ БУДЕТ...

Я подошел к метро, где меня должна была ждать жена. Ее не было. Я остановился, огляделся, задумался. Мне неожиданно вспомнились строчки: «Знаю я, что в той стране не будет этих нив, златящихся во мгле». Не успел я этих слов мысленно произнести, как явственно, как-то очень остро, почти физически почувствовал, что когда-нибудь умру и не будет «этих нив, златящихся во мгле», не будет наплывающих на меня как волны прибоя или баржи каравана из тьмы строчек, которые я стараюсь зарифмовать, не будет людей, этого города, городского шума, целого мира, не будет переживаний, радостей, ничего не будет. Я представил, как я засну и не проснусь.

Улечу я на бумажном самолете,
Уплыву я на бумажном корабле,
И нигде вы меня больше не найдете,
Потому что нету меня больше на земле.

Куда я улечу, уплыву? Будет мне там что-то снится? Будет ли так другая жизнь? Будет ли там хоть что-то?

Ничего там, наверное, не будет. А если и будет, но я не буду помнить этой, нынешней жизни, как я ничего не помню сейчас о своих прошлых жизнях, если они, конечно, были. Ангел, говорят, прикасается к губам младенцев после их появления на свет, и они забывают все, что знали.

Такое состояние, такое дуновение из небытия длилось всего несколько мгновений. Когда я пишу эти строки, того ощущения, мгновенного, краткого ощущения чего-то запредельного, некоего дыхания бездны уже нет.

Я нахожусь в фойе какого-то медицинского учреждения (жена все-таки пришла в назначенное место и мы пошли с ней по ее делам), сижу в кресле и на клочке бумаги пытаюсь восстановить то мимолетное чувство, которое охватило меня полчаса назад у метро, и не могу его восстановить. Оно ушло. Занавес приоткрылся и упал. «Знаю я, что в той стране не будет... Оттого и дороги мне люди, что живут со мною на земле».

Живите, люди. Вы мне все стали так дороги. Не умирайте раньше смерти. Она придет, сомнений в этом нет. Но прожить надо бы по-людски.

Всяческих смирительных рубашек
С детства не приемлю тесноту,
Циркуляров, гербовых бумажек,
Правил отвергаю правоту.
Я по рельсам как трамвай не езжу,
Не нужна мне чья-то колея,
Пусть я торю сам ее все реже,
Но зато она только моя.
Не нужны законов, норм и сводов,
Кодексов мне тысячи томов,
Я попрание моей свободы
Отрицаю как попрание основ.
Моя мера - отрицанье меры,
Моя догма - отрицанье всяких догм,
Моя вера - отрицанье веры,
Моя норма - отрицанье всяких норм.

Не могу понять я и измерить
Муку и отчаянья предел
Тех, кого приговорили к смерти,
Тех, кого выводят на расстрел.
Ожиданье смерти хуже смерти,
Как же можно не сойти с ума?!

Смерть страшна, но пострашнее эти
Три шага до выстрела, до рва.
Вы задумайтесь о страшной муке,
Что несчастным этим рок отмерил,
В справедливость никогда не верил,
К милости богов вздымаю руки.

Ты кричала им что было мочи,
Но слова растаяли во тьме,
И глаза твои в цвет сине-черной ночи
Буду помнить я на Колыме.

Ломкий зимний воздух,
Наледь слез у глаз,
Бьет прикладом поддых
Каждый вздох, а нас
Гонят вертухаи
На лесоповал,
В это время, знаю,
Бог нас забывал.

КОШМАРНЫЙ СОН МАТЕМАТИКА

Асимптоты взбунтовались,
Экспоненты отреклись,
Интегралы отказались,
Производные спеклись.
Обнажились все пределы,
Ряд Фурье ушел в запой,
Градиенты заболели
Непонятной кривизной.
Дивергенция и ротор
Гонят вместе самогон.
С модулем случилось что-то,
Отрицательным стал он.
Оператор набла в секту
Саентологов подался.
Тензор, а за ним и вектор,
В монастырь жить перебрался.
Истрепалась амплитуда,
И экстремум стал не тот,
Число пи, ну вот зануда,
Уточняется раз в год.
Параллельные прямые
Под прямым углом свелись.
Распрямились все кривые,
Бесконечности сошлись.
Ось абсцисс, забавя свет,
Изогнулась как подкова.
Ось другая ей ответ
Замычала как корова.

ЕЩЕ

Еще подносят только мундштуки
К губам кровоточащим трубадуры,
И лишь поведут ноздрями быки,
И к ауспциям готовятся авгуры.
Лишь тянется еще рука к эфесу шпаги,
И занесен лишь гильотины нож,
Еще не высохли чернила на бумаге,
И лишь готовится из уст сорваться ложь.
Еще измена только притаилась,
Еще не ясен выбор и расклад,

Поднял лишь миг назад свой меч Аттила,
И чашу приказал внести Пилат.
Еще взяла лишь в руку нож Шарлотта,
Марат пока ее ударом не пронзен,
Не началась еще предсмертная зевота,
Еще не вырвался из уст смертельный стон.
Еще подходит Лермонтов к барьеру,
Цветаева еще стоит с петлей на стуле,
Еще Есенин пишет в Англии,
И в Гумилева только полетели пули.
И ледоруб лишь занесен над Троцким,
Еще до ямы Мейерхольду пять шагов,
Еще наган лишь вытащил Юровский
И не сказал еще он страшных слов.
И только едет Пушкин к Черной речке,
И Маяковский тянет к сердцу пистолет,
Еще возможен промах и осечка,
Еще возможны...Очень скоро - нет.

*Посвящается жертвам Холокоста.
А также всем евреям и им сочувствующим*

Вся боль еврейского народа
Полощется в озерцах глаз,
Дым Холокоста, страсть Исхода,
Навин, Есфирь, Экклезиаст.
Печаль веселого Пейсаха,
Высокий звонкий тон судеб,
Упорство веры против страха,
Неотрешимость стольких лет.
Как плачет и смеется скрипка,
Как высоко берет гобой,
Как много сказано улыбкой,
Как много познано судьбой.
И Пастернака глас живаго
Звучит в Хава нагилы пенье,
«Воронежских тетрадей» знаки
Сочатся кровью через стены.
Летающий профиль Мейерхольда
Мне видится среди их лиц,
О сколько муки, сколько боли
За пологом седых ресниц.
В их жилах кровь таких людей -
Христа, Аврама, Моисея,
Мне жалко, что я не еврей,
Как я хотел бы быть евреем.

*«Будь проклят сорок первый год...»
Семен Гудзенко*

Пусть будет проклят сорок пятый,
Тридцать седьмой, сорок второй,
Двадцать восьмой, пятидесятый,
Тридцать второй, сороковой...
Пусть будут прокляты все годы,
Когда бал правил сатана,
В тисках тоски и несвободы
На дыбе корчилась страна.

P.S.
Меня ведь спросят, точно знаю, -
Что ж сорок пятый написал?
А потому, что сатана - и
В тот год, как прежде, правил бал.

По пятам за мной бродит измена,
 Две разлуки с утра стерегут,
 Шприц с бедою вонзается в вену,
 И страданье всегда тут как тут.
 Каждый день на подъездной скамейке
 Поджидает меня клевета,
 Птички-слухи расселись на ветках
 И галдят, и кудахчут – беда.
 Под окном заседает компашка –
 Страх, унынье, тоска во главе,
 За рюмашкой без пауз рюмашка,
 За доносом без пауз навет.
 Трудно жить без надежды и веры,
 Убивали их долго, лет сто,
 Нынче цвет у страны – грязно-серый,
 Все - не так, все - не те, все - не то.

Суперпозиция сомнений
 Рождает в нас оксюморон,
 Противоречивость разных мнений
 Наносит психике урон.
 Не говорю – не сомневайся,
 Но говорю – не прогибайся.
 Не говорю – от тех уйди,
 Но говорю – к себе иди.
 Не говорю – других забудь,
 Но говорю – с собой побудь,
 Не говорю – не слушай многих,
 Но говорю - послушай Бога.

*«Не выходи из комнаты»
 Бродский*

*«Я никогда не стоял,
 если мог сесть, и никогда не сидел,
 если можно было лечь»
 Приписывается Черчиллю*

Не вставай с кровати,
 Не вставай, лежи.
 Ну с какой вдруг стати
 Стоя надо жить?
 Лежа – лучше думать,
 Лежа – слаще спать,
 Лучше мокрых улиц
 Теплая кровать.
 Лучше подzemелья
 Душного метро
 Теплоты постели
 Милое нутро.
 Спи в ночной сорочке,
 Нежься в мягком пледе,
 Нету заморочек
 Точно до обеда.
 Отдыхай, расслабься,
 Здесь ты демиург,
 Злобой дня не парься,
 Мир исчез вокруг.
 Не открывай вежды,
 В постели ты один,
 Здесь ты самодержец,

Здесь ты властелин.
Полнокровный барин,
Сам себе король,
Сам себе хозяин
Поперек и вдоль.
Больше нет законов,
Все приказы - пыль,
Ни царей, ни тронов
Нет на тыщи миль.
Спиииииииии...

*"Все на продажу понеслось,
и что продать, увы, нашлось"
Визбор*

Цены все назначены,
Ценники написаны,
Взятки все проплачены,
Все убытки списаны.
Прибыли подсчитаны,
Продавцы упитаны.
Люди ходят с кошельками,
Выбирают, покупают,
Эта вещь с пятью нулями,
И на эту не хватает.
А вот эта в самый раз,
Купим, Петя, унитаза.
Крутится по свету
Карусель продаж,
Веники, котлеты,
Книжки и билеты,
Самолет, гараж,
Гульфик в самый раз.
Люди входят в раж.
Ценник на Евангелы -
Сто целковых с гаком.
Купим, Вася, ангела,
Глянцевый с лаком.
Вот Христос за триста,
Будда за семьсот,
Налетай, столица,
Подходи, народ.
Только нету ценников
На надежде сроду.
Не купить за деньги
Правду и свободу.
Заработай миллиард,
Купишь точно все подряд,
Только счастье не купить,
Без него придется жить.
И мозги не продаются
На тарелочке и блюде.
На прилавках в магазинах
Не сыскать любви и чести
Кроме бабы из резины
И меча из мягкой жести.

Подоконник - граница между мирами,
Здесь – пол и стены да тараканы.
Там – воздух,
Там свет,
Там можно,
Здесь нет.
Здесь пол дощатый,
Веник и таз.
Там беспощадно

Солнце бьет в глаз.
Там птицы,
Здесь склизко.
Стану на границу,
Давно хотел.
Можете молиться,
Я улетел.

ИСЦЕЛЕНИЕ КАЛЕК

Человеческая низость
Покоряет города,
Ниже цоколя карнизы,
Еще ниже провода.
Провода искрят о крыши,
Что уже лет сто худы,
По углам скребутся мыши,
В стенах делая ходы.
Пахнет кислой капустой
И гнилыми потрохами,
Экскрементами и дустом
С трехрублевыми духами.
Люди ждут - им обещали,
Потому и нет печали,
Что настанет скоро век
Исцеления калек.
2 августа 2008 г.,
поезд Москва – Симферополь

В карусели ложных истин
Закружилась голова,
Правит ложь ныне и присно,
Власть насилуя слова.
В окружении ложных слов
Смысл теряется и вера,
Окружают нас химеры
Разных каст и возрастов.
Я и сам порой, бывало,
Им заглядывал в глаза,
Позабыв про идеалы,
Наплевав на образа.
Ложь примеривает маски,
Ловко смешивает краски,
Краски радуг хороши,
Не приемлю лишь один -
Грязно-серый отблеск лжи,
Серо-тусклый цвет осин.
Ложь выходит на поклоны,
Держится легко по сцене,
Тем сыграет гимн Мамоне,
Этим - жадности и лени.
Сквозь тенеты лжи колючей
Вырваться пытался лучший,
Гвозди вбили ему в руки,
Чтоб забыл такие штуки.
Ложь обманчиво красива,
То грустна, то весела,
То серьезна, то игрива,
То пуглива, то смела.
Расставляет ложь капканы,
Мышеловки с пармезаном,
Приглашает в номера,
Где водяра и икра.
К каждому найдется ключик,
Тому деньги, тому славу,
Этому - надежды лучик,
Тому - сладкой лжи отраву.
Лучшее оружие - лесть,
Как красив, умен ты, милый!

Устоять никто не в силах,
 Поглядеть хотел бы, право.
 Коль один хоть стойкий есть.
 Раздает товары даром,
 Налетай, мусье, медам,
 Compliments - милым дамам,
 Липкой лести – господам.
 Ложь читает людям басни,
 Тихим тоном мудреца,
 Ее басни не напрасны,
 В них погрязли до конца.
 Как же вырваться нам, брат,
 Я не ведаю, не знаю,
 Об одном только мечтаю -
 Самому поменьше лгать.

ПЕСЕНКА

Восходы и закаты,
 Прорехи и заплаты,
 Играет перебором на струнах сердца грусть.
 Мечтанья и страданья,
 Порывы и метанья,
 Пусть поднимает вьюгу в душе смятенье, пусть.
 Я был когда-то весел,
 А нынче нос повесил,
 То время словно гирька склоняет вниз мой нос.
 Я пережил уж многих,
 Неловко на пороге
 Второго полувека, то ль в ожидании солнца, то ль в ожидании гроз.

ОНИ - СО МНОЙ

Они меня не оставляют,
 Мои великие друзья,
 Один смешит, другой пророчит,
 Приходит третий среди ночи
 И говорит - Ты что, нельзя.
 Они меня сопровождают,
 Моей души учителя,
 В секреты жизни посвящают,
 Быть человеком помогают
 То строгим тоном, то моля.
 Они со мной, со мною рядом,
 Весенним громом бьют в набат,
 Шуршат осенним листопадом,
 Звенящей тишиной молчат.

Не держал Корана я в руках,
 Библию не отличал от Торы,
 Но не чужд Иисус мне и Аллах,
 И про всё про это разговоры.
 В бога душу мать видал не раз,
 Что же мне религии чураться,
 Начну делать каждый день намаз,
 Только неохота обрезаться.
 Я давно хочу пойти пешком
 В Мекку иль на гору Арарат,
 С посохом корявым и мешком,
 Где лишь только сухари лежат.
 Иудеев нравятся законы,
 Пейсы я хотел бы отрастить,
 Дань отдал, конечно, я Мамоне,
 Эту дань теперь бы возвратить.
 К кришнаитам я тянусь всем сердцем,
 Мне животных жалко, как и им,
 В этом смысле мы единовѣрцы,

Как они я нежен и раним.
 Как-то раз свидетель Иеговы
 Подошел ко мне, видать, не зря.
 Огорошил незнакомым словом,
 Все, берите тепленьким меня.
 Снился по ночам мне Иегова,
 С ним еще штук пять бородачей,
 Я просил их – Ну скажите Слово,
 А они молчат, хоть рот зашей.
 Я потом свидетельствовал точно:
 Видел, был свидетелем не раз,
 Все мои виденья правомочны,
 Рот неймет, но видел все мой глаз.
 Правда, иногда я сомневаюсь,
 То ли видел или на ночь перепил,
 Вот теперь и мучаюсь, и маюсь,
 А с похмелья нету думать сил.
 Мне б теперь податься в староверы,
 Новой я объелся выше рта.
 Я куплю в сельпо мясных консервов,
 И уеду на хрен на Алтай.

Я ненавижу злобное веселье,
 Я ненавижу подлость и тюрьму,
 Когда в кружок преступники расселись
 И учат нас, кто жизни, кто уму.
 Я ненавижу воровство идей,
 Когда жулье шмонает по карманам,
 Противен мне зарвавшийся халдей,
 Бесстыдно промышленяющий обманом.
 Я ненавижу выстрелы в затылок,
 Я не приемлю лжи любой вуаль,
 Мне ненавистен воли злой избыток,
 Знать не хочу, как закалялась сталь.
 Концлагерей я ненавижу маету,
 Когда на цепь сажают благородство,
 Когда удавкой душат красоту,
 Когда под маской святости уродство.
 Не по душе мне мелкотравчатость людей,
 Угодничества гнойная заноза,
 Мне мерзок торжествующий злодей,
 Хлоп не менее мне мерзок в рабской позе.
 Я ненавижу, когда мучают и душат,
 Покорность сея в людей, боль и страх,
 Я ненавижу тех, кто верно служит
 И лижет чресла власти весь в слюнях.
 Я ненавижу, если кулаком в лицо,
 Поленом по хребту, коленом в пах,
 Когда сквозь ноздри продевают нам кольцо
 И на убой ведут, другим на страх.
 Мне ненавистен страха липкий пот,
 Угодничество я не приемлю с детства,
 Я ненавижу, коль тирану смотрят в рот
 И если цель оправдывает средства.
 Я ненавижу сватовство порока
 И если правде зажимают рот,
 Бесправие не нравится без срока,
 Безмолвный мне не нравится народ
 Насилие, беззаконье, произвол
 Я ненавижу буду, пока жив,
 Я не приемлю соглашательства укол,
 Желаний низких гадостный порыв.
 Я демагогии гниющий рот
 Приучен жизнью чутая за версту,
 Когда с амвона проповедник лжет,
 Становится совсем неумогу.
 Я ненавижу мародерства смрад,
 Карателей я ненавижу всей душой,
 Пусть твой начальник трижды жлоб и гад,
 Но сам-то ты зачем же стал такой?

Я не приемлю совести измену,
 Бесстыдства отрицаю я суму,
 Я ненавижу много.
 Nota Bene -
 Я ненавижу ненависть саму.

"Мы живем, под собою не чуя страны..."
Осип Мандельштам

Мы живем, над собою не чуя небес,
 Крыши вместо небес с чердаками и без,
 Мы живем, за собою не чуя стыда,
 Отменили его, уж забыл я когда,
 Мы живем, не видя, не помня, не зная,
 Лишь жила бы страна до печенок родная,
 Мы живем, не любя, не жалея, не плача,
 И не знаем, как можно и зачем жить иначе.
 Мы живем, сладко спим, мы храпим, мы едим,
 И в порывах своих наш народ как один.
 Мы живем, семимильный чеканя шаг,
 И бежит в страхе прочь наш заклятый враг,
 Нам ведь все по плечу и ничто нипочем,
 Подпираем мы мир богатырским плечом,
 Мы гордимся собой, мы гордимся страной,
 Мы гордимся ОМОНОм, ФСБ, «Сатаной»,
 Мы гордимся короткой кровавой войной,
 По нутру нам короткие наглые фразы,
 Чем сечет супостатов фюрер наш раз за разом,
 Ядовитой слюной разгоняя врагов,
 Чтоб не смели они потрясать наш остов,
 Мы живем, ненавидя оранжевый цвет,
 Хуже роз, зная точно, цветов для нас нет.
 Мы живем, нефть и газ – наши счастье и кредо,
 И гнилыми ногтями нагибаем соседа.
 Мы живем, наслаждаясь насильем до рвоты,
 До кровавых мозолей и вонючего пота.
 Мы живем, под собою не чистя, не моя,
 По пупок в испражнениях, грязи и помоях.
 Это жизнь? Я скажу откровенно, друзья,
 Это жизнью назвать ну никак уж нельзя.

Снимая еще теплого Христа
 С кроваво-красного тяжелого креста
 Под улюлюканья, выкрики и стоны,
 Держа в руках его пробитые ладони,
 От смертного восторга замирая,
 И кровь Его святую, пот и пену,
 Стирая с уст, груди Его, коленей,
 И уходящее тепло Его вбирая,
 И рану защищая от слепней,
 И к язвам искалеченных ступней,
 Дрожащими руками прикасаясь,
 И в плащаницу заворачивая тело,
 Безмолвно, не дыша почти, не смело...
 Могли ли знать они в тот день и час,
 Что колокол вселенский прозвучал,
 И то, что предначертано, свершилось,
 И в тысячелетиях последующих времен
 Его словами прозвучит тот звон.

Я потерялся в этом мире,
 Брожу один туда-сюда,
 Служу мишенью в чьем-то тире
 Или орудием труда

В чьих-то неясных мне заботах,
 В чьих-то таинственных делах,
 В чьей-то невидимой работе,
 В чьих-то загадочных трудах.
 Иль снюсь кому-то в страшном сне я,
 А, может, в сладком сне я снюсь,
 Я-то белею, то краснею,
 То прогибаюсь, то храбрюсь.
 Иль снится мне весь этот свет,
 Во сне блуждаю, наяву ли,
 То разговорчив я, то – нет,
 То возвышаюсь, то сутуюсь.
 Не знаю, что меня тревожит,
 Что гложет, мучает меня,
 Высокие проблемы, может,
 Иль злоба нынешнего дня,
 Заботы тягот, празднеств флер,
 Мечты, надежды, зов чудес,
 Чьи-то глаза, чей-то укор,
 Будящий плоть и чувства бес?
 Незнанья своего боюсь,
 Иль отягощен излишним знаньем,
 Чего-то смутного страшусь,
 Чем-то смертельным я отравлен,
 Ответами я удручен,
 Или вопросов тяжесть мучит,
 Химерами я увлечен,
 Влечет меня судьба иль случай?
 Если суммировать пытаться,
 Чем же я занят день-деньской -
 В себе пытаюсь разобраться,
 Хочу узнать - кто я такой?
 Способен я иль не способен?
 Труслив, испуган или смел?
 Герою храброму подобен?
 Или бояться мой удел?
 Могу ли я пойти на вы,
 Ни чина не боясь, ни сана,
 Тише воды, ниже травы
 Буду вести себя, иль рьяно
 Буду бороться до конца?
 Или смирюсь, поддамся, сдам,
 Склонюсь, унижусь и предам,
 Теряя признаки лица?
 Или воспряну и восстану,
 Возвышу голос свой и дух,
 Сражаться я не перестану,
 Пока есть зрение и слух?
 Мне трудно, страшно, Боже правый,
 Но жалости не надо мне,
 Не надо почестей и славы,
 Не надо мне беспечных дней.
 А дай же, Бог, мне испытанье,
 Прошу – пошли мне путь и крест,
 Не милости прошу, не званий,
 Прошу я терний у небес.

Неровен, не уравновешен,
 Но не утоплен, не повешен,
 Не четвертован, не расстрелян,
 По полю пеплом не рассеян,
 Не кинут оземь, не растоптан,
 Не продан в розницу и оптом.
 Категоричен, эксцентричен,
 Но не истерт, не обезличен,
 Я резок, однозначен, громок,
 Но избегу постыдных ломок,
 Но откажусь от жирной каши,
 Обьедок барских у параши.
 Я на аптекарских весах

Не взвешиваю «хуже» и «лучше»,
 Скорей я выскажусь в сердцах,
 Чем буду кланяться и канючить.
 Не по нутру полутона,
 Намеки, хитрости, уловки,
 Не выношу я суть за скобки,
 Она мне здесь очень нужна.
 Надежд не растворю кристалл
 В кислотной жиже соглашательства,
 Кивков, отказов и предательств.
 Во мне посулы и металл
 Презренный не рождает неги,
 В себе нещадно я топчу
 Позорной алчности побегу.
 Есть вещи, что не продаются,
 Маркетинг к ним не применим,
 Они лишь тем в руки даются,
 Кто... впрочем, это знать лишь им.

О БАК^[1]

О сколько баков извели
 На БАК любимый всей земли.

Перегревается коллайдер,
 Не охлаждаются умы,
 Газетный не утихнет лай до
 Лондона от Костромы.
 Зачем искать им ту частицу,
 Что даст она, откроет что?
 Мессия, может быть, явится
 Из ускорителя в пальто?
 Или познают смысл вселенной,
 Все тайны света до основ,
 Докажут – взрыв был непременно,
 Иль не было, без лишних слов?
 Нашли работу, молодцы,
 Тут просто меркнет наша НАНО,
 От Альбиона до Янцзы
 Профессора и уркаганы,
 Домохозяйки, повара,
 Водители, отцы, девицы
 Кричат коллайдеру – Ура!
 И ждут когда ж найдут частицу.
 На мой непросвещенный взгляд,
 Иного не дано мне взгляда,
 Найдут – получают сто наград,
 А не найдут – так и не надо.
 Так и живем, все ждем, когда же
 Расскажут нам – был взрыв иль нет,
 Как-будто бы эти рассказы
 Дадут нам завтрак, и обед,
 И ужин с непременною чаркой,
 Но это вряд ли, здесь нет тайн,
 Чтобы застолье было жарким,
 Коллайдера не надо нам.
 Не нужно разгонять протоны,
 Андронно-кварки, сон забыв,
 Мозг разрушая миллионом,
 Который и без них чуть жив.

Нет, за стеною не найти Свободы.
 Похлебку чечевичную - с излишком,
 Поглядят там по холке кукловоды,
 И замурлыкают на солнышке людишки,
 Те, что поддались на кремлевские посулы,
 Устав лишь твякать на задворках политсцены.
 Мы ж, подобрав обветренные скульпы,

Не предадим, не продадим и не изменим.

В футляре, изъеденном молью,
 Волшебная флейта моя
 Пылится в углу антресолей.
 Картошку давно уж семья
 В старинном рояле хранит,
 Покрытом попоной. Гитара
 Забытая где-то лежит
 Безмолвно, беззвучно, бездарно.
 В коробке среди старых газет
 Покоится скрипка уныло,
 Что было когда-то – забыла.
 На дачу свезен барабан,
 Худой от пробоин и ран.
 И даже футбольный свисток
 Простыл, занемог и умолк.

«Никогда я не был на Босфоре»,
 Ног не мыл в Индийском океане,
 Не шагал по Мертвому я морю,
 Не был в Палестине и Иране.
 Не щипал мулаток крутобедрых
 За упругие и нежные места,
 Не шагал походкою нетвердой
 Вдоль Венецианского моста.
 Не плевал я с Эйфелевой башни,
 Не служил я в ФБР по найму,
 С Лизой Райз не заводил я шашни,
 С Хилари я не встречался тайно.
 Не пускал кораблики по Сене,
 В Каннах за буйки не заплывал,
 С Бушем-младшим не встречался в Вене,
 В пабе я с Обамой не бухал.
 Мне Маккейн не присылал открыток
 К Рождеству и Дню благодаренья,
 Я в ответ не отправлял посылку
 С чесноком и сливовым вареньем.
 Телеграмм не слал Хавьер Солана,
 Гордон Браун в сауну не звал,
 Жаркую родоновую ванну
 Вместе с Меркель я не принимал.
 Мне не терла спину Пэйлин Сара
 Веником дубовым от души,
 На Манхеттене в японском баре
 С Билом Клинтонем не кушал я суши.
 Мне Медведев орден не вручал
 За освобождение Цхинвала,
 Путин мне руки не пожимал,
 Глядя дружески и чуть-чуть устало.
 И Саакашвили не назначил
 Представителем своим при Лукашенко,
 А ведь мог бы поступить иначе,
 Если бы подумал хорошенько.
 И китайцы в космос не послали,
 Запретили желтые вожди.
 Почернел совсем я от печали,
 Льют в душе осенние дожди.

Негодяй застенчивый
 Венчиком увенчанный
 Словно пыль по ветру
 Вдоль перил скользит,
 Плавно ускоряется,
 Плавно тормозит.

Ходит он на цыпочках,
 Говорит, смущаясь,
 Гаденькой улыбочкой
 Гадко улыбаясь.
 Смотрит вроде ласково
 Синенькими глазками
 Негодяй пугливый,
 Робкий и трусливый.

ХАЛАХУП И БИЛЛ МЮРРЕЙ

Посмотрела я фильм «День сурка»,
 Полюбился артист Билл Мюррей,
 Прогнала я сваво мужика,
 Потому что он алкаш и злодей.
 С макарон перешла на бананы,
 Сало ем я теперь лишь в обед,
 А недавно, разузнав мои планы,
 Халахуп подарил мне сосед.
 Я кручу халахуп сколько дней,
 Хочу грудь обозначить и стан,
 Чтоб при встрече со мной Билл Мюррей
 Сразу же пригласил в ресторан.
 Скажет кто-то: «Невзрачен и стар»,
 Для меня же он как Одиссей,
 Скажет кто-то: «Не супер, не стар»,
 Для меня же зе бест Билл Мюррей.
 Я английский учить начала,
 Наизусть знаю несколько слов,
 Если спросят меня: «Как дела?»,
 Я отвечу: Оф кос и Фак оф.
 Повидаться бы нам поскорей,
 Ой, как жить без него нелегко,
 Но любимый артист Билл Мюррей
 Проживает от меня далеко.
 Я скопила сто тысяч рублей,
 Чтоб поехать к нему в Голливуд,
 Я не знаю, где живет Билл Мюррей,
 Но найду все-равно как-нибудь.
 Вешу я сто четыре кило,
 Похудеть бы надо быстрее,
 А то будет манто мне мало,
 Что подарит мне мой Билл Мюррей.
 В день кручу халахуп два часа,
 Чтобы талия опала скорей,
 Снится мне по ночам колбаса
 И любимый артист Билл Мюррей.

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

«Солнце черное вошло»
 О.Э. Мандельштам
 О, черное солнце страданий,
 И мечется белая тень,
 И серая мышь обещаний
 Нырнула под серый плетень.
 О, черное море печали,
 И беленький парус вдали
 Влетает на волнах, едва ли
 Дотянется он до земли.
 О, черное небо чужбины,
 И белые бельма судьбы,
 Чужие слова и картины,
 И подлая жизнь без борьбы.
 О черная-черная ночь,
 Восхода уже не дожждаться,
 Дожить до рассвета невмочь,
 Как хочется спрятаться, вжаться.
 В тиши заскрипела петля,
 Как сердце неистово бьется.

О, вытерпеть это нельзя,
 Но вытерпеть это придется.
 О, черные призраки снов,
 О, черных предчувствий кошмар,
 О, низости черный улов,
 О, черной измены удар.
 О, черные ветви сомнений,
 О, черные кроны предательств,
 О, черные пни отречений,
 О, черные дни соглашательств.

Самовластительный пигмей
 С лицом невзрачным, без бровей,
 С походочкой шпаны,
 Со взглядом сатаны,
 Ни капельки стыда,
 Ни проблеска раскаянья,
 Ни тени сострадания,
 Ни совести труда.
 Достойны мы такой напасти?
 Скажу - наверняка.
 По вере нам насилье власти,
 Растянутой в века.

Я сжимаю ладони, желваками играю,
 Мелким бесом юлить – ну совсем не по мне,
 Чую внутренностями и умом понимаю –
 Это делать нельзя, и гори все в огне.
 Нет, нельзя обращаться за милостью к ним,
 Как они этим просьбам униженным рады,
 Да, я знаю, как хочется к близким, к родным,
 Но ведь надо терпеть, надо вытерпеть, надо.
 Я могу все понять, даже больше, наверно,
 Знаю, люди ломаются, не в силах терпеть,
 Чем помочь? Как помочь? Словом, делом и верой,
 Только ныть и просить и бояться не смей.
 Назовем палачей поименно когда-то,
 Впрочем, главных из них знают все и сейчас,
 Как же трудно людьми оставаться, ребята,
 Но остаться, но выдюжить я прошу очень вас.

Заглянул я сегодня в «Копейку»,
 Водка есть и закуска любая,
 Взял себе я копченую шейку
 И пшеничного полкаравая.
 Выпил рюмку, включил телевизор,
 Кризис бирж разгулялся на славу,
 Правда, израильтяне нам визы
 Выдают с октября на халяву.
 Все ж таки американцы мерзавцы,
 Что затеяли с этой, как ее, ипотекой,
 Раздавали ее голодранцам
 И другим всяким прочим калекам.
 Щас в сюжете какие-то трое
 Рассказали про партию правых,
 Я б одну им левой устроил
 И отправил их рыть бы канавы.
 Расплодилось чистюли-доценты
 Про какой-то апокриф вещают,
 Вы сместите, доценты, акценты,
 А не-то я совсем осерчаю.
 Говорят, кризис наш назревает,
 Доу Джонс, он того, наступает,
 И доллАр ведь совсем оборзел,
 Падал, падал, а сейчас вдруг взлетел.
 Да и нефть, чегой-то, брать перестали,

С газом тоже сплошь одни перебои,
 Как же жить нам теперь? Нужен Сталин,
 А не то я умру с перепоею.
 Как не пить, коль кругом идиоты,
 Загубили страну, оглоеды,
 Мне б сейчас НКВД где-то с роту,
 Я бы в банках провел бы беседы.
 Приговоры нужны, приговоры,
 И стрелять этих сук-олигархов,
 Ишь, народ довели до позора,
 Ни порядка не стало, ни страха.
 Что в Кремле наших братьев в достатке,
 Это знаю, но много в том толку,
 Да, грузинам мы дали по шапке
 И хохлов потрепали за холку.
 Но ведь толку-то толку-то трошки,
 Нет боржомом, любил им залиться,
 Нет хохляцкой на рынке картошки,
 И горилка теперь тока снится.
 В общем, жизнь наша дрянь и злодейка,
 Так я мыслю с мовова дивана.
 Час посплю и пойду я в «Копейку»,
 А что делать? Трезветь пока рано.

ПОДНЯЛА ОНА ТОНКУЮ БРОВЬ

Он стоял перед ней
 Как стоял Одиссей
 Перед Троей,
 Он молчал и молил
 Небеса как Ахилл
 Перед боем.
 В желтый песок капнула темная кровь,
 Подняла она тонкую бровь,
 И континенты качнулись,
 Мира шатнулся остов,
 Где-то вулканы проснулись,
 Вздогнули скалы и степи,
 Горы набычили спины,
 И ледниковые кепи
 Сдвинулись наполовину.
 Реки убыстрили стрежни,
 Гулом налились озера,
 И в океане безбрежном
 Темп задала Терпсихора.

Я пленник самого себя,
 Святого и порочного,
 И в клетке собственного «я»
 Дни провожу и ночи.
 Из мыслей – прутья клетки,
 Из чувств – бетонный пол,
 Из фобий – табуретка,
 Из маний – грубый стол.
 Выводит на прогулку
 Приветливый конвой,
 В ответ на мою шутку
 Кивает часовой.
 И режет пайку хлебную
 Умело хлеборез,
 Могу и чай затребовать
 С лимоном или без.
 Посылки получаю,
 Свидания – раз в год,
 Супружница родная
 Вид делает, что ждет.
 Не вырваться на волю
 Из фобий и из маний.
 Души своей невольник,

Пороков каторжанин.

Подписался Арабов, подписалась Улицкая,
Подписались Эшпай, Ясулович, Хмельницкая,
Еще много народа подписались, и я,
Только совесть болит и болит у меня.
Почему, отчего? Вроде все же мы сделали,
Написали, послали, объяснили, разведали.
Подписался Гармаш, подписался Лунгин,
Подписался Парфенов, и Певцов вместе с ним.
Сняли камень с души, подписавшись открыто -
Вот какие мы смелые, вот какие мы чистые,
Ах как все мы сочувствуем, даже можем всплакнуть,
Но кого, но кого мы хотим обмануть?

Не различаю лиц,
Минуты одна за одной,
Каким меня видит птица,
Пролетающая надо мной,
Каким меня видит рыбка
Из-за аквариумного стекла,
При виде меня улыбка
С рыбьего рта сошла.
Каким я кажусь соседу,
Когда захожу в лифт,
Когда покупаю газету,
Кем я кажусь, мотив
Насвистывая фальшиво,
Когда говорю: «Счастливо»,
В глаза не смотря,
Наверное, зря,
Кем я кажусь, кем,
Этим и тем,
Девичам половозрелым,
Знакомым, друзьям, коллегам,
Снующим в метро калекам,
Умным и дуракам,
Охранникам загорелым,
Старожилам и новичкам,
Когда я чищу зубы,
Когда отвечаю грубо,
Когда открываю почту
Когда щурюсь молча,
Рот кривя щербатый,
Когда говорю матом,
Каким я кажусь, каким,
Видят ли они нимб?

Слова привычны как подачка
Для нищего на перекрестке,
Обрыдла утренняя жвачка
Газетных и журнальных версток.
Ни новых тем, ни новых форм,
Все, что возможно, уже было,
Что обжигало, то остыло
Среди всеобщих мер и норм.
Хваленый рой привычных рифм
Не трогает и не смущает,
Не мучает, не оставляет
Ни отпечатка дробный ритм
Разоблачительных цитат.
Не надо моему уму
Ни новых цифр, ни старых дат,
И откровений ни к чему,
Не верю им уже давно,

Что им? Себе уже не верю,
 Тихонечко прикрою двери,
 Потухло сердце, все - равно.
 Моей душе уж все едино:
 Пророк ли пылкий, иль мудрец,
 Видали мы эти картины,
 Пора бы кончить наконец.
 Но не кончается интрига,
 Пусть она новых развлечет,
 Неунывающим - почет,
 Респект – до старости игривым.
 Я отыгрался, все, пока,
 Вот снег пойдет, и я по снегу
 Уеду в дальние снега,
 В покой, свободу, тишь и негу.

Я пишу стихи о себе,
 О той жизни, которую не прожил,
 Но мог бы прожить.
 И волнует меня лишь одно,
 Кем я мог бы, но как-то не стал.
 Поворачиваю зеркала и ловлю
 В очертаниях снов
 Недочитанный стих и непонятый разговор.
 Что со мной? Я в горячий песок
 Погружаю ладони,
 И приторный сок
 Пью прозрачных и призрачных дней,
 И затем погружаюсь, всплываю, и снова
 Я плыву по волнам,
 Не имеющим формы и духа.
 Что за праздная дивная страсть
 Все мешать, перемешивать,
 Я не знаю себя, я боюсь
 Своих мыслей.
 И помочь мне не в силах никто.

Я вышел из юдоли слёз,
 Но не попал в объятия лета,
 И ароматом нежных роз
 Не наслаждался. Тех сюжетов
 Я не снискал.
 Я вышел из юдоли грёз
 Туда, где бури грохотали,
 И скулы сковывал мороз
 И страх. Теперь же я едва ли
 Уж засмеюсь.
 Я вышел из юдоли поз,
 Быть может, принятых всерьез,
 Малозначительных волнений,
 Полупонятных откровений
 На каменистый путь сомнений,
 Раздумий, самообвинений,
 Где тяжек выбор, боль остра,
 Где кровь ала, и слышны стоны
 Куда не кинь.
 Где не выходят на поклоны,
 И роль одна - ей имя жизнь.

ЛЮБЛЮ

Я люблю восходы и закаты,
 Свет Луны и отблески огня,
 Нравятся мне пса большие лапы,
 Сна забвенья и успехи дня.
 Я люблю себя, когда я честен,

Нравится мне друг, когда не врет,
 Я люблю хорошие известья,
 Вдохновенья пыл и дум полет.
 Я люблю смотреть в глаза собакам,
 В них я вижу чистоту небес,
 Я полезу с кулаками в драку,
 Коль заденут женщину и честь.
 Я люблю задуматься о жизни,
 Нравится прозренья краткий миг,
 Должное отдать пирам и тризнам,
 Нужное понять из добрых книг.
 Я люблю, когда смеются дети,
 Нравится мне их волшебный смех,
 Я хочу чудес на белом свете,
 Ожидать их – не великий грех.
 Красоту люблю я рук и ртов,
 Я люблю сиянье глаз и лиц.
 Нравится мне запахи цветов,
 Музыку люблю и пенье птиц.
 Я люблю порывы и подъемы,
 По душе мне страсти тетива,
 Я люблю уют родного дома,
 Крепкий чай и добрые слова.
 Нравится смотреть мне истин роды,
 Прямота люблю, открытый бой,
 Я люблю простор, люблю свободу,
 Встречный ветер, ливень проливной.

Истерзанная ткань времён
 Портянками свисает с ног.
 Кровавый след, безумный сон,
 И сизый дым, и черный смог.
 Несчастных гонят по этапу
 Потоком тел без лиц и черт.
 Век-волкодав могучей лапой
 Народу перебил хребет.
 Истерзанная ткань хитона
 Чуть прикрывает наготу.
 Идти уже не вмоготу,
 И сил уж нет даже для стога.
 Древком копья центурион
 Несчастливого толкает в грудь,
 Сквозь толщу скомканных времён
 Чуть еле слышно - Не забудь.
 Истерзанная ткань судьбы
 Не согревает и не лечит.
 Кого-то честного калечит,
 Кого возносит без борьбы.
 Шаг времени тяжёл и властен,
 Набатов кровь стучит в виски.
 Хватает муки и тоски,
 Хватает горя и несчастий.
 Не хочется мне жить без цели,
 Страдать и в муках умирать.
 Но знаю – в этой карусели
 Мне не придется выбирать

Я не отвечаю за ветер
 Над полем мчащийся,
 Я отвечаю за угли,
 Красные углы тлеющие.
 Ни за что на свете
 Не отвечаю я
 Кроме причастия,
 Кроме причастности,
 Кроме частностей.

И в вечности
Хочется мне, что виделась
Из прошлого и будущего
Красные угли тлеющие,
За них отвечаю я.

Я перешел с дизеля на бемоль,
И перца стал поменьше добавлять
В супы и речи. Даже соль
Я берегу теперь. Как знать,
Умнею иль старею. Может быть.
Но этой осенью не хочется мне драк.
Покоя хочется. Тепла. С собой побыть.
Задуматься. Осмыслить. Не пустяк
С самим собой наедине остаться.
Не каждый выдержит.
Ведь очень может статься,
Что станет совсем тяжко, и тогда
Случиться может всякая беда.
Не напишу пока что я бекар,
Не хочется брать горлом и напором,
Я шепот задушевных разговоров
Предпочитаю грому битв и свар.
Я приглашу на ужин одну даму,
Поставлю увертюру из «Аиды»,
Все позади - трагедии и драмы,
Переживанья, ссоры и обиды.
Аллитерации мне больше ни к чему,
Неспешных тихих хочется бесед,
Я еле слышно прошепчу «Тебя люблю»,
Услышу еле слышное «Люблю тебя» в ответ.

Одни люди как помои,
А другие как цветы,
Я, конечно же, не скрою,
Что росточек мой и ты,
Посажу тебя к березе,
Буду лейкой поливать,
Может, станешь белой розой
Или лилией, как знать.

В КНИЖНОМ, НА ТВЕРСКОЙ

Захожу я в книжный,
Ба, кого я вижу!
Добрый день, Сергей,
Здравствуйте, Андрей...
Вон сидит вальяжно в кресле из парчи
Господин Набоков, царственно молчит,
Там кричит истошно русский хулиган,
Здесь цедит абсент госпожа Саган,
Бродский одиноко курит Честерфилд,
От него в полшаге Честертон стоит,
Через лица вижу профиль Пастернака,
Гумилев Ахматовой делает козу,
Северянин с Клюевым чуть не лезут в драку,
Бьет с размаху Бальмонт даму по лицу,
Брюсов Манделштаму что-то шепчет в ухо,
Пушкин Кюхельбекеру страстно говорит,
Мураками Белому возражает сухо,
Блок платок батистовый нервно теребит,
Маяковский пылко обличает время,
Отойду подальше – брызги долетят,
Тут и там в прострации источают семя
Мелкие стяжатели маленьких наград,
Вниз спущусь, там тихо после шумных дряг,

Лев Толстой за столиком пишет не спеша,
Апулей беззубый уж совсем одрях,
Но зато Сафо очень хороша.
Так бродил в тенях сам я словно тень,
Средь таких теней мне не одиноко,
День сменяет ночь, ночь сменяет день,
Я б остался здесь, но нельзя до срока.

[1] Большой андронный коллайдер.

Юрий Юркий

г. Красноярск

К 200-ЛЕТИЮ Н. В. ГОГОЛЯ.

В День Смеха, первого апреля
Родился двести лет назад
Создатель «Вия» и «Шинели»
Великий Пушкина собрат.

Лечил Россию он сатирой.
Его живительный комизм
Разил петлицы и мундиры,
Усугублял царизма криз.

Комедии «смешнее чёрта»
Единым «духом» он писал.
Пацюк, Солоха, чинодрал...

Два века: мало ль это, много ль?..
Существователей-чинуш
И нынче б уйму встретил Гоголь
И много, много мёртвых душ.

Куда несёшься снова, Русь?..
И снова не даёт ответа.
Полёт и ветер. Ну и пусть:

Проза

Владвик

НЕСТРАШНЫЙ СУД

(рассказы)

Предуведомление для господ читателей

Дорогой читатель, перед тобой рассказы о смерти.
Как говорил Лев Толстой, а его авторитету ты, надеюсь, веришь, если человек в течение дня не думал о смерти, то день прожит зря.

Давай подумаем о смерти.

Подумаем о смерти и примиримся.

А примиримся, значит – да не убоимся!

А не убоимся – вот и день наш будет прожит не зря.

Неистребимый

(Миссия невыполнима)

Нельзя сказать, что Георгий Литович Лямуров был закоренелым атеистом, просто запредельные вопросы бытия его мало интересовали, и потому ко всем разговорам на эту тему он относился с иронией. Но то, что с ним однажды произошло...

Впрочем, судите сами.

Поздно вечером он вернулся из театра после черного прогона спектакля «Горе уму» по Грибоедову и между второй и третьей рюмками коньяка задумался о том, что делать с героиней, вернее с исполнительницей ведущей роли, не заменить ли ее дублершей из второго состава? Тут и лялякнул дверной звонок. Подивясь столь позднему визитеру, Георгий Литович направился открывать двери. За дверью к своему изумлению он обнаружил человека с саквояжем, одетого в белый халат и старорежимное пенсне. Лицо его с аккуратной эспаньолкой казалось мучительно знакомым.

- Вы ко мне? – задал вопрос Лямуров.

- Если вы Георгий Лямуров, то к вам, - ответил незнакомец и проследовал в гостиную, где по-хозяйски расположился в кресле за журнальным столиком.

- Чем обязан? – устроился визави Лямуров и с любопытством уставился на незнакомца, которого, впрочем, при ярком свете люстры уже узнал. Разумеется, он помнил этот портрет с титульного листа полного собрания сочинений Антона Павловича Чехова. «Недурной гримок», - отметил он про себя, - «только это какой-то непонятный розыгрыш, до первого апреля далече...»

- Нет, милостивый государь, это не розыгрыш, - ответил на его мысли гость.

- Не хотите же вы сказать, что вы...

- Писатель и драматург Антон Павлович Чехов. Впрочем, бывший. Сегодня мне поручена иная роль.

- Роль? – Лямуров все никак не мог сообразить, что означает этот спектакль.

- А чему вы удивляетесь, милостивый государь, весь мир театр, а люди в нем актеры! Это еще Шекспир знал. У него, между прочим, тоже своя миссия. Только в англоязычных странах. А у меня вот в России...

- Какая же?

- Ну, считайте, что я... Что мне поручено, как бы это сказать,... закрыть занавес в конце вашей жизненной пьесы. А пьеса уже давно доиграна. И даже переиграна - вам уже за 90. Пора, батенька и честь знать!

Георгий Литович, хотя и не расстался с мыслью о чьем-то дурацком розыгрыше, почувствовал ноющую тоску.

- Может рюмочку? – спросил он гостя.

- Вы – пожалуйста, а мне это невозможно.

Гость потянулся к бутылке с коньяком, и его рука прошла сквозь бутылку. А может, это бутылка прошла сквозь руку гостя.

И тут Лямуров поверил!

- Но почему именно сегодня? За пять дней до премьеры! Что, нельзя было подождать хотя бы пять дней?

- Ну, во-первых, премьеры выйдет и без вас. А не выйдет, так не велика потеря. Человечество в целом ее переживет. А во-вторых, кончать с вами надо было значительно раньше, сразу после «Вишневого сада».

Антон Павлович заметно оживился, в его голосе появились прокурорские нотки.

- Вы, милостивый государь, ЧТО сделали с моей пьесой, с моим «Вишневым садом»? Вы его форменным образом вытоптали. Нет, вырубали! Ну, так и ставили бы какие-нибудь «Гнилые пеньки»! А он, видите ли, на «Вишневый сад» топором замахнулся! Мы всей нашей конторой на премьеру незримо присутствовали, и хорошо, что я к этому времени уже неживой был. А будь я живой, со стыда бы помер! Это же не спектакль, это серия трюков и цирковых номеров, а ведь вы не ребенок были, вам в ту пору уже седьмой десяток тикал! Я – к Шефу, дескать, пора забирать Лямурова, а он все резину тянет под разными предлогами. Уж, не знаю, право, за что он только ваше, так называемое, творчество ценит? Тоже, как ребенок. Большой, всемогущий, но ребенок! Вот уж, поистине, неисповедимы пути Господни!

И тут за окошком блеснула молния, и январская ночь огласилась раскатом майского грома! Антон Павлович обратил глаза куда-то выше потолка и виновато всплеснул руками.

- Не подумай, Господи, что сетую! Это я, любя тебя... Ну, и немножко, себя!

Потом снова обратился к Лямурову:

- Но теперь, слава Ему, все формальности позади...

Он поставил на журнальный столик саквояж, порылся в нем, извлек лист гербовой бумаги и, тыкая в подпись, состоящую из двух скромных инициалов «Г. Б.», пояснил:

- Это ваш некролог. Завтра он будет опубликован во всех газетах. Приглядитесь к датам жизни. Видите, последняя из них – сегодняшнее число. И этого уже не изменить, поскольку слово Шефово твердо есть! Но, раз до истечения сегодняшнего числа осталось еще несколько минут, можете задать мне ряд вопросов. Предупреждаю, на вопросы о будущем я не отвечаю. Пока человек жив, будущего ему знать не дано. ТАМ, возможно, узнаете и о будущем. Если, конечно, будете приближены к руководству.

Отчаяние, вначале охватившее Георгия Литовича, сменилось возмущением. Он прислушивался к тиканью больших напольных часов – это истекали последние минуты его жизни.

- Позвольте, милейший! А почему именно вам поручена эта деликатная миссия? А как же женщина с косой? По моему, это ее прерогатива!

- Лилит что ли? Вчерашний день!

- Какая Лилит?

- Первая жена Адама. До Евы. Такая, знаете ли, блудливая бабенка получилась. К самому Шефу подканывала. Вот он и сделал Адаму другую из его же ребра, а эту отправил численность народонаселения регулировать. Так она из ревности первенца Адамова Авеля со свету сжила. А это - четверть тогдашнего населения земного шара!

А в последнюю Мировую войну сколько она косой намахала! И все ей мало было. А как узнал Шеф, что это она подбила американского президента Трумэна атомную бомбу на япошек скинуть, отстранил ее от выполнения миссии и перевел в секретарши, чтобы навеки-вечные была под присмотром.

- А не могли прислать кого-нибудь другого?

- Милостивый государь, я уверен, что вам будет приятно, если вашу жизнь заберет собрат по цеху, да к тому же профессиональный доктор. Да и кто этот другой? На территории театральной России кроме меня это поручают только другому драматургу и доктору Михаилу Афанасьевичу Булгакову. А вспомните, что вы сделали с его «Мастером и Маргаритой»? Так что молитесь, если умеете...

- Зачем?

- Вам, когда зуб удаляют, больно? А здесь жизнь удалять будут. Так что молитва – это вроде наркоза. Переход облегчает.

Антон Павлович снова покопался в недрах саквояжа, вынул резиновые перчатки и, натягивая, покосился на умоляющую мину на лице Лямурова.

- Да, конечно, еще пара минут у вас есть... Но чего тянуть? Как говорил мне один каторжник, когда я был в командировке на Сахалине: «Раньше сядешь – раньше выйдешь!» Окончится, наконец, ваша жизненная каторга. А сколько знакомых милых лиц вы ТАМ увидите! Например, лица всех ваших пятерых жен...

- О! – простонал Георгий Литович.

- Ничего голубчик, смиритесь, - прохихикал Чехов, - Страшного Суда никому не избежать. Просто, у каждого свой состав судей.

- Да ладно вам! - вдруг разозлился Лямуров, решив, что терять больше нечего, - Сами-то вы при жизни были всем известным бабником. Женщин меняли, как перчатки. Сколько детей настрогали? И ведь никому алименты не платили, хотя и не бедствовали. Интеллигента он из себя корчил! «Надо выдавливать из себя раба!» Чего ж не выдавил?

От возмущения Чехов даже побагровел, как если бы испытал прилив крови.

- Жизни не хватило! Между прочим, моя половая жизнь длилась не более четверти века, в то время как ваша - уже три четверти. И пора это прекратить, пока очередной еще незанюханный цветочек не оказался в вашей стариковской постели!

- Сам ты старый циник! Завидуешь? – радостно потер руки Лямуров.

Антон Павлович навис над креслом Лямурова грозным судьей.

- Но не настолько циник, как некоторые, которые трахались с любовницей в то время, как в соседней комнате, слушая их возню и похотливое хрюканье, в мучениях умирал муж этой самой любовницы...

Уязвленный Лямуров вылетел из кресла, и они бы сцепились, если бы это было возможно. Но тут вдруг откуда-то грянул романс Шумана «Аве, Мария!» в исполнении Робертино Лоретти. Чехов сунул руку в карман и достал мобильный.

- Слушаю! – сердито рявкнул он в трубку, - Ах, это вы, Шеф?.. Ваньков, какой Ваньков? Шеф, у меня же наряд на Лямурова, причем здесь Ваньков? Кто он такой этот Ваньков, Народный или хотя бы Заслуженный? Ах, Ваньков хакер? Так причем здесь вообще я? Я сайт от файла отличить не могу! Пошлите к нему Норберта Винера, он изобрел эту чертову кибернетику – пускай сам и регулирует ее народонаселение. Не может? Интересно, чем он занят? В США ожидается массовое самоубийство среди игроков на почве компьютерных игр?.. Но, Шеф, у меня же цейтнот!.. – и буркнул Лямуров «я сейчас», он выскочил из квартиры через закрытую дверь.

Минуты тянулись для Лямурова в мучительном ожидании. Он бы с радостью посчитал, что все только что произошедшее ему приснилось, но проклятый саквояж и гербовая бумага на журнальном столике говорили об обратном. Он сгорал от любопытства, что же этакое таится в недрах саквояжа, но попытки открыть его ни к чему не приводили, рука проходила саквояж насквозь, не зацепляясь за замок. Тогда он принялся читать некролог, благо гербовая бумага лежала вверх текстом. Так он узнал, что скоропостижно скончался этой ночью от внезапной остановки сердца и что по этому поводу скорбит вся театральная и прочая общественность, как Россия, так и всего мира. С особым интересом он читал перечень имен тех, кто подписался под некрологом. Найдя имена Квентина Тарантино и Стивена Спилберга, он удовлетворенно хмыкнул, а, увидев имена Никиты Михалкова и Марка Захарова, возмущенно фыркнул. Он так увлекся этим делом, что даже не заметил, как начали бить напольные куранты. Когда же он поднял голову, то понял, что это означает конец суток. Обе стрелки – большая и маленькая сошлись на цифре 12. А когда снова взглянул на гербовую бумагу, она оказалось девственно чистой.

В это время снова тренькнул дверной звонок, и Георгий Литович обреченно пошел открывать дверь непрошеному визитеру. Это, действительно, снова был Чехов, но на сей раз он был хмур и старался не смотреть на хозяина квартиры.

- Однако везунчик, вы, милостивый государь! – сквозь зубы выдавил он, - Наряд аннулирован... И когда такое было?

- А как же «слово Шефово твердо есть»? – развеселился Георгий Литович.

- Причем тут шеф? Это секретарша обмишурилась, не ту дату по злобе впяла. Лилитка она и есть Лилитка! Поэтому велено все списать на нее. Да вы слишком-то не радуйтесь, в вашем распоряжении всего 5 дней, как вы и просили. И не вздумайте оттягивать премьеру, этот номер у вас не пройдет, уж, я позабочусь! А через 5 дней извольте бриться...

Все эти 5 дней Лямуров прожил в театре под пристальным наблюдением. Чьим? Он и сам не знал. Он лишь замечал, как на портретах покойных коллег Станиславского, Вахтангова, Мейерхольда и Брехта движутся зрочки и поворачиваются ему вслед. Эти взгляды сопровождали его до самого туалета. А в кабинете он даже вынужден был занавесить портрет Булгакова, чтобы укрыться от его нескромного взгляда...

А потом грянула премьеры «Горя уму», которую с таким нетерпением ожидала вся театральная общественность...

Поздно вечером Лямуров был спокоен и готов. Потягивая коньячок, он ждал смерти. Он чувствовал, что и в самом деле устал от своей жизненной каторги. Всю жизнь он был в драке, был с кем-то на ножах. Ну ладно, всякие там Фурцевы и Шауро (их и лица-то уже подистерлись в памяти), с теми приходилось сцепляться на любом выпуске спектакля, отстаивать каждую фразу и мизансцену от цензурных ножниц. Но соратники!.. Сколько раз они его предавали. А под конец, вообще, разломали театр напополам! Разумеется, он не осмелился вспоминать тех, кого предал сам. Да и тогда ему казалось, что все что делал, он делал ради театра. А ради театра можно даже принести в жертву чью-то судьбу. Ради ТЕАТРА, который есть его жизнь.

Его размышления прервал дверной звонок. Конечно, это был доктор Чехов, но без привычного саквояжа.

- Я не надолго! – отмахнулся Антон Павлович на предложение пройти, - Дело в том, что моя миссия откладывается...

Антон Павлович внимательно поглядел на Георгия Литовича поверх пенсне и неодобрительно хмыкнул:

- А вы хитрец, милостивый государь!.. Как бы невзначай, но так вовремя обронить нужным людям, что у вас есть новый интересный замысел. Мне поручили узнать, в чем он состоит?

- Элементарно, Чехов! После «Горя уму» Грибоедова вполне логично поставить «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского.

- В чем - в чем, а в остроумии вам не откажешь! Ну, до встречи через год!
 - Боюсь, что через год у меня появится еще один интересный замысел, особенно интересный для вашего Шефа ...
 - И что же это, к примеру, за замысел? – нахмурился Антон Павлович.
 - А, к примеру, «Божественная комедия» Данте Алигьери!
 - Мда, это сильный ход, милостивый государь. Тогда до встречи через два года!
 - Вы слишком торопитесь. Дело в том, что «Божественная комедия» состоит из трех частей: «Ад», «Чистилище» и «Рай». А это три самостоятельных полнометражных спектакля!
 - Да ну вас, к Богу!
 - Я на встречу с вашим Шефом не тороплюсь. А вот вы привет ему передавайте. Да не грустите, я буду видеть вас хоть каждый день. Буду на сон грядущий открывать томик ваших сочинений и чмокать портрет...
 Оставшись один, Лямуров лишний раз убедился, что все имеет начало и конец, вот и бутылка коньяку тоже закончилась. Он с сожалением сунул ее в мусорное ведро и, намереваясь сплоснуть бокал, открыл кран. Из крана хлынуло что-то желтое. «Ржавчина», - подумал, было, Лямуров, но удивился запаху. Подставив под струю бокал, он наполнил его, понюхал содержимое, а потом лизнул. И тут до него дошло: «Хеннеси!» Это же чистейший «Хеннеси!» Он поднял глаза к потолку, приложил руку к сердцу и поклонился: «Прости меня, Господи! А я уж, грешный, решил, что ты забыл поздравить меня с премьерой».

Неисправимый (Похороны на двоих)

Зима в очередной раз убила живую природу, а долгожданный снег ее окончательно похоронил. И только черные сучья лип и тополей за чугунной оградой кладбища, как скрюченные остатки истлевшей плоти, напоминали, что здесь некогда проходила граница, отделявшая мир живых от мира мертвых.

По Ваганьковскому от ворот Центрального входа ползла длиннющая траурная процессия, за которой придиричиво наблюдал Иван Иванович. Точнее наблюдала его душа.

- Неплохое кладбище, - отметила душа Ивана Ивановича, - чистенькое ухоженное, просторное. И какие люди рядом лежать будут!

Все бы ничего, да не отпускала его досада, что если бы не чертов ГКЧП в 91-м, из-за которого он не успел получить вторую звездочку Героя Соцтруда, то можно было бы замахнуться и на Новодевичье. Ну, да ладно, Ваганьковское так Ваганьковское! Тоже нехило для рязанского паренька, который полвека с лишком назад явился в Первопрестольную брать столичные высоты. Что ж, эту высоту он, во всяком случае, осилил!

Он снова обратился к собственному гробу, к процессии, вытянувшейся за ним, и по-хозяйски принялся считать:

- Один, два, три, ... десять, ... двадцать, ... шестьдесят... Так... А начальники отделов все явились?.. Вроде все. А их жены?.. И жены. А рожки?.. Рожки, в общем, постные, как полагается. Это хорошо, стараются! – с чувством глубокого удовлетворения отметила душа Ивана Ивановича.

- А вот интересно, сколько из них сейчас радуется? Уж Зюилькевич-то точно радуется, морда жидовская! – и душа Ивана Ивановича по привычке обернулась, не слышит ли кто, и не обвинит ли потом в антисемитизме.

И, сообразив, что никто ее не слышит, по крайней мере, из живущих, душа успокоилась и продолжила предаваться размышлениям:

- Всю жизнь меня подсиживал, гаденыш, на мое место метил. Только зря радуешься, не знаешь, что принято решение поставить на мое место молодого, да еще из другого главка. Так и сдохнешь в вечных замах!

Тут процессия с телом Ивана Ивановича приостановилась, уткнувшись в другую процессию, поскромнее, которая плелась наперекрест по поперечной аллее от Восточного входа с другим покойником.

- Встретить в пути покойника - не к добру, – забеспокоилась душа Ивана Ивановича, - куда только администрация кладбища смотрит!

Но Зюилькевич уже подхватил под локоток министра и потащил его разруливать ситуацию. Министр до тех пор размахивал удостоверением, а Зюилькевич портретом Ивана Ивановича, пока, наконец, та, другая процессия не расступилась и не пропустила вне очереди процессию Ивана Ивановича.

- Все-таки хорошо быть величиной, - удовлетворенно вздохнула душа Ивана Ивановича, - даже после смерти!..

Гроб благополучно доставили к свежерытой могиле, где начался второй этап похорон – лесть в адрес покойного. Душа Ивана Ивановича придиричиво слушала сладкие речи.

- Снизу ценят! – с удовольствием отметила душа выступления подчиненных. - И сверху ценят, - порадовалась она выступлениям высокого начальства, - хотя могли бы лишний раз и премиальными побаловать.

Но в какой-то момент в душе стало кипеть возмущение:

- Да если бы при мне живом такое говорили каждый день, я, может, и помирать бы не стал!

Потом душа Ивана Ивановича заскучала от однообразия происходящего, но очередь желающих восславить так своевременно умершего начальника все не иссякала.

- А вот интересно, что о нем говорят? – подумала душа о встреченном недавно покойнике, - пойти что ли, глянуть? - и, покинув боевой пост, она отплыла потихоньку к другой свежерытой могиле.

Там похороны проходили куда скромнее. И народу было по сравнению с иваниваныванывичевыми всего ничего.

- Только близкие друзья да родня, - определила многоопытная душа наметанным взглядом. – Этот покойник мне не конкурент. Да он, похоже, и не мужского полу.

Но долго разглядывать ему не довелось, потому что девичий голосок, когда-то до боли знакомый, прошептал над ухом:

- Здравствуй, Ванечка!

Душа Ивана Ивановича вздрогнула и потянулась к тому месту, где у живого человека полагается находиться сердцу.

- Не удивляйся, Ванечка, это я, Маша...

- Так же до смерти напугать можно! – возмутилась душа Ивана Ивановича и недоверчиво переспросила, - Маша?

Максимова? А ты что тут делаешь?

- То же, что и ты, присутствую на похоронах, - ответила Маша, а точнее Машина душа.

- На моих?

- На своих...

- Так это... - не поверила душа Ивана Ивановича, - это ты там?..

- Только не смотри вниз, - взмолилась Машина душа, - не смотри на эту мерзкую жирную бесформенную старуху! Я последние годы совсем себя запустила, перестала следить за собой, забросила фитнес, шейпинг, бассейн. А так же кремы и маски. Все хотелось побольше с правнуками познакомиться...

- Ну, и донячилась! – неодобрительно хмыкнула душа Ивана Ивановича, - На кого ты их оставила?

- На пап с мамами. У них их полно. И вообще у них всех полно.

- А у тебя сколько конкретно?

- Детей двое – мальчишки-близнецы. Им уже по полтиннику с гаком. Внуков четверо. И правнуков тоже четверо. Но это пока.

- Ну, ты и размножилась, Максимова, – удивилась душа Ивана Ивановича, - ничего себе потомство! Зачем тебе столько?

- Не знаю, - смутилась Машина душа, - может, чтобы любить.

- Любить – это материя неопределенная, - поморщилась душа Ивана Ивановича, - а навещать они тебя хоть будут?

- Мои будут! – твердо ответила Машина душа и поинтересовалась, - А у тебя сколько?

Душа Ивана Ивановича замялась.

- Мне это было как-то не с руки, - пустилась она в пространные объяснения, - дела, знаешь ли: то развитой социализм строить надо было, то в гонке за космос участвовать, то ядерного паритета добиваться, то за мир бороться, то за перестройку, то за демократию, то с олигархами, то с коррупцией!.. И как бы я все это, по-твоему, делал среди пеленок и горшков? Семейного счастья, скажешь, не доставало? Но кто-то же должен был принять удар на себя!

- Бедный Ванечка, - пожалела его Машина душа, - вечно ты за всех отдувался, потому и выбрали тебя старостой курса. А скажи-ка мне, староста, за что ты от меня тогда отвернулся?

- Она еще спрашивает! Во-первых, терпеть не могу, когда меня пытаются переделать. А во-вторых, нечего было с Юркой по киношкам шляться!

- Так я ж с тобой хотела, только тебе вечно было недосуг. То у тебя семинары на носу, то курсовые.

Душа Ивана Ивановича недобро заиграла желваками.

- Вам, москвичам, к любым местам ковровые дорожки были постелены. А мне, провинциалу, все стены приходилось проламинать собственным лбом!

Пришел черед горько усмехнуться Машиной душе.

- Бедный Юрик! Чего он только от тебя не наслушался, не считая выбитых зубов. А ведь мы с ним всего-то пару раз в кино и смотались, да и то на утренний сеанс.

- Ага, вы, значит, с утра в киношку, а я, как проклятый, на лекцию по марксизму! И пока это я «Диалектику природы» конспектировал, вы в темном кинозале занимались неизвестно чем.

- Бедный Ванечка, ты все такой же Отелло, словно и не было полувека.

- Да и ты такая же. Выглядишь, если не на пять, то на 25.

- Это после смерти. Как померла, так сразу полегчало. Главное, не болит больше ничего. А ведь еще три дня назад так все болело! Один только артроз, знаешь, как мучил, зараза! А отеки! Сапоги даже в голенищах пришлось разрезать, чтобы на покойницу натянуть.

- Понимаю, - примиряющее пробормотала душа Ивана Ивановича, вспоминая, как давеча гримеры, готовя его тело ко «дню всеобщего обозрения усопшего», замазывали обширное рожистое воспаление, ненароком выступившее на лбу.

Машина душа помолчала, а потом осторожно поинтересовалась:

- Ваня, а ты о нас вспоминал?

- В каком плане?

- Ну... о нашей ночи... той... накануне получения дипломов...

Душа Ивана Ивановича пожала плечами.

- Не досуг мне было. Работал целыми днями.

- А по вечерам?

- И по вечерам работал?

- А по ночам?

- А по ночам я спал. Или тоже работал.

- Бедный Ванечка! Ну, ничего, теперь отдохнешь. Вот ты сегодня вечером что делаешь?

- Не знаю, как у тебя, а у меня сегодня назначено ответственное мероприятие. Поминки. Надо проследить, чтобы все прошло чин-чинарем, а то моя может напортчить... Баба молодая, мужа хоронит впервые, опыта нет...

- Да, трудненько ей все это организовывать! – вздохнула Машина душа.

- Организует министерство.

- Тогда в чем проблема?

- Проблема в том... Хм... Как бы это сказать...

- А ты, Ванечка, скажи как-нибудь, а я, может, что посоветую.

Душа Ивана Ивановича сначала помолчала, потом забормотала что-то невнятное и, наконец, жалобно застонала.

- Что случилось, Ванечка, - испугалась Машина душа.

- Ты смотри, что делают, сволочи! Что делают! – уже зубами скрежетала душа Ивана Ивановича, указывая куда-то в сторону.

- Что?

- Мочатся под кустом. Даже не под кустом, а под пирамидальной пихтой! Хотя до сортира какая-то сотня метров.

- Может, душу облегчают...

- Не святотатствуй, Максимова, мы на кладбище!

- Но ты же сам в молодости говорил, что, если у человека и есть душа, то находится она именно под мочевым пузырем. Поэтому, если попить пивка, приходится душу время от времени облегчать.

- Так то в молодости! В молодости, я, между прочим, атеистом был. Комсомольцем! Вместо креста комсомольский

значок таскал.

- А у них даже комсомольского значка нет. Какой с них спрос? – утешала разболевшуюся душу Ивана Ивановича Машина душа.

Наконец душа Ивана Ивановича отскрежетала и покосилась на Машину душу.

- Ладно, буду откровенен, на Страшном суде ты все равно все обо мне узнаешь. В последнее время моя пристрастилась налево ходить. А я - к «зеленому змию». Дело до развода доходило. А мне в моем положении, сама понимаешь... Да не за карьеру я боялся! Сейчас все позволено, вон, министры, что ни день, расходятся и на молоденьких женятся. Но я-то человек старой закалки, меня ж полмира знает!.. Короче, мы с моей договорились, что я с этим делом завязываю, а она, хотя бы прилюдно, ведет себя в рамках. Так вот я свое слово, наконец, сдержал. И охота мне проверить, как она свое сдерживать будет. Поминки – это ж тьма народа! Академики, член-корры, профессура, молодые аспиранты - сплошные соблазны! А я ж Генеральный, меня ж полмира знает, хоть я и засекреченный. Очень мне, Машенька, в гробу ворочаться не охота, лучше уж сам погляжу.

- Бедный Ванечка!.. Может, заскочишь после поминок? Повспоминаем бывшее...

- Что ты, Маша, дел же не в проворот! Мысли надо привести в порядок, книжки кой-какие дочитать. Еще не факт, что в здешних местах читальный зал имеется. Так что, дай Бог, успеть до сороковин.

- Может после сороковин?

- Эх, Максимова! Мне ж скоро было бы 75. О душе подумать пора. Да и с силами собраться. Нам же с тобой на веслах идти через реку, и только Бог знает, какая у той реки ширина?

- Через какую реку?

- Забыла? Через Лету или Стикс, будь он неладен... Не силен я в географии! Словом, через реку, откуда нет возврата. А ты, небось, и грести не умеешь.

- Не умею.

- Вот, всегда вам Ванька был плохой. А я, между прочим, пока вы с Юркой по киношкам обжимались, на Гребном канале на каноз честь института защищал. И навыки приобретал! Теперь вот пригодятся.

- А на том берегу у тебя найдется время?

- Пока доплывем, пока зарегистрируемся, оформим документы... А там у меня уже другая встреча запланирована.

- С кем?

- С пассажирами рейса 754, который грохнулся по причине недоработки нашего КБ и лично Генерального. И судить меня будут Страшным судом! При жизни-то я отвертелся...

- Бедный Ванечка!..

- Что ты заладила: бедный Ванечка, бедный Ванечка! Я, между прочим, все в своей жизни вот этими самыми руками сделал - и хорошее, и дурное! Да, а как ты-то здесь оказалась?

- Так же как и ты.

- Ну, я на Ваганьково по министерской линии.

- Ах, в этом смысле? По благу. У меня родители здесь похоронены. Они знаешь, кто были?

- Так чего ж ты раньше-то не сказала?

- Когда?

- Да хоть в ту самую ночь. Накануне получения дипломов.

- И что бы было?

Душа Ивана Ивановича на мгновение задумалась.

- Это могло бы решить многие проблемы...

- И что бы было?

Душа вздохнула и пожала плечами.

- Да, скорее всего, все равно ничего!

- Вот ничего и не было.

Души помолчали, не зная, что еще сказать друг другу. Душа Ивана Ивановича подсчитывала в уме, сколько времени он уже находится в отлучке от собственных похорон, и тут вдалеке раздался спасительный стук молотка.

- Похоже, это меня заколачивают, пора, - заторопилась душа Ивана Ивановича, а Машина душа поглядела на нее с нежностью и задала, видимо, мучавший ее вопрос:

- Ванечка, а откуда ты так хорошо про здешние порядки знаешь? Про реку эту, откуда нет возврата? Про Страшный суд и все такое?

- Книжки надо было читать по эзотерическим учениям, а не по киношкам шляться! Я, прежде чем сюда попасть, таким количеством аргументов запасаю, мало не покажется! На Земле эпохи сменяются, а у них тут все поветхозаветному. На что они, спрашивается, Вечность транжирят? Ничего, ничего, если мне тут дадут хотя бы пару тысячелетий...

Душа Ивана Ивановича впервые приободрилась и повеселела.

- Ну, будь здорова, Максимова, не кашляй. Если что надо, звони.

- Как звони? – не поняла Машина душа.

- По мобильному.

Душа Ивана Ивановича залезла в карман души Дубленки и извлекла из него душу Мобильника.

- У тебя, что такого нет?

- Нет...

- Оба-на! А я думал, тут всем выдают. Значит, не всем... Так может тебе не положено? То-то я смотрю, какой номер набум не наберу - то Эйнштейн на трубке, то Ньютон. Ну, я поплыл...

И душа Ивана Ивановича торопливо поплыла на торжественную медь траурного марша, льющуюся из труб министерского оркестра.

- Пльви, Ваня, пльви, - вздохнула ей вслед Машина душа, – счастливчик ты, Ваня. Ах, какой же ты счастливчик! Всего одна ночь! У тебя, может, в жизни и была-то всего одна ночь настоящей любви, а какое многочисленное потомство!

- Ну, что за люди! – в сердцах крикнул Высший Судия.

Он слушал этот разговор по громкой связи и регулировал старые, выдавшие виды весы с помощью аптекарского

разновеса.

- Что за люди - и жизнь их ничему не учит, и смерть НЕ МЕНЯЕТ!

Непобедимый (Русский Джеймс Бонд)

Лето 1929-го года выдалось ненастным и даже вовсе грозным. Крестьяне уже махнули рукой на будущий урожай, поверив, что пришла божья кара за коллективизацию. Но никто из живущих на земле, прислушиваясь к раскатам грома над головой, не догадывался, что это в «Небесной канцелярии», в отделе Хранителей, уже который месяц шла и все никак не могла закончиться пятиминутка.

Шеф, словно Божья гроза, метал громы и молнии.

- И это Хранители?! Полная де-про-фес-си-о-на-ли-за-ци-я! Мы благополучно минули Средневековье с его массовыми эпидемиями и крестовыми походами! Мы вот-вот проскочим эпоху Мировых войн и социальных революций, когда людям естественно дохнуть, как мухам, и где Хранители вынуждены, фактически, противостоять друг другу, опекая все противоборствующие стороны. Но именно сегодня, в мирное время, кое-кто позволил себе расслабиться. Я, то и дело получаю сводки о массовой гибели людей в ДТП на дорогах, в криминальных разборках, от производственного травматизма, от отравления суррогатным алкоголем! По-моему, вы уже не Хранители, а ХОРОНители! Иначе, чем объяснить такое легкомысленное отношение к человеческому телу? Сколько раз можно повторять, что тело не только вместительница души, но и ее воспитательница! А ведь гибнут, в основном, молодые, не изношенные жизнью люди с жалким жизненным опытом и недоразвитыми душами. Я устал от потока миллионов незрелых душ! В Божьем деле построения и совершенствования Вселенной мне нужны соратники, а не моральные уроды. Сколько можно пользоваться тем, что я обязан всех любить? Прошу не путать БОЖЬЕ ДЕЛО с БОГАДЕЛЬНОЙ! Завотделом, а вы что помалкиваете?

Головы Хранителей выжидательно повернулись в сторону души морщинистого сухого господина с острой донкихотовской бородкой, выбритой тонзурой и накрахмаленным воротником-фрезой вокруг шеи.

- Авва, Отче! - поднявшись со своего места и поклонившись, безо всякого трепета, а, напротив, с достоинством, душа произнесла краткую речь:

- Кому, как ни Тебе, Домине, известно, что в земную бытность свою Томмазо Торквемадой именно я создал Святую Инквизицию, то есть службу безопасности Христианства. В свое время нам удалось спасти от тотальной исламизации Испанию, Португалию, юг Италии и Балканы. Доживи я и моя Инквизиция до XX века, не пахло бы в Европе никаким исламским терроризмом, не беспутствовало бы Гей-парады, не залезали бы в карманы к простакам ведьмы, астрологи, экстрасенсы и прочие Глобы и Грабовые!

Дда, не против прогресса я, Домине! Это прогресс - против меня. Взять хоть ДТП. В мое время по дорогам в экипажах позволялось разъезжать только королевским особам, да и то с ограниченной скоростью, а нынче носятся сплошь простолюдины с купленными правами! В наше время были не разборки - были разбои, а разбои ограничивались отнятыми кошельками, выбитыми зубами да, извини, Домине, за неканоническое выражение, обдирательными подштанниками. В мое время не было производственного травматизма, потому что каждый ремесленник уважая свой труд, не вляпывал обломанный резец в токарный станок, не совал с похмелья отвертку в необесточенную электросеть. Да и похмелья никакого не было, как и отравлений суррогатным алкоголем! Потому что в моей благословенной Испании пили благородные Малагу, Мадеру, Херес и Кальвадос, а не самогон из гнилых табуретов или средство для чистки нужников! Так что, Домине, думаю, прогресс спокойно обойдется без меня, как и я без прогресса.

- Ах, праведный вы наш Великий инквизитор, - усмехнулся Шеф, - а как же Джордано Бруно, как же Галилей?

Лойола, нисколько не смутившись, взглянул куда-то в задние ряды Хранителей.

- А «лес рубят – щепки летят!» Это мне русские товарищи подсказывают. У них как раз кульминация коллективизации под руководством Коммунистической Инквизиции.

Недовольный Шеф почесал необъятное, как сама Вселенная, чело (да Вселенная и вышла из этого чела) и принял решение:

- Сдавайте дела, и - в отдел традиций. Будете удерживать их от неоправданной модернизации церковных обрядов и молитв.

Потом, задумчиво оглядев многомиллиардные ряды Хранителей, Шеф дал команду:

- Все свободны!

Сонмы душ потянулись, было, к выходу из отдела, но Шеф поманил одну из них к себе.

- А вы, Хранитель номер АХБ 1783 дробь 1844 останьтесь...

Василий Петров родился в 1920-м в поселке Углегорске, еще до коллективизации, от пары сознательных пролетариев. И жизнь, а вернее, ранняя смерть его, как предсказала бабка-повитуха, принимавшая роды, была предрешена уже на девятом году жизни букетом врожденных шахтерских болезней от силикоза до карбоноза. Если только Васю вовремя не окрестят в Божьей церкви. Но разве могли родители-большевики пойти на риск расставания с партбилетами ради частной жизни своего беспартийного отпрыска? Поэтому летом 1929-го у Василия Петрова наступили последние дни...

Шеф глянул с 7-го Неба на Углегорск и похлопал по плечу Хранителя номер АХБ 1783 дробь 1844..

- Это ваш задохлик. Я свой ход сделал - ответ за вами. Условия игры вам известны.

И родители Васи Петрова немедленно получили партийные путевки в колхозы. Где в качестве председателей таковых должны были способствовать коллективизации сельского хозяйства.

Как только комсын с комневесткой умотали, бабушка, памятуя повитухино предсказание, поволокла внука в последнюю, оставшуюся невзорванной и неразграбленной, волостную церковь, где его, пока не поздно, макнули в купель.

Когда Вася выдернул голову из купели, внутри у него зазвенело.

- Бабушка, - испугался Вася, - колокола в ушах!

Но бабушка успокоила:

- Радуйся, Васенька, это вступил в заступничество твой Ангел-Хранитель.

И вот тогда-то настали у Василия Николаевича иные дни. Дни Победителя.

В Крещенские морозы бабушка загнала внука в прорубь и тем избавила его от ОРЗ и прочих инфекций. А когда судьба закинула в Угледорск корейских переселенцев. Вася подружился с корейцем Кимом (будущим вождем корейского народа Ким-Ир-Сеном) и научился с его подачи отмахиваться от родных шахтерских недорослей с помощью народной корейской мочилочки «Кун-фу». Так он стал в глазах местных девок Первым кавалером. Но, правда, ненадолго. Скоро Первым среди советских шахтеров сделался Стаханов, о котором трубили все газеты.

Разозленный Васька в 16 лет оформился на шахту и принялся рубать угля, назло всем, причем, в самых дальних забоях. И однажды, когда его завалило, и, пока спасатели прорубались в его завал, он с помощью допотопного обушка сумел обрушить угля столько, что перекрыл 15-кратную норму среднего угледобытчика. Начальство, за то, что не подал в профком на нарушение условий труда несовершеннолетних, хотело, было, сунуть ему орден, но по малолетству решило ограничиться принятием в Комсомол. Этого ему показалось маловато. И правильно.

Потому что вторым Первым кавалером местных девок стал летчик, который пролетел над их Угледорском. И Василий по собственным чертежам сварганил планер, на котором махнул в Коктебель и побил на соревнованиях самого Сергея Королева, будущего генконструктора космических кораблей.

Но Королева вместе с Туполевым судьба занесла в лагерь, а Василия - в Тамбовское авиационное училище. И надо же такому случиться, в Тамбов пожаловал прославленный летчик Валерий Чкалов, чтобы приветствовать очередную выпуск учлетов. На банкете Вася Петров по пьяни заключил с великим асом пари, что пролетит на школьном «И-12» под пролетом моста...

За эталон хулиганство учлет Васька и товарищ Чкалов, который всего лишь повторил Васькин трюк, оказались на гауптвахте. Но если, прославленный летчик сумел отмотаться, то Василия Петрова из Тамбовского летучища списали подчистую. Хорошо, хоть не впяли срок. Зато посадили его родителей, которые во вверенных им колхозах не сумели вырастить стопудовый урожай. Так стал он «членом семьи изменников Родины». И тут бы ему мог наступить полный капец, если бы...

Взамен учлетовской гимнастерки купил Василий на Тамбовском базаре слегка подержанный цивильный пиджачок. А в кармане пиджака возьми да и окажись чужой паспорт. Да еще какой! И год рождения совпал, и физиономия точь-в-точь! А тут, как раз партия и Комсомол объявили призыв молодежи в Органы. Василий, не будь дурак, и сунулся туда с новой ксивой в надежде, что теперь не его будут сажать, а он сам будет сажать, кого надо.

Только-только закончил он разведшколу с немецким уклоном – война!..

В теплушке, в головном вагоне эшелона, Василий, рядясь под рядового, направлялся в сторону фронта, и не подозревал, что «Абвер», стремясь не допустить переброски подкреплений к осажденной Москве, спланировал ряд диверсионных операций...

И захотелось Василию испить чайку, да так, что в нутрях засвербило! Выскочил он с чайником на полустанке и забегал по «титанам» в поисках кипятка. А пока бегал, его эшелон тронулся. Так без искомого кипятка Василий едва вскочил в последний вагон взамен своего первого. Только прикорнул в уголке – трах-бах, крушение! Немецкие диверсанты направили сильно раскопегаренный паровоз лоб-в-лоб их эшелону. Первые вагоны, где и полагалось находиться Василию – в гармошку! Не выжил никто...

Но за тот диверсионный акт немчуре он отомстил изрядно! Зброшенный в Германию, он координировал работу разведгруппы «Красная капелла», курировал Штирлица, а в 1944-м подготовил с полковником Штауфенбергом покушение на фюрера. Только перед самым покушением, что-то в мозгу его сработало: «Облом!» И пока арестовывали и казнили подельников, он успел смотаться на авиабазу Берлинской ПВО и, пользуясь навыками учлета, угнал «Мессершмитт»...

Но «Мессер» оказался недозаправленным, и у Василия не было никаких шансов дотянуть до линии фронта, если бы... Если бы за сутки до того не началось незапланированное наступление советских войск, и линия фронта не передвинулась на 250 километров навстречу Василию.

Но над линией фронта его встретила парочка «Ла-5» и Василию не оставалось ничего иного, как выброситься с парашютом прямо в объятия «Смерша». Но в «Смерше» служили не одни только идиоты и кровопийцы, и Василия не расстреляли, а, напротив, представили к Золотой Геройской Звезде. Только вручили ее втихаря, как и полагается у бойцов невидимого фронта.

А в мае 1945-го по приказу, нет, не Жукова, а маршала МГБ Абакумова Василий водрузил красное знамя Победы над Рейхстагом. А за такие подвиги, если по-справедливости, полагается давать сразу две Звезды. Только ведь от такого успеха человек может озвезденеть до едрени-фени и предаться головокружению. Но в наградном отделе вовремя спохватились, и Золотые Звездочки поделили между скромными полковыми разведчиками Егоровы и Кантарией, а Василию, зная его страсть к охоте, преподнесли трофейный немецкий штуцер из коллекции самого Геринга с золотой наградной накладкой.

Из Германии возвращался Василий в хвостовом офицерском вагоне в обнимку с наградным штуцером, который покоился в кленовом футляре, как скрипка Страдивари. И вдруг никогда в жизни не курившему Василию смертельно захотелось подымить. Стрельнув у попутчиков папиросу «Казбек», он вышел в тамбур все так же в обнимку с драгоценным штуцером. По причине теплого летнего дня двери тамбура были распахнуты на обе стороны. И вот, дымя с непонятным и непривычным для него наслаждением, Василий увидел, как на крутом повороте раздрызганной за военные годы железнодорожной колеи сошел с рельсов и завалился под откос паровоз, тянущий их состав. Потом, как костяшки домино, вслед за паровозом стали крениться и рушиться вагоны. Когда настала очередь крениться его хвостовому, Василий в обнимку со штуцером выпрыгнул в противоположную сторону. Уцелели оба, хотя жертв было немеренно...

Пройдя переподготовку в англо-американском отделе разведшколы, Василий вместе с полковником Абелем был заброшен в Штаты красть атомные секреты. Подопечные Василия, супруги Розенберги были разоблачены и казнены на электрическом стуле, Абель схлопотал 25 лет, а Василий Петров сумел вовремя унять стратегический бомбардировщик «В-27» и перелететь через Атлантику. Правда, до России ему дотянуть не удалось, но он ухитрился приземлиться в братской ГДР, откуда и был доставлен в Кремль лично к товарищу Берии с микропленкой, на которой

был запечатлен весь технологический процесс изготовления атомной бомбы. Вот тогда не поспешили и на вторую Звезду...

А после, пройдя переподготовку в восточном отделе разведшколы, он был направлен резидентом в Иран, где должен был шпионить против англичан да американцев. Вчерашние союзники обложили Советский Союз со всех сторон, как медведя в берлоге, военными блоками: с запада – НАТО, с востока СЕАТО, с юга СЕНТО. И отправили Василия бороться с блоком СЕНТО, но не в качестве нелегала, как в предыдущие разы, а официальным торгпредом. А торгпредам полагалось выезжать за границу с семьей. Тогда-то Василий Петров, наконец, женился и даже поспешил родить сына. Хотя в своей избраннице он не слишком разобрался - взял женщину крутую, упрямую, деспотичную и, прямо скажем, истеричную. Но вот эта самая бабья истеричность однажды спасла его карьеру...

Когда его жена с сыном появились на местном базаре, англичане да американцы попытались с целью шантажа советского разведчика похитить их, запихав в необъятные недра «Кадиллака». Но не на ту напали! Жена Василия подняла такой хай, что сбежались не только все окрестные торгаши, но слетели и муэдзины со своих минаретов, чтобы пригвоздить американских иблисов к позорному столбу ислама. Эта история получила такую международную огласку, что позволила Василию, уже под завязку напичканному информацией по СЕНТО и ждущему лишь окна на границе, как лицу безвинно пострадавшему, беспрепятственно выехать из Ирана вместе с чемоданом микропленок.

Когда Никита Хрущев хвастливо огласил наше всеведение об агрессивных планах СЕНТО с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, КГБ пришлось сменить всю Ближневосточную агентурную сеть, как безнадежно засвеченную, а Василия Петрова представили, как единственного уцелевшего, к третьей Золотой Звезде. Только Хрущ такой указ не пропустил. У него у самого имелось только три звездочки, так мог ли он плодить ровню и потенциального конкурента? Правда, памятник на родине пообещал. И, повелел вручить Василию Николаевичу очередное охотничье ружье отечественного производства - двустволку «ТОЗ» с серебряной наградной накладкой. Но ревность не выветрилась, и пока попытки скинуть Хруща не увенчались успехом, Василий Николаевич был отстранен от дел и потому тосковал...

От вынужденного безделья он и взялся за оружие. Подбил своего товарища по охотничьему клубу пойти на кабанов на Советско-Иранскую границу. Сам-то он эти приграничные проходы в камышах знал вдоль и поперек, белее 260 раз пересекал ее, мамочку, нелегально. Ну, и тронулись. Василий Николаевич взял Герингов штуцер, а товарищу всучил «ТОЗ». Да только не ведал Василий, что в советские времена на ТОЗ (Тульском оружейном заводе) вовсе не Левши клепали ружья, а совки. И было это ружье с кривым стволом, и товарищ (опытный, между прочим, стрелок) целился в кабана, а угодил пригоршней картечи в Васино бедро...

Трое суток верный товарищ волок Васю на горбине до ближайшего медпункта. А там врачи глянули и вынесли приговор: «Не жалец. Гангрена такая, что ногу нужно ампутировать вместе с жопой»...

Но дни шли за днями, а Василий так и не помер, с удовольствием хлебая жидкий больничный супец. Но самое интересное, срослось его бедро! Правда, сикось-накось, поскольку не было вовремя заключено в лубок пессимистами в белых халатах. Однажды он встал и, опираясь на костыль, направился в Первопрестольную к месту службы. Но колченогий разведчик – разве разведчик? Такая приметная примета - одна нога короче другой на 5 сантиметров! Словом, списали Василия на пенсию.

Ну, и что боевому мужику делать на пенсии? Только детей растить да водку кушать. Что касаемо детей, так его оболтус уже успел вырасти и сесть на 10 лет за изнасилование и мокруху по пьяни. Осталась только водка.

Но, к счастью, настали иные времена. Завод АвтоВАЗ наладил выпуск 5-й серии «Жигулей» с ручным управлением. И Василий немедленно пересел от бутылки к рулю. И принял «бомбить». И не то чтобы денег ему не хватало (его персональная пенсия по тем временам была о-го-го!), но не хватало общения. Так и подцепил где-то эту бабенку. А что? Не было ему тогда еще и 60-и. А что колченогий? Так в советские времена будь ты хоть трижды колченогий, но на собственной тачке – уже Джеймс Бонд! И закрутился у них роман.

Правда, бабенка оказалась замужняя, так что встречаться им приходилось не так чтобы часто, только в моменты отлучек мужа-рогоносца, да и то с риском быть застуканными. Но тут на помощь пришла эпоха кооперативных гаражей. Василий Николаевич возьми да и справь себе такой зимний гаражик по льготной КэГЭБэшной цене. А в неконтролируемом женой-истеричкой гараже любовь пошла уже почаше!

Только довольно скоро к Васиной жене завалились общественники в штатском из родного РЭУ и объявили, что Василий Николаевич имеет левую половую связь, и ни с кем-нибудь, а с женщиной, и ни где-нибудь, а в их кооперативном гараже, который она лично пробивала своими потом, кровью и истерическими припадками. И женщина та, быть может, вовсе не рядовая сука, а то ли эквадорская, то ли сальвадорская разведчица, из-за чего у Василия Николаевича вскорости возникнут сложности с персональной пенсией, льготами и спецпайком. Сошлись на любом варианте, лишь бы будущая вдова не потеряла ничего из материального обеспечения, а Василию Николаевичу, как и было когда-то обещано, был поставлен памятник на родине...

Тихо дождавшись очередного любовного приступа своего благоверного, будущая вдова, так же тихо захлопнула стальные двери гаража и вставила в петли замок. Благо ее манипуляций влюбленная парочка не услышала из-за шума работающего для сугрева двигателя...

Наутро бригада медиков в штатском констатировала смерть Василия Николаевича от отравления угарным газом, квалифицировав ее как несчастный случай. Женщину же без документов в закрытом мешке вывезли в ближайший морг и оприходовали по статье «бомж».

- Шах мне и мат! – растроено произнес Хранитель номер АХБ 1783 дробь 1844.

- Э, батенька, - снисходительно похлопал его по плечу Шеф, - это потому что я прибежал к удару ниже пояса. Причем, буквально. Да и то, чтобы закончить нашу партию, которая несколько затянулась. А вы мастак! Предлагаю вам должность заведомо Хранителей.

– Под вашим Божеским руководством готов принять любую, - светски изогнулся Хранитель номер АХБ и прочее.

- Но прежде, чем передать вам дела, - строго произнес Шеф, - хочу получить от вас ответ на один вопрос. Как вы, ныне АХБ, а при жизни Александр Христофорович Бенкендорф, умудрились не сохранить Пушкина Александра Сергеевича?

- Видите ли, Ваше превосходительство, - вздохнул бывший енкендорф, - при жизни-то я был простым человеком и не мог разорваться надвое. Мне нужно было либо охранять частное лицо Пушкина от его фанатиков, либо всю Великую Россию от потрясений. Я выбрал второе...

- Убедили, в таком случае поздравляю вас с достойным пополнением в вашей команде!

- Кого вы имеете в виду?
- Нашего Джеймса Бонда. Профессионаааал! Он как раз на подлете...

А памятник Василию Николаевичу, как и обещано, был установлен в его родном шахтерском поселке Углегорске. На открытии памятника пионеры в красных галстуках отдавали салют и шептались:

- А кто такой этот дважды герой? Что он такого сделал?
- Пионервожатая зло прошипела, напрягая сухожилия шеи:
- Спрашиваете, что он такого сделал? Неучи! Он видел ЛЕНИНА!...

&

Неукротимый

(Апокалипсис временно откладывается)/span>

- Шеф, кажется, у нас грядут осложнения...

В кабинет к Шефу ввалился весь Апостольский додецемвират (12 мужей).

Шеф отложил в сторону пухлую папку, которую перед тем листал.

- Не вижу причин для беспокойства. Передо мной прогноз Отдела планирования будущего до 35-го века, представленный Нострадамусом. Там никаких особых потрясений не намечено. Глобальное потепление вот-вот сменится похолоданием, Всемирный потоп больше не потребует, крупные астероиды обойдут нас стороной...

- Нострадамус – детерминист, хотя косит под мистика, - сердито засопел Фома, - Все его прогнозы – это дважды два четыре, а запудрить мозги ухитряется так, что над расшифровкой бьются веками.

- Нострадамус поэт, а поэтические метафоры надо читать иносказательно и между строк

Павел запальчиво возразил:

-- Лучше бы хотя бы иносказательно он учитывал статистичность законов микромира, а между строк - дельту от воздействия Хаоса!

- Что я слышу! Наукообразная терминология! Откуда вы этого нахватались, ветхозаветные, вы мои? Вы при жизни «Пифагоровы штаны» освоить не могли, а туда же. Для расчетов у нас есть Отдел математической обработки: Лагранж, Лопиталь, Коши, Лейбниц, Лобачевский, Эвклид, наконец. Что-то я давненько не видел Эвклида.

- И вряд ли в ближайшие века увидите./p>

- Как это понимать?

- Разборка у них была с Лобачевским. Лобачевский утверждал, что параллельные линии в бесконечности все-таки пересекаются, а Эвклид уперся, что и в бесконечности не пересекаются. Перекинулись они в «подкидного», виртуального, разумеется, Эвклид остался «дураком» и поперся в бесконечность, проверять, кто прав! А до бесконечности путь, сами знаете, неблизкий...

- И это лучшие умы Вечности! Играют на бесконечность...

- Ну, не на щелбаны же им было играть...

- И из-за такой ерунды вы вваливаетесь в мой кабинет?

Додецемвират нестройно загундосил:

- Нет, нет, Шеф! Извините, Шеф! Дело гораздо серьезнее! Не терпит отлагательства!

- Садитесь, - наконец, махнул рукой Начальник.

Толкая друг друга додецемвиры принялись устраиваться вокруг стола, кто, где придется.

- Да не так, а, как положено, - сердился Шеф, - Петр – ошуюю, Иоанн – одесную и так далее...

- Не до протокола сейчас, Шеф, - вздохнул Петр, и угрюмо умолк.

Начальник стал проявлять нетерпение:

- Ну, что замолчали, будто Антипод родился?

- Ах, Шеф, - тихо произнес осторожный Павел, - как вы сейчас близки к истине!..

- Чепуха! – отрезал Шеф, - Сколько раз повторять, что Антипод возможен только в Антимире! А Антимир я уничтожил еще в зародыше Вселенной! Так что оставьте эти земные сказки про Антимир, Антипода, Сатану, бесов. Это все бессовестные людишки насочиняли, чтобы ответственность с себя снять. Схватят воришку за шкурку, а он и сопли пускает: «Не бейте, дяденька - бес попутал!» Наврет политик с три короба, не выполнит своих обещаний – а перед телекамерой - «козны Сатаны»! Вот вы здесь, который век, вы хоть раз видели Сатану или бесов?

- Помилуй, Боже!

- А почему? Да потому, что не создавал я их! Что я, безумел, врагов себе плодить? Скажете, а как же диалектика? Как же закон единства и борьбы противоположностей? Без борьбы, дескать, нет развития. А с меня Хаос хватается! Только я начинаю лепить какую-нибудь новую системку, галактику, скажем, какую-нибудь завалющую – а Хаос тут-как-тут, повышает энтропию, тянет систему назад в небытие. Впрочем, это теория. Вы-то, с чем, конкретно?

ППетр поднялся со своего места и мрачно объявил:

- Шеф, только что в реанимационной палате института Склифосовского умер Вольфганг Меирович Урюпинский-Смит-Альхрам...

- Ну, и что, – пожал плечами Шеф, - мало их мрут, ежесекундно? Умер-шмуер – примем, как и прочих, в соответствии с земными деяниями.../p>

Тут уже все додецемвиры повскакивали со своих мест и завопили:

- Избави нас, Господи! Минуй нас чаша сия!

- Что за ажиотаж? – поразился, было, Шеф, но не успел получить ответа на свой вопрос, потому что в кабинет ворвалась секретарша и заверещала:

- Шеф, к вам начальник Нижнего уровня Люцифер!

- Я занят! – с досадой отмахнулся Шеф – Пусть ждет...

Но дверь кабинета распахнулась от толчка мощных дланей, и на пороге предстал огромный насупленный дух с кустистыми бровями и всклоченной гривой. Он был черен с ног до головы.

- Что это с вами? – удивился Шеф, - Вы черны от межзвездной пыли или от злобы?

- Второе, Шеф, второе, - заскрежетал зубами Люцифер, - но не от своей, а от злобы вновь прибывающего!

- Так он еще не прибыл?

- К несчастью, частично уже прибыл, но, к счастью, еще только частично.

- Как этот понимать?

- Пока реанимационная аппаратура в Склифе еще работает. Реаниматоры пытаются ее обесточить, но я им мешаю, через астрал подключаю резервные источники.

- Что за ажиотаж? – Поднял тот же вопрос Шеф.

- Это же Вольфганг Меирович Урюпинский-Смит-Альхрам! – вдруг завопили все хором.

- Да кто он такой?

Люцифер сложил руки на груди и, понизив голос, произнес:

– Учитель Бен Ладена, последователь Ку-клукс-клана, соратник Ле Пена и Баркашова и идеолог создания Всемирного Нацистско-сионистско-великорусско-панамериканского Халифата! Он, быть может, и создал бы его, если бы не врожденная телесная немощь.

Шеф рассмеялся:

- Ну, есть же у нас Страшный суд, который и не таких укрощал! Уж, какие зубры были господа Шиккельгрубер и Джугашвили! А получили срока и сидят себе тихонечко которое десятилетие над картой Европы да играют в оловянных солдатиков.

- Ничего не выйдет, Шеф, - вздохнул мудрый Лука, - он принял мученическую смерть, а по нашим, то есть по вашим собственным законам неподсуден, ему простятся все земные прегрешения. /p>

Шеф нервно забарабанил пальцами по столу.

- Причем, прошу учесть, принял он смерть добровольно.

- Так он самоубийца! – обрадовался Шеф, - Это же тягчайший из грехов! По нашему кодексу ему полагается строжайший карантин до Второго Пришествия. А уж, когда там оно настанет, мне решать!

- И снова не выйдет, Шеф, - вздохнул Лука, - он себя не убивал, а заказал киллерам. Вернее, друзьям-террористам. И чтобы обеспечить муки, гарантирующие ваше прощение, повелел ампутировать себе без наркоза руки и ноги, насадить тело на шампур и запечь на гриле! При этом руководил собственной казнью, пока не вырубился...

- И все еще не до конца умер? – поразился Шеф, - Какой могучий дух в немощном теле! Что бы он смог совершить, будь у него совершенное тело?

- Если он над собой такое сумел сделать, то, что мог бы сделать над другими, имей он силу и власть! – Воздел руки к небу Матфей, - Да еще в масштабах Всемирного Нацистско-сионистско-великорусско-панамериканского Халифата! Это же классическая программа Антипода, как она приведена в откровении Иоанна Богослова. А вдруг, Антипод, если все-таки появится, превратит наш Мир в Антимир?

- Съест-то он - съест, да кто ж ему даст? – отмахнулся Шеф

- Вы, Шеф, - еще больше помрачнел Люцифер, - если дадите ему новое тело и позволите создать для начала вождьденный им Всемирный Халифат!

- А с какой радости я должен давать ему новое тело?

- Беда в том, что вы ему это неосторожно обещали. В предыдущее воплощение, когда он был в облиии очаровательной женщины королевы Марии Медичи. Даже вы не смогли устоять, шеф. А, как всей Вселенной известно, «слово Шефово твердо есть»!

- Предыдущее воплощение? Так он, что, РЕИНКАРНАТ???

Додецемвиры расстроено закричали:

- Воистину так, Шеф!..

И вот тут Шеф вышел из себя и рывкнул на секретаршу:

- Лилит, личное дело этого Вольфганга Меировича или, как его там, мне на стол!

И, выхватив из рук Лилит пухлую папку, принялся ее лихорадочно листать.

- Итак, послужной список:

«Гомо эректус агрессивус»

«Магог»,

«Голиаф»,

«Варавва»,

«Нерон»,

«Мессалина»,

«Атилла»,

«Мария Медичи»,

«Цезарь Борджиа»

«Малюта Скуратов»

«Макиавелли»,/p>

«Граф Дракула»,

«Джек Потрошитель»

«Дзержинский»

«Чикатило»

Ничего особенного, заурядный живодер. Ну, может быть, чуть-чуть более других прикасался к власти. Но на Антипода не тянет.

В это время в кабинет шефа снова влетела секретарша и заверещала:

- Шеф, к вам Директор второго уровня Иоанн Богослов!

Серый, как ломаный асфальт, Иоанн ввалился в кабинет Шефа и слил информацию:

- Шеф, ужас! Вновь прибывающий почти прибыл! Не смотря на все старания реаниматоров, его голова уже просматривается в окнах нашего Второго уровня. Цепкий, как солитер! И клацает зубами. Откуда у него эти гигантские клычища? Представьте, что произойдет, если он пробьется до вашего 7-го! Вы будете не вправе ему отказать, поскольку «слово Шефово твердо есть»!

- Сколько можно ловить меня на слове? Только ужас-то совсем не в нем! – возмутился Шеф, - Ужас - это ваши, Иоанн, «Откровения»! Откуда взялось это число 666? Откуда этот бред о звере?

- Шеф, два тысячелетия назад на Крите вы лечили мальчика-дауна, страдающего еще и ДЦП?

- Да, в порядке благотворительности. Так это, что, был ты?

- Именно, Шеф. Чтобы пробудить мой разум, вы рассказывали мне сказки. И одна из них, страшилка, мне особенно врезалась в память. Я запомнил и Золотого орла небесного и Огнегривого льва и Вола, «исполненного очей». Когда вылечился, я издал книжку. А Борис Гребенщиков сочинил песню.

Шеф явно загрустил.

- Вроде бы это ты был дауном, а не я... Что же я имел в виду под 666?

- Мы вас умоляем, постарайтесь вспомнить!

Шеф лихорадочно затер свой необъятный лоб, а заодно и затылок.

- Вообще-то, всю эту историю с реинкарнациями я заварил с подачи Гаутамы Будды. Это он, как заведенный, все твердил: «Давайте, дадим человеку лишний шанс! Пусть приобретет новый опыт в новом теле! Тогда и квалифицированных соратников вам прибавится!» Я и подкупился. Только вот такие оказались соратнички! Но при чем здесь число 666?

Иоанн Богослов преклонил голову:

- А если это число его реинкарнаций?

Шеф с досадой отмахнулся:

- Не хотите ли вы сказать, что средняя продолжительность жизни его воплощений от эпохи Адама и Евы не превышала 10-и лет. Откуда он мог набрать столько негативного опыта?

– А если большая часть его воплощений пришлась на абортарии? – вдруг сообразил Иоанн, - Что, если женские тела, чувствуя дурное, не желали его вынашивать. Индусы, например, считают, что идеальные убийцы после

реинкарнации – абортивные дети. Такой у них жизненный опыт.

Шефа прошиб холодный пот./p>

- Подсчитаем... всего воплощений 664. Если бы, не дай Бог, ему удалась будущая жизнь, было бы 665. А где 666-я? Причем звериная. Все люди, об этом даже Дарвин писал, произошли от обезьяны. Но обезьяна – не зверь, а примат!

В это время в кабинет снова влетела секретарша, чтобы прощепетать:

- Шеф, к вам директор Третьего уровня Горгонаил!

Ввалился шестикрылый серафим Горгонаил и принялся причитать:

- Несмотря на усилия реаниматоров, головой он уже достиг нашего Третьего уровня, то есть склада монад. А ведь монады – это заготовки будущих душ, и они пока стерильны, потому что подготовлены к воплощению в новые тела. Представляете, что случится, вскрой он хоть один бокс и выпусти монады на волю безиммунитетно? Все человечество изменит вектор своего развития.

- Где Лейбниц? – Трахнул кулаком по столу Шеф, - Где Даниил Андреев? Монады – это их прерогатива!

- Они делают все, что в их силах. Только вот ошибка вышла, Шеф! Причем в далеком прошлом.

- Сейчас не до прошлого! – завопил Шеф, - Нам бы будущего!

- Каюсь! Каюсь! Каюсь!

- О чем это вы?

- Помните, Шеф, как вы, собираясь создавать людей, потребовали освободить склады от допотопных монад? Всяких там игуаноносов, бронтозавров и птеродактилей? Мы так и поступили. Отправили на незаселенную «Альфа Центавра» миллиарды рептильных монад, а на их место поместили безобидные обезьяны, из которых вы и создали человечество.

- Ну?

- Так вот, вкралась ошибка, как мы это теперь поняли. Одна монада застряла на складе... Вот ее упаковка с соответствующей маркировкой...

- Дайте сюда!, - потребовал Шеф и принялся изучать упаковку

- Динозавр «Тиранозаврус Рекс»? Это же самый хищный зверь в истории Земли! Чтобы его уничтожить, я и организовал Всемирный потоп... Вот вам и 666-е воплощение.

Шеф схватился за голову.

- Ну, соратники! Ну, удружили!..

Додecemвиры собрались к кружок, пошептались, после чего мудрый Петр произнес:

- Дайте ему новое воплощение. Но в негодном теле. Скажем какого-нибудь недоноска.

Шеф в отчаянии махнул рукой

- Мы уже экспериментировали с недоношенными телами. И, вспомните, кого мы получали из семимесячных? Вольтера, Суворова, Черчилля!

Люцифер разочарованно вздохнул.

- Вообще-то, Шеф, вы сами придумали этот эксперимент со Вселенной. И эксперимент еще далек от завершения. А на пути к истине риск и ошибки неизбежны. Сами учили! Вам ли их бояться?

- Ну, хорошо, - сказал Шеф и во весь свой бесконечный рост навис над столом, - принимаю командирское решение!

ППервое, подключить резервные мощности к Реанимационной палате Склифа и, во-что-бы-то-ни-ста-ло, втянуть самопроизвольно прибывающего обратно в Мир живых. Для чего временно перевести работу звезд Бетельгейзе и Сириус в соответствующий режим даже с риском для жизни на их планетах.

Второе, немедленно активизировать работы по клонированию. Особенно в Британских клиниках. Они наиболее продвинутые, овечку «Долли» создали. Этому самому Вольфгангу Меировичу, вместо обрубленного, проперченного и пропеченного, вернуть его собственное чахлое тельце, чтобы было один к одному, и чтобы это, не дай Бог, не считалось новым 666-м воплощением.../p>

Третье. Всеми правдами и даже неправдами поддерживать жизнь в этом теле хотя бы пару ближайших веков. А там что-нибудь придумаем...

- А если он снова решит покончить с собой? – робко встрял Фома.

- Тогда, четвертое! – взревел Шеф, - Есть же у нас секьюрити! Не зря же мы разрешили Аиду держать в подвале псарню. Пусть выпустит дюжину церберов. Да не трехголовых, а, хотя бы, пятиголовых! И пусть они денно и ночью дежурят у стен нашего учреждения. Да, и хорошо бы реаниматорам дать какое-то вознаграждение за сверхнормативный труд.

- Не, проблема, Шеф, - сказал Люцифер, - они получают приличные выигрыши в ближайшую лотерею. Но вот что

смешно, у нас, что, появится второй Агасфер?

- Вечным жидом больше – вечным жидом меньше... - махнул рукой Шеф и расхохотался, - может подружатся? И организуют свой халифат на двоих!...

- Хорошая мысль, Шеф! Очень хорошая! – радостно заголосили все присутствующие.

Шеф хлопнул в ладоши и в кабинет вошла верная Лилит с подносом. На подносе стояли бокалы по числу присутствующих.

- Так говорите, хорошая мысль? – усмеялся шеф, - А вы знаете, что лучшие мысли приходят в голову от страха. Ну, дернем Зевсовой амброзии, и я с вами пооткровенничаю.

Все присутствующие выпили, и бокалы их тут же вновь наполнились.

- Хорошая была мысль создать Вселенную?

Все наперебой заговорили:

- Классная, Шеф! Отменная!..

- Ну, так вот, эта мысль пришла мне в голову со страху...

Тут настал черед всеобщего удивления.

- Как, Шеф? И чего же вы боялись, когда ничего еще не было?

Шеф выдержал паузу и с расстановкой произнес:

- Я боялся провести всю свою бесконечную жизнь в ОДИНОЧЕСТВЕ!...

&

Невменяемый

(Экзамен на замещение вакантной должности)/span>

«Теперь я больше не марксист!»

(Карл Маркс в конце жизни)

После первого инсульта Он потерял способность ходить. Но сын подарил ему безлимитный мобильник, и Он продолжал работать.

После второго инсульта Он потерял способность говорить. Тогда сын подарил ему ноутбук да еще с «Вай-Фаем» и Он снова продолжал работать.

И после третьего инсульта полностью парализованный, Он не перестал работать. Сын нанял сиделку-толмача, которая помогала ему писать и общаться с редкими коллегами при помощи глаз и орфографического словаря, как это делал старик Нуартье в романе «Граф Монтекросто».

После последнего инсульта Он потерял способность дышать, но, по требованию сына, его подключили к аппарату принудительной вентиляции легких. Да и то сказать, благодаря переводам от сына с деньгами проблем не было. Но теперь единственным доступным ему трудом и развлечением сделалась способность думать. Впрочем, пожалуй, только развлечением. Труд, в том числе умственный, положено как-то воплощать. Хотя бы фиксировать. А тут...

Шеф обожал мозговые штурмы. И не то чтобы он был не в состоянии решать вопросы в одиночку. Но в компании было как-то веселее. Он позволял высказываться каждому, кому было, что сказать. Пусть и не всегда впопад, пусть и не всегда по делу. В конце концов, приближенным надо давать время от времени распускать перья перед коллегами и начальством, чтобы не теряли уверенности в себе. Да он и сам не упускал случая посмотреть на себя глазами приближенных. Тем более что последнее слово все равно оставалось за ним.

Нынешний мозговой штурм был посвящен борьбе с Хаосом.

К началу Шеф, как он это обычно делал, чтобы настроить заседание на деловой лад, появился в официальном облачении, слегка приталенном, но не слишком облегающем. Необъятный лоб драпирован свободными прядями. На лице ничего лишнего, лишь одна поперечная морщина между бровей, как знак глубокой озабоченности. Шеф энергично вышагивал между многотысячными рядами приближенных и помахивал ладонью в такт своей речи, индуцируя в их массах мыслительный процесс.

- Конечно, на фронте борьбы с Хаосом мы имеем кое-какие достижения. Вселенная, не смотря ни на что, расширяется. Но наблюдаются и отрицательные явления.

Почему наши мировые константы подвержены колебаниям? Вот Исаак Ньютон постоянно сигнализирует, что Гравитационная постоянная век за веком сдает. Пока это замечаем только мы с ним. Но ведь со временем могут

заметить и простые смертные. Наука-то у них не стоит на месте.

Нне пора ли нам братья за ум? Может, хватит пользоваться тем, что я всеведущий и могу дать ответ на любые вопросы. Отвыкайте! Знать все отнюдь не весело, смею вас заверить. Потому-то я и позволяю Хаосу вмешиваться в события и путать карты, чтобы мы все здесь, образно говоря, не сдохли со скуки. Но лишь иногда. И только дозировано!

А Хаос, как вы знаете, не желает считаться с правилами игры. Ведь приз в нашей игре – мироздание, которое он норовит превратить в мироразрушение! Поэтому я предлагаю создать новую службу, службу, которая поможет нам время от времени обуздывать Хаос и возвращать его в рамки, так сказать, приличия. И во главе этой службы нужна, не побоюсь этого слова, бескомпромиссная фигура.../p>

Невилл Чемберлен, сдувавший несуществующие пылинки с безукоризненного сюртука, блеснул стекляшками пенсне и вкрадчиво проворковал:

- Истории известны и мирные случаи урегулирования конфликтов...

- Известны, - усмехнулся Шарль Морис Талейран и свойски ткнул Чемберлена в бок, - например, в Мюнхене.

После чего ехидно захихикал на пару с Николо Макиавелли.

Со своего места важно поднялся апостол Петр и на весь конференц-зал торжественно провозгласил:

- Наш апостольский додецемвират единодушно выдвигает на эту должность Джей-Кей! Мы знаем его две тысячи лет и готовы за него поручиться.

Шеф отрицательно покрутил головой.

- Это исключено. Во-первых, Джей-Кей – моя правая рука. А вы пробовали успешно работать без правой руки?

- А во-вторых, - продолжил сам Джей-Кей, восседавший в президиуме ошуюю от Шефова кресла, - простите, какой из меня борец? Я непротивленец. Ударили по правой – подставлю левую.

- Да уж, знаем, - не отрывая взгляда от игры собственных бицепсов, презрительно пробурчал Самсон, - «take love, not war!»

И с хрустом подняв с места свою треугольную фигуру, Самсон не столько предложил, сколько потребовал:

- А по мне так в самый раз возложить эту обязанность на кого-нибудь из наших героев.

Потом он обратился к батальону Небесного воинства.

- Ведь есть среди нас испытанные товарищи! Пусть любой филистимлянин плюнет мне в лицо, если докажет, что я не прав!

Отдел Небесного воинства одобрительно завыл и затопал ногами. Шеф поднял руку, водворяя тишину и порядок.

- Во-первых, большинство этих самых героев в своей земной жизни такого наворотили, что живущие до сих пор расхлебывают. А во-вторых, герой – почти всегда актер, работающий на публику. Здесь нужна иная личность с иными мотивировками. Независимая от чужого мнения. Не поддающаяся ни на лесть, ни на посулы, ни на внушение. Даже, если хотите, на аргументы. Чтобы противостоять чужому напору, он должен быть в известном смысле НЕВМЕНЯЕМЫМ. Какие будут предложения?

- Вы уже кого-то приглядели, Шеф? – Осторожно поинтересовался Джей-Кей.

- Собственно, за этим я вас и собрал. Мы с вами должны проэкзаменовать соискателя и, либо одобрить, либо отвергнуть его кандидатуру...

Собравшиеся зашептались, посыпались вопросы:

- Он что, Нобелевский лауреат? – Спросил Томас Эдисон.

- Нет.

- Хотя бы, академик? – Поинтересовался Иван Лысенко.

- Нет.

- По крайней мере, он открыл какой-нибудь, пусть завалющийся, мировой закон? – Ревниво спросил Исаак Ньютон.

- Снова, нет.

- Как же так?

- Просто при жизни ему не представилась такая возможность.

Думать – ему было не привыкать. Он всю жизнь думал. О работе, о судьбе страны, о международном положении, об устройстве вселенной. Ну, разумеется, и о семье.

Не думал Он только о смерти. Всегда кривил физию, когда кто-то пытался заговорить на эту тему. Хотя, если разобраться, тема, как тема, не хуже, чем, скажем, любовь. Впрочем, про «любофф» думают, имея внутри неразряженный аккумулятор. А когда ты подключен к внешней сети, самый раз подумать о смерти. В конце концов, как утверждал Козьма Прутков: «Смерть для того и поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовляться».

Но Он никогда не готовился к смерти. К экзаменам на аттестат зрелости – да, чтобы получить Золотую медаль и с первого захода гарантированно поступить в желанный вуз. Потом готовился к зачетам и курсовым. Потом – к защите диссертации. К вступлению в партию. К очередной ступеньке карьерной лестницы./p>

А однажды даже готовился проклясть сына за моральное разложение. Еще в школьные годы сынуля пристрастился к девочкам, а в институте, войдя во вкус, перетрахал всех сокурсниц и двинулся дальше. Отцу, в конце концов, надоел вид зареванных девиц, которые кидались под колеса его «Волги» с мольбами повлиять на отпрыска. И как-то, дождавшись, когда сын под утро явится с очередного randevu, Он, никогда не прибегавший к нецензурным выражениям, предварительно распалив себя бутылкой коньяку, саданул кулаком по столу:

- Мне стыдно, что у меня такой сын. Ты позоришь высокое звание Ученого. Ты не ученый. Ты, - долго подбирал он определение, - бабоёб!

Но сын, усмехнувшись новому словцу в лексиконе отца, лишь пожал плечами:

- А как же Лев Давыдович Ландау? И вообще, по-моему, лучше быть бабоёбом, чем долбоёбом!

И Он не нашел, что ответить. Он вспомнил себя. Вспомнил, как лет в 14-15, в самый, что ни на есть, пубертатный период, Он бродил по улицам и глазел на женщин. Он мысленно срывал с них одежды и делал такое!.. Как презирал Он себя за эти, как ему думалось, скотские фантазии. Как понимал, что не достоин высокого звания комсомольца!

Вспомнил и устыдился своей вспышки.

В это время Шеф включил трансляцию из реанимационной палаты, и мысли в голове лежащего сделались достоянием конкурсной комиссии.

Первым они почему-то взволновали Самсона.

– Бабы – это чертово зелье! Уж, какой я был богатырь, львов руками рвал! А как влип с Далилой, а? Окрутила, стервь, зельем опоила, налысо побрила, силы лишила, филистимлянам сдала. Вот что похоть проклятая делает!..

Сам-то Он со временем подавил в себе эту моральную расхристанность, облагородил половой инстинкт, как советовал Антон Павлович Чехов в письмах брату. Но ведь не каждому дано... /p>

Мда...Вот только к смерти не готовился.

- Может, зря, - подумал Он. – В конце концов, человеку суждено сделать всего два значительных шага. Один – из небытия в бытие. Другой – в обратном направлении. И если первый шаг делается бессознательно, то второй вполне можно осмыслить и принять смерть милостиво и снисходительно, как и подобает хозяину, а не робкому гостю в этом мире.

- Что ж, займемся делом!

И стал Он готовиться к смерти.

- Займемся делом! – Объявил Шеф и достал из кармана мешочек с завязками, расшитый бисером.

- Поскольку испытуемый по известным причинам не в состоянии тянуть экзаменационный билет, вопросы будем задавать сами. Порядок вопросов определим с помощью жребия.

И шеф дернул завязки на мешочке.

- Налетайте!

Приближенные потянулись к мешочку и стали по очереди запускать в него руки. В его недрах оказались маленькие деревянные бочонки с циферками, знакомые всем по игре в лото. Народ с оживлением читал выпавшие номера:

- Барабанные палочки!

- Голодный год!

- Очко!

- Туда-сюда!

- А я не пойму, у меня 6 или 9?

- На точку посмотри. Точка должна быть внизу.

Шеф поднял руку, выждал, пока народ уgomонится, и спросил:

- У кого первый номер?

Первый номер оказался у «голоса мировой совести», а так же «зеркала русской революции» Льва Николаевича Толстого.

- Начинайте, - махнул в сторону лежащего в реанимационной палате Шеф.

Толстой что-то беззвучно прошептал в указанном направлении, а потом приложил к уху ладонь рупором, будто надеясь что-нибудь услышать.

Лежащий стал вспоминать, что говорили про смерть великие, и первым почему-то вспомнил Толстого.

- Вот Лев Толстой считал, что, ежели человек в течение дня не думал о смерти, то день прожит зря...

- Ответ правильный! Самую суть ухватил! – Одобрительно крикнул Толстой, - Думаю, этот кандидат нам подходит. Дальше?

Но тут неожиданно лежащий вдруг принялся спорить с великим. Видимо, по привычке.

– На первый взгляд, если не гениально, то хотя бы многозначительно. Однако выдает пафос. Зачем пафос? А как же! Боялся барин смерти, искал с ней примирения, а туда же! Вот и к Чехову он с этим привязывался. Убеждал его, лежащего на смертном одре, что смерти нет. Что после смерти человек, дескать, превращается в любовь. А когда Чехов спросил, как он это себе представляет, такого наплел, что вышло нечто бесформенное вроде амебы или медузы. Посмеялся умирающий и сказал: «Нет уж, лучше без остатка умереть, чем превратиться в этокое!» Мда, юморист был барин. Да нет, не юморист. Что говорил о Толстом Василий Васильевич Розанов? «Барин был гениален, но глуп, а при гениальности ум бы не помешал». Эх, поповщина!

Лежащий не подозревал, что великие, мысли которых он сейчас перебирал, заняты тем же, перебирают его мысли. Поэтому, стоило ему привести цитату из Розанова, как «голос мировой совести», он же «зеркало русской революции» сунул большие пальцы рук за сыромятный ремешок, опоясывающий рубаху его имени, подбоченился и, сдвинув кустистые брови к переносице, произнес приговор:/p>

– Так я и думал: сукин сын! Масон пархатый! Но нас, русский народ на мякине не проведешь!..

Потом он в упор уставился на смущенного Розанова./p>

- И когда же вы такое изрекли, голубчик? Наверняка, после моей смерти. При жизни я бы вас морально удушил.

- Едва ли, Лев Николаевич, - потупил взгляд Василий Васильевич, - я ведь вас ненадолго пережил...

- Как назывался ваш пасквиль? – Не унимался оскорбленный.

- Не припомню, Лев Николаевич, - сокрушенно развел руками обидчик, - может, «Былое», может, «Уединенное», может, «Опавшие листья». Я ведь перед голодной смертью исхудал не только телесно, но и духовно...

- Надо же это дезавуировать! Немедленно! Найти и дезавуировать! Душан Петрович, - обратился он к Маковицкому, личному доктору, который сопровождал его даже после смерти, - подскажите, ради Бога, в каком направлении библиотека?

- Прямо по коридору, - махнул рукой доктор Маковицкий, - и 1001-й поворот направо.

Толстой засеменил, было, в указанном направлении, но тотчас вернулся и вполголоса озабоченно поинтересовался:

- Скажите, голубчик, вы случайно не видели поблизости Софьи Андреевны?

- К сожалению, нет, Лев Николаевич.

- Так и хорошо! Так и слава Богу!

Он перестал семенить, приободрился, выпятил грудь колесом и кулаком погрозил Розанову:

- Уж я вас дезавуирую, будьте покойны!

Потом вдруг ударил строевым шагом и старческим тенорком затянул:

- Как четвертого числа

Нас нелегкая несла

Горы отбирать

На Федюхины высоты

Нас пришло всего три роты,

А пошли полки!..

ИИ пришлось нам отступать,

Разъеби же ихню мать,

Кто туда водил.../p>

Прежде чем скрыться за 1001-м поворотом, Толстой, обернулся и крикнул Василию Васильевичу:

- А еще русский интеллигент! А еще дворянин!

Розанов вдруг разозлился и ответил:

- От графа и слышу!

Когда Толстой, наконец, исчез, Василий Васильевич с облегчением вздохнул, а Маковицкий отечески похлопал его по плечу.

- Не берите в голову, человек контужен.

- Понимаю. Фронтовик. Севастополец. Французская граната.

- Дело гораздо серьезнее. Жена-с. Да, да, Софья Андреевна. Лев Николаевич как-то сгоряча пригрозил, что, ложась в гроб, скажет, наконец, о женщинах всю правду и тут же захлопнет за собой крышку гроба, чтобы не слышать ответ. Вы задумывались, отчего он из дому ушел за 10 дней до смерти...

- Не хотите же вы сказать...

- Да, да, именно! Ляпнул, что думал, прежде времени.

- Ах, старый правдолюб!

- Не выдержал...

- Поповщина! – Повторил свою оценку лежащий.

Его дед по отцу был православным священником. Дед по матери – раввином. Когда при Хруще стало можно говорить про то, про что раньше взрослые молчали, Он, с напором свойственным комсомольской юности, пытал дедов, как они умудрились уцелеть в 30-е? Деды не отличились разнообразием:

- На всё воля Божья! – Ответствовали оба.

Он делал наивные глаза:

- На всё – на всё?

И, краем уха слушая их пространные теологические выкладки, думал:

- Ну, когда на голову валится кирпич, или находишь на улице кошелек, в это еще можно поверить. Но ведь ненавистную физ-ру он прогулял по собственной воле. И Ваське в лоб засветил по собственной воле. А нечего Темкину по углам общупывать. Против ее воли. Хотя, если задержаться взглядом на сиськах Темкиной слишком долго...

Короче, если на все – на все воля Божья, то человеку во вселенной места нет. Нечего ему там делать. Но я же – вот Он. Я есть. А значит, нет Бога...

Сейчас Он пребывал в коме, а потому не видел и не слышал внешнего мира. Но перед его внутренним взором, повинувшись воле, переключающей каналы памяти и фантазии, сменялись яркие картинки. А в ушах... Это, видимо, стуктки крови, проталкиваемые изнемогающим сердцем, игрались кусочками отслоившегося кальция, бия им в стенки височной артерии. Весело так постукивали, словно телеграфировали какое-то слово. Лежащий напрягся и разобрал:

- Сле-ду-ю-щий! Сле-ду-ю-щий!..»

- Хорошо! - согласился лежащий.

Следующим Он вспомнил Лейбница и всласть посмеялся над Лейбницевыми «монадами» или «субстанциями», богосотворенными кирпичиками мироздания, несокрушимыми и неуничтожимыми, обладающими стремлениями и памятью и лежащими в основе души каждого смертного.

- На конечной я выйду на станции –/p>

Из меня, конечно, выйдет субстанция...

Неуклюже пошутил он.

- Поповщина!

- Вот те раз! – Растерянно развел руками Лейбниц. – А я даже умер без причастия и покаяния...

– Но, тем не менее, верующим. – Усмехнулся Шеф. – Я бы даже сказал самоуверующим: «Дайте мне ноль и бесконечность - и я выведу из них всю вселенную!»

- Поповщина, – упрямо твердил экзаменуемый, – только наукообразная./p>

Чтобы встретить смерть, Он не нуждался в гипотезе о Боге. Нет, это не его смерть. Правда, создателя дифференциального и интегрального исчислений, ему трудно было, как Толстого, заподозрить в глупости. И тем паче в трусости. Ведь, придумав свои «бесконечно малые», Лейбниц замахнулся на основы мироздания.

- Не на это ли замахнулся и Гриша Перельман? Дурачье, они ломают голову, почему он не берет миллион? Что такое миллион в сравнении с бесконечностью!..

При этих словах Лев Толстой в недрах библиотеки оторвался от важного дела, дезавуирования страниц из сочинений Василия Розанова, и радостно пророкотал в пространство:

- Не замай нашего Перельмана! Перельман настоящий русский мужик! Материще!

А лежащий тем временем представил себе Декартовы координаты, оси которых простирались в бесконечность. И перед ним вдруг предстало...

Только сначала Он снова услышал:

- Следующий! Распишитесь! Следующий...

А потом увидел безмолвствующую очередь, вроде как на регистрацию, расположившуюся, подобно натуральному ряду, на оси абсцисс. Конец очереди, как и положено оси абсцисс терялся в плюс бесконечности.

Какая-то белокурая функционерка с библейским имени Лилит, но с лицом, напоминающим Ксению Собчак, швырнула очередную анкету в Вечность и бесстрастно провозгласила:

- Следующий!

Наконец один с простреленной башкой, по виду африканец, не выдержал:

- Девушка, почему так долго-то?

- Это долго? Вы не знаете, что такое долго.

- Но ведь столько мучений...

- На вас не угодишь. Для кого-то долго – для кого-то слишком быстро!

- Бога вы не боитесь!

– Естественно!..

Лилит на мгновение обернулась, заметила лежащего и строго предупредила:

- Без очереди не имею права! У нас аврал...

Когда Он вернулся в тесную камеру своего материалистического мировоззрения, то посмеялся фантазиям угасающего мозга:

- Неужели и тут очередь?.. Я снова стою в очереди. Вернее, лежу в очереди. Sic transit Gloria mundi... Весь век в очередях. За венгерскими курами, за пыжиковыми шапками, за туалетной бумагой, за билетами на «Таганку». В пионерской юности – в Мавзолей. В сопливом детстве – за керосином, за мылом, за прививками от дифтерита. В роддоме – за место под солнцем. И даже, будучи сперматозоидом, стоял в очереди на зачатие...

Джей-Кей неодобрительно покачал длинноволосой, как у хиппи, головой.

- Какое непростительное для критика Толстого и Лейбница заблуждение! Сперматозоиды не стоят в очереди на зачатие, они соревнуются за первенство в этом святом деле./p>

Шеф удивленно поднял брови:

- Ты-то, что в этом понимаешь, сынок? Ты же никогда не был сперматозоидом!

- Ах, Шеф, ну, сколько можно попрекать меня непорочным зачатием! – Вздохнул Джей-Кей и привычно перекрестил свое иконописное лицо. - Кстати, если вы его наметили, отчего не заберете? Он уже неделю в коме. Мне лично его жалко.

- Он еще не готов. Да и экзамен не окончен. Пропустим пока сомалийцев. Им тоже не сладко, как-никак гражданская война.

А лежащий про себя вздохнул:

- Непорочное зачатие! Евхаристия! Воскресение! Как, должно быть, комфортно тому, кто способен принять все эти греко-иудейские народные сказки за чистую монету!

Он вспомнил, как дед по отцу тайно окрестил его в православном храме, когда родители-коммунисты воевали с Германией. А дед по матери тайно сделал ему в синагоге обрезание, когда родители-коммунисты воевали уже с Японией.

- А что же я?

Открестился от обоих.

Да и то сказать, смерть с Богом – это какая-то несерьезная смерть. Вроде как понарошку. Нет уж, умирать надо с достоинством, по-мужски, всерьез.

Завотделом конформных преобразований двуликий Янус, который листал Личное дело испытуемого, лучезарно улыбнувшись передним лицом, изобразил сочувственное недоумение на заднем.

- Кто мешал ему принять любую из сторон? А лучше - сразу обе, ведь каждая по-своему права.

- Цельные натуры, - вздохнул Шеф, - считают дуализм неприличным. Он им претит даже в природе. Дуализм противоречит их принципам.

Янус засмеялся сразу обоими лицами.

- Ох, уж эти цельные натуры! Одна родина, одна жена, одна сберкнижка...

ТТрудно быть бескомпромиссным, когда в тебе текут две крови. Да еще такие разные! Эмоции – и разум. Неистовство – и трезвый расчет. Одна кровь зовет выпить – другая укоризненно качает головой. Без пяти минут шизофрения...

Только-только в ГКНТ (было когда-то такое министерство, хотя и называлось «Госкомитет по науке и технике»), так вот в этом самом ГКНТ со страшным скрипом и подковерными интригами утвердили его тему на финансирование. Запахло Нобелевкой, в крайнем случае, Ленинкой.

А тут новая беда, и снова с сынулей. Теперь он попал под колпак КГБ. Какой-то народный «бдитель» настучал, что советский ученый изменяет жене с иностранкой. Да не с какой-нибудь палестинкой или, там, монголкой, а гражданкой США, представительницей нашего потенциального противника. А это уже можно квалифицировать не просто как измену жене, но и измену Родине.

Сват, сам полковник невидимого фронта, после четвертой совместно распитой бутылки коньяку строго выговаривал ему:/p>

- Вот ты говоришь, что твой пацан просто бабоёб. Это я понимаю. Но уж, если захотелось ему просто потрясти яйцами налево, что наших шлюх мало? Моя бы дочь слова ему не сказала. Но на кой хрен нам американка? Нет, твой сын не ПРОСТО бабоёб. Он – бабоёб С ПРЕТЕНЗИЯМИ! А такое ни я, ни страна вам не простят. Не имеем права!

АА как я влип с Далилой, а? – Снова вспомнил о своем Самсон. - Окрутила, зельем опоила, налысо побрила, силы лишила. Вот что похоть проклятая делает!..

- «Потом жарким я обливаюсь,

Дрожью члены все охвачены,..

И вот-вот как будто с жизнью прощусь я...»

Это с дурашливыми причитаниями присоединилась к Самсону поэтесса Сафо из отдела Пиитической духолингвистики. При этом она картинно заламывала руки и мотала распущенными по плечам вороньими патлами.

Шеф недовольно поморщился. Шутки у Сафо всегда получались невкусные. То ли мешала ее общая мужиковатость, которую она еще и подчеркивала, туго утягивая ремнями груди под безразмерным хитоном. То ли всем за века надоело ее неумеренное самоцитирование./p>

- На что вы намекаете? – Спросил Шеф.

- Жалко людей. Страдают ни за что.

- Предлагаете их осчастливить? Как?

- Изъять из числа обязательных к исполнению одну заповедь. Она и так давно лишняя.

Тут даже многотерпеливый Моисей гневно засверкал глазами:

- Какую же, дочь моя, если не секрет? «Не укради»? А может, «не убий»?

Сафо досадливо поморщилась.

- «Не прелюбодействуй!» Ее все равно никто не соблюдает. Зато нарушители страдают от чувства вины.

- И что это будет, – клокотал Моисей, - 9 заповедей? Как мы объясним число 9? Народ нас не поймет.

- Можно оставить 7, - не сдавалась Сафо, - 7 – счастливое число.

- Ага! А еще скажи: Шеф троицу любит!

- Можно и 3. Запомнить легко.

Мумиеподобный Мафусаил, оторвавшись от вечных манипуляций с библейской бородой, по-стариковски прошамкал:

- До чего измельчал народ! До 70-и не дотягивают, заживо прогивают. А ведь в наше время некоторые, особо праведные, доживали и до 969-и. И заповедей было поболее - целых 12. И то все наизусть помнили.

- В какое-такое ваше время? - Огрызнулась Сафо.

- До потопа!

- Вы, дедуля, случайно, ничего не путаете?

Тут настал черед Шефа остановить препирательства.

- Он не путает.

Со всех сторон посыпались вопросы:

- А почему 12? Что это были за заповеди? И куда они делись?

Шеф не слишком охотно принялся разъяснять:

- Было еще две заповеди: «Не пей!» и «Не кури!» Вот их-то и стали нарушать охотнее всего. Причем в массовом порядке. Пришлось упразднить, чтобы нравственный закон понапрасну не девальвировался. Но не советую господам модернизаторам считать это прецедентом. И так пришлось после потопа переводить человечество с двенадцатеричной системы счисления на десятичную. Благо пальцев на руках тоже десять. Слава Богу, никто из живущих ныне этого не помнит. Так что на дальнейшее сокращение количества заповедей не рассчитывайте. Не станем же мы плодить девяти или семипалых мутантов.

Но Сафо упрямо гнула свое:

- Но согласитесь, Шеф, прелюбодеяние – не преступление, прелюбодеяние - норма.

Моисей сердито грохнул об пол суковатым посохом.

- Никаких компромиссов!

Лежащий посмеялся забавной галлюцинации:

- Согласен, папаша! Либеральшам дай волю – они и из лесбиянства норму сделают!

Трудно быть бескомпромиссным, когда в тебе текут две крови. Трудно быть бескомпромиссным, когда играешь две роли – ученого и гражданина. И еще отца. Это уже получается целых три роли!

Разумеется, американка в той истории была не причем. Причем был длинный язык сына и его, так называемая, «правозащитная» деятельность. Застав его за распечатыванием очередного «самиздата», Он саданул кулаком по столу.

- Высокое звание Ученого не совместимо с играми в политику!

Но сын лишь устало поглядел мимо него.

- А как же академик Сахаров?

Он не сочувствовал диссидентам, хотя еще в школьные годы задумывался, почему все в стране так. Слушая ночами «Голос Америки», когда родители-коммунисты спали после трудового дня, отданного на благо Родины, Он с горечью вспоминал слова Лебедева-Кумача из «Песни о Родине»: «Я другой такой страны не знаю, где так!..» И если вначале он возненавидел большевиков-узурпаторов и родителей-соглашателей, то, полистав в институтской читалке литературу, причем вполне открытую, скажем труды Плеханова, десятилетиями никем не востребованные, понял, что страна к иной жизни просто не готова. Она представления не имеет, как жить по-другому. Да, по большому счету, и не желает ничего другого, лишь бы не было войны, а было чем под выпить закусить. И он простил родителей. А, заодно и большевиков, потому что ему стало ясно, что главными большевиками были не Ленин, не Сталин, а сам народ-богоносец, воспетый и вознесенный прекраснодушными поповцами Флоренскими да Бердяевыми. Народ, на века вросший душой и телом в первобытнообщинное позавчера цивилизованного мира.

- Социалистическая революция! Антисоциалистическая революция! Какая разница? – Горестно усмехнулся умница Розанов. – Все революции делаются мошенниками! Испытано не собственной шкуре.

- Мда, - вздохнул лежащий, - нам подавай «весь капитал сразу»! Нас не устраивает «медленно, улитка, ползи по склону Фудзи»...

После этого прозрения его уже ничто не отвлекало от работы. Но скольких друзей он тогда потерял, друзей отвернувшихся от него как от закоренелого сталиниста!

- Ладно, - подумалось ему тогда, - мне просто повезло, что я в этом вовремя разобрался. Но ведь не всякому везет...

И он рысью понесся сыну на выручку, торопясь нажать на одному ему ведомые пружины.

Короче, компромисс был достигнут, ограничились малой кровью. Сын лишился семьи и работы, но не свободы. Он сам – госфинансирования своей темы. Узнав об этом, его коллеги по лаборатории, в особенности подчиненные, чуть не на коленях умоляли его отказаться от сына, хотя бы формально, ради науки, ради общего дела. Скольких друзей он тогда потерял, друзей, которые обвинили его в том, что личное он ставит выше общественного...

Он потерял друзей, а главное-то, надежду на открытие. Зато жена приобрела стойкую гипертонию на фоне развивающегося диабета. И жить бы ему до конца дней с клеймом ЧСИР (член семьи изменника родины), да настали

иные времена.

ССахарова возвели в святые, а солдаты невидимого фронта, включая полковников и даже генералов, поротно и побатальонно присягали на верность бывшему потенциальному противнику. И госфинансирование отменили. Причем для всех, невзирая на важность темы и былые заслуги.

По стране засновали разные Соросы, предлагая плевые, но такие соблазнительные в бескормизу гранты за продажу не востребуемых Родиной идей. Он с брезгливостью отверг все подобные предложения. /р>

Для поддержки штанов коллеги стали сбиваться в стаи под названием НПО (научно-производственные объединения), в которых по заказам новых русских разрабатывали, то «сжигатели жиров», то «усилители ай-кью», то «пилюли счастья». Когда, положив глаз уже на его лабораторию, коллеги обратились к нему с предложением наладить изготовление, так называемых, «кремлевских таблеток» и даже возглавить производство, Он с треском выставил их, пригрозив пожаловаться в ФСБ.

На следующий день ФСБ явилось само, но не найдя ничего крамольного, видимо, на всякий случай вывезло из лаборатории, что поновее, в том числе и компьютеры. И пришлось ему довольствоваться антикварным арифмометром «Феликс», да верной логарифмической линейкой. Но это было не самое страшное, скольких друзей он тогда потерял!..

А чтобы хоть как-то прокормить семью, Он продал за смешные деньги свою «Волгу» и стал ходить на работу пешком, экономя на грабительски подорожавших общественном транспорте и общепитовских обедах. Но это-то было не так уж и плохо, исчезло наметившееся было брюшко...

Невилл Чемберлен, уединившись с Самсоном в укромном уголке, размахивал пенсне у него перед носом:

- Решайтесь, коллега, наша оппозиционная группа формируется и растет...

- Кто такие?

- Пока я, ну, и, надеюсь, вы. Вы не имеете права отмалчиваться. Герой вы или не герой? Вы же видите, что нам подсовывают клинический случай. Кандидат попросту не-вме-ня-ем! Ни капли дипломатии.

- Хрен с ней, с дипломатией! – Отдувался Самсон, поигрывая двухпудовой гирей. – Хуже-то, что он дистрофик!

- Вот это замечательно! Так мы можем рассчитывать на ваше выступление? – Чемберлен достал из-под мышки папку и залистал ее, - Сейчас подумаем, под каким номером вставить вас в список...

- Эх, - задумался богатырь, - помнится, пока я не встретил Далилу...

Но тут из-за какого-то, тысяча с чем-то, поворота послышался женский голос:

- Самсон! Самсончик! Самсонушка!

И в закуток, в котором хоронились заговорщики, впорхнула Далила. Ее некогда прекрасные восточные глаза были несколько подпорчены дряблыми веками, покрытыми «гусиными лапками». Веки да плохо покрашенные басмой седые пряди указывали на то, что она пережила Самсона не на одно десятилетие, и имела гораздо больший жизненный опыт.

- Не слушай ничьи посулы, Самсонушка! Мало тебя филистимляне уделали, так ты на Шефов гнев нарываешься! Не дело – отрываться от большинства.

Самсон в сердцах плюнул, и, взвалив на плечо, гирю, припустился по коридору. Далила направилась, было, за ним, но была остановлена Чемберленом.

- Стоп, любезная! По какому праву вы распоряжаетесь чужой душой? С вашей стороны это безнравственно! У меня есть сведения, полученные из конфиденциальных Библейских источников, что именно вы виновны в гибели Самсона.

Чемберлен достал из папки, какую-то бумажку и зачел нужное место:

– Вот... «а так же выпытала у Самсона, что сила его кроется в длинных волосах. И когда богатырь уснул, устав от любовных утех, она остригла ему волосы и передала в руки фимистимлян». Так?

- Так, да не так! Вы ж, вон, душа, видать, образованная. Пенсне носите. Так сами посудите, какая в простой опосне может быть сила? Брехня это. Сам он эту брехню и выдумал, чтоб позор от себя отвести. Нажрался, как свинья, буйнить стал. А филистимлянская полиция и взяла его тепленьким, да в участке и постригли наголо.

- Но поили-то его вы?

- Не отопрусь. Только профессия у меня такая. Шинкарка я, шинком живу. Однако силком пить я никого не заставляю. А он тогда зашибал очень. Только и его понять можно. Я, говорит, в дальних гарнизонах Родину защищаю, а она мне жалованье зажимает.

А вскорости сын, измаявшись собственной ненужностью старой Родине, с помощью своей американки мотанул через океан. Там он благополучно осел в Кремниевой долине и принялся прилежно трудиться на благо и во славу новой Родины. А в Юэсэй, если ты не долбоёб, тебе достойно платят. И вскоре мальчик обзавелся всем необходимым для цивилизованной жизни, включая личный самолет марки «Сесна».

Но возможно, что эта-то сытая, но теперь уже чужая заокеанская жизнь сына и убила жену. Ведь тогда, еще по совковым меркам, казалось, что уехать за границу, все равно, что улететь в другую галактику – без надежды вновь увидеться. И, как сын не уверял, что в любой момент может примчаться, жена не верила. Он и в правду примчался, но смерть оказалась проворнее...

Сын хотел забрать с собой отца. Убеждал, что с его-то мозгами...

Но Он отказался. Он остался в родном НИИ, где продолжал тихо колупаться в полуразграбленной лаборатории почти в полном одиночестве и на чистом энтузиазме. Родина – есть родина! Пусть и смахивает все больше на погост.

Экзаменаторы, исчерпавшие за месяц изрядный запас вопросов и истомленные непонятным для них ожиданием, косились на Шефа, а тот хоть и поглядывал на хронометр, но почему-то не прекращал испытание.

- И чего тянет? – Пожимал плечами Малюта Скуратов.

- Может, ждет, пока испытуемый изменит взгляды на устройство мира? - Пожал плечами Гегель. – Только, ему это будет сделать затруднительно, если он не читал мои труды. Ведь так ни разу меня и не процитировал.

- Ты-то сам их читал?

- От корки до корки? Конечно, нет.

- Что так?

- Что я сумасшедший?

– И чего ждать! – В сердцах крикнул Малюта, - Почувяв смерть, и собака побежит в церковь. Подайте мне его сюда – будет думать, что положено. Здесь и не таких зубров обламывали. Сам Феликс Дзержинский, помню, на коленках ползал, умолял простить ему грех неверия.

- А вы-то чем лучше Дзержинского? – Спросил Жорж Дантон./p>

- Конечно, лучше! Я злодействовал с ВЕРОЙ! И свой срок уже отмотал...

Один только Мафусаил невозмутимо плел из своей длиннющей бороды аккуратные дреды. Он покинул земной мир еще в день всемирного потопа и за прошедшие тысячелетия наловчился манипулировать бородой, не прибегая к помощи зеркала. Мафусаил то заплетал дреды, то расплетал их, а потом снова заплетал, но в другом порядке. Он делал это всегда и всюду, даже во время дремотных совещаний Геронтологического отдела, которым заведовал. Земная жизнь стала не интересна ему еще при жизни. За долгие 969 прожитых лет он все про нее изучил.

- Не пойму, - шамкал Мафусаил, - бытие! Небытие! Что их это так заботит? На черта им бытие? Каждое утро с ложа вставай – каждый вечер укладывайся на ночлег. Суета. А смена поколений? Не успел пожить в свое удовольствие – в 25 пошли сопливые дети. В 50 – сопливые внуки. В 75 – сопливые правнуки. А в 100 лет... Словом, сплошные сопли. Ну, и кому нужна эта жизнь? Я за небытие. Никаких забот и, главное-то, ни за что не отвечаешь, на все есть Шеф.

- Не скажите, почтеннейший. В бытии тоже был некий шарм, – возразил Питер Брейгель из отдела Эстетики мироустройства, - я бы сейчас не отказался тяпнуть кружечку холодненького пивка!

Постукивание крови в височной артерии сделалось похожим на тиканье хронометра, отмеряющего оставшиеся мгновения, и неожиданно для себя Он ужаснулся собственному одиночеству, которое прежде так ценил.

- Академику Павлову было хорошо умирать. У него сохранился дар речи, и он мог сообщать ассистентам, что чувствует. А тут придется самому быть и исполнителем и единственным зрителем. Правда, можно, умирая, не стесняться и орать, захлебываясь страхом: «Мама!». А можно: «Жена!» Все равно никто не услышит. Вот только перед собой будет неловко... Уж, лучше придумать какой-нибудь прощальный афоризм, типа: «А все-таки она вертится!». Нет, не годится, Галилей был слабак. У Франсуа Вийона накануне повешенья вышло остроумнее: «И сколько весит этот зад, узнает завтра шея...»

Жорж Дантон потрогал незаживающей рубец на перерубленной шее, не скрываемый даже высоким воротником «апаш».

- Шеф, мне знакомо это состояние, когда даже гильотина начинает острословить...

- И что это значит?

- Это значит, что он устал цепляться за жизнь. Может довольно его потрошить, а Шеф? Не понимаю, почему африканцы целый месяц прут без очереди? Чем белый человек хуже?

- Сколько вас учить, что главный критерий спелости плода, это когда яблоко само падает вам на голову.

Поинтересуйтесь у Ньютона.

До сих пор он был рад (а может, убедил себя в этом), что жены рядом нет, что она не страдает бессонными ночами

у его постели и не убивается от бессилия хоть чем-то ему помочь, но сейчас ему вдруг нестерпимо захотелось почувствовать ее руку поверх своей...

- Безумец, - отогнал он крамольное желание, - смерть – это не коллективный культпоход в театр. Хотя можно понять поклонников господина Моуди. Конечно его «Жизнь после жизни» - не более, чем сказка. Но кто же откажется от надежды увидеть ушедших любимых хотя бы и после жизни.

Он женился, когда ему было уже за тридцать, и все считали его закоренелым холостяком и верным другом. А Он увел жену у товарища, причем с ребенком. Поселил в своей кооперативной двушке и сделал своей семьей. А товарищ вскорости спился и умер.

И как Он ни сожалел о его смерти, не брал эту смерть на собственный счет. Он твердо знал, что, во-первых, закон любви превышает всех прочих законов Мироздания и, тем паче, житейских правил. А, во-вторых, товарищ умер вовсе не от потерянной любви, а потому что однажды позволил поселиться в душе Хаосу. Хаос его, в конце концов, и доконал, разрушив изнутри. И если бы он вовремя не выдернул его жену с ребенком, они были бы погребены под его обломками. Но не все понимают, что после того, не значит вследствие того, скольких друзей он тогда лишился!

- Эх, - подумал Он, - уж, на что железный мужик был Сократ! Но и он признавался: «Если, правда, что там находятся все умершие мудрые и святые люди, то я желал бы умереть не раз, а сто раз, только бы попасть в это место».

- Плод созрел, - объявил Шеф и щелкнул крышкой хронометра.

Когда наступила тишина, Он понял, что кровоток в артериях прекратился.

- Ну, что же, попробуем опровергнуть господина Моуди? Жаль только, аплодисментов не будет...

Он вдруг снова почувствовал исследовательский азарт.

- Ну, где же ваш тоннель! Если таковой, конечно, имеет место быть...

Он так и не успел придумать прощальный афоризм, а вместо него в живом еще мозгу всплыли строчки Маршака:

«Любите жизнь, покуда живы,

Меж ней и смертью только миг.

А там не будет ни крапивы,

Ни звезд, ни пепельниц, ни книг».

&

Джей-Кей сокрушенно покачал головой.

- Вот уж не ожидал от вас, Шеф, подобной жестокости. Мне-то вы презентовали смерть всего лишь после трехчовых страданий на кресте.

- Ты ж не для себя страдал, а для народа. А народу и трехчасового спектакля довольно. Дальше он просто заскучает. Потом ты же не был атеистом.

- Не приведи Господи!

- Вот. Значит, ты шел на смерть с надеждой. С надеждой на меня. А тут человек всю жизнь надеялся только на себя. Случай редкий. Пришлось ждать.

Никакого тоннеля, как он и предполагал, не оказалось.

Когда зрение восстановилось, Он обнаружил группу в белых одеяниях, которую возглавлял почтенный бородач, опирающийся на трость. Это был Асклепий, зав приемным отделением.

Новоприбывший растерянно огляделся. Потом растерянность сменилась изумлением. Изумление – работой мысли. Наконец, окончательно решив, что перед ним забугорные медицинские светила, выписанные и оплаченные его сыном, и что стоит на собственных ногах, Он просиял:

- Неужели, я здоров? Спасибо, ребята. И вы здравствуйте! /р>

Из-за спины Асклепия выступили его дочери Гигиия и Панацея и строго предупредили:

- Здесь принято приветствовать друг друга по-иному: не «здравствуй», а «покойся с миром»! Покойся с миром, новоприбывший...

Сияние на его лице сменилось работой мысли. Работа мысли – изумлением. Только растерянности так и не появилась. Когда трость Асклепия, ставшая змеей, принялась с шипением извиваться, Он язвительно поинтересовался:

- Так вы утверждаете, что я умер?

Встречающие согласно закивали, а новоприбывший с облегчением хлопнул себя по лбу.

- Понял: вы – фантомы моего гаснущего сознания!

И новоприбывший с интересом принялся разглядывать толпу. Его не смущало, что сознание угасает так долго. Он был знаком с относительностью времени и допускал, что секунда у умирающего может быть весомее года у живого. Наконец, он выбрал в топе какую-то фигуру.

- Вот ты, например, кто такой? – ткнул он в фигуру пальцем.

- Марк Аврелий, император Рима, – поклонилась фигура.

- Как же, читал: философ на троне, спал на голых досках, умер от чумы.

Фигура еще раз вежливо поклонилась.

- Только в нашем мире принято обращаться друг к другу на вы, тем более, что перед вами император. Пусть и бывший.

- Какой ты император? Ты – фантом. Так что невелика честь.

Потом новоприбывший обратился к другим фигурам.

- А вы кто?

Встречающие стали представляться:

- Сенека.

- Конфуций.

- Гаутама Будда.

- Данте Алигьери.

- Мигель де Сервантес.

- Авиценна.

- Вильям Шекспир.

А одна фигура с мучительно знакомой бородкой улыбнулась и почему-то хитро подмигнула.

- Розанов. Василий Васильевич.

Опешив от такого изобилия знакомых и великих имен, новоприбывший всплеснул руками и воскликнул:

..- Дурак, кто считает, что культура происходит от слова культ. Это культ – от слова культура. Чему поклоняемся, то и мерещится. А уж, что мерещится, тому и поклоняемся. Да, а где же этот ваш, так называемый, Вечный свет?

Толпа расступилась и пропустила вперед Шефа.

- А это кто? – Удивился новоприбывший.

Джей-Кей, стоя, как всегда, ошуюю, принялся перечислять титулы Шефа:

- Тот, кого вы назвали Вечным светом. А так же Единосушный, Предвечный, Вседержитель, и прочее. А еще Абсолют и Демидург всего, что тебя окружает. Короче говоря, Бог!</p></div>
<div data-bbox="58 565 507 582" data-label="Text"><p>Новоприбывший встретил это известие раскатами хохота.</p></div>
<div data-bbox="58 582 859 599" data-label="Text"><p>- Вот этот? Вот уж не ожидал, что фантомы обладают чувством юмора. Запомните, господа, Бога нет!</p></div>
<div data-bbox="33 599 905 632" data-label="Text"><p>И не успели встречающие образовать немую сцену, как в финале Гоголевского «Ревизора», как из их рядов показалась...</p></div>
<div data-bbox="58 632 786 649" data-label="Text"><p>- Нет, не может быть! - Подумал новоприбывший. – Это только фантом. Сейчас она исчезнет.</p></div>
<div data-bbox="58 649 318 666" data-label="Text"><p>Но фигура и не думала исчезать.</p></div>
<div data-bbox="58 666 888 683" data-label="Text"><p>Шеф и Джей-Кей в сторонке обменивались впечатлениями. Шеф крутил головой, не скрывая восхищения.</p></div>
<div data-bbox="58 683 856 700" data-label="Text"><p>- Ну, как вам невменяемый? Уникальный случай, у этой души стопроцентный иммунитет против Хаоса!</p></div>
<div data-bbox="58 700 472 717" data-label="Text"><p>Зато Джей-Кей, казался обиженным за своего Шефа.</p></div>
<div data-bbox="58 717 624 733" data-label="Text"><p>- И все-таки, Шеф, почему вы не покажетесь ему во всем своем блеске?</p></div>
<div data-bbox="33 733 947 767" data-label="Text"><p>- Ну, во-первых, с непривычки еще ослепнет. А потом, это как-то нескромно... Ничего, пообвыкнет и со временем разберется, «кто есть ху».</p></div>
<div data-bbox="58 767 807 784" data-label="Text"><p>Новоприбывший молча стоял лицом к лицу с женой и все не решался вымолвить хотя бы слово.</p></div>
<div data-bbox="58 784 515 801" data-label="Text"><p>Музыкант Орфей с умилением поглядел на них и одобрил:</p></div>
<div data-bbox="58 801 307 818" data-label="Text"><p>- Совсем, как мы с Эвридикой!..</p></div>
<div data-bbox="58 817 217 835" data-label="Text"><p>А Самсон возразил:</p></div>
<div data-bbox="58 834 348 852" data-label="Text"><p>- Больше похоже на нас с Далилой...</p></div>
<div data-bbox="33 851 954 886" data-label="Text"><p>Тут Бетховен ударил по клавишам рояля, и встречающие хором грянули «Оду к радости» из 9-й симфонии самого Людвиг Ван на стихи Шиллера, но, специально для новоприбывшего, в русском переводе Федора Тютчева:</p></div>
<div data-bbox="58 885 306 903" data-label="Text"><p>- Радость – первенец творенья,</p></div>
<div data-bbox="58 901 249 919" data-label="Text"><p>Дщерь Великого Отца...</p></div>
<div data-bbox="58 918 973 937" data-label="Text"><p>Но не успели хористы приветственно взмахнуть невесть откуда появившимися в их руках пальмовыми листьями, как</p></div>
<div data-bbox="465 963 529 982" data-label="Page-Footer"><p>Стр. 84</p></div>

из-за 1001-го поворота коридора послышался частый скрип хромовых сапог, а потом и вынырнула сутулая фигура «голоса мировой совести», а так же «зеркала русской революции». Лев Толстой потрясал вырванным книжным листком и в такт сапогам надсадно скрипел старческим тенорком:

- Где этот чертов писака? Где этот бумагомаратель?

Умница Розанов, сразу смекнул, о ком речь и ретировался за спины новоприбывшего и его супруги.

- Удушит, – в ужасе забормотал он. - Как пить дать, морально удушит!

Но Толстой, бесцеремонно раздвинул парочку, обхватил обеими руками Василия Васильевича и, нещадно тормоша его, загундосил:

- Писака, вы мой дорогой! Скромный гениальще! Философище-материще! Я-то всю жизнь бился над точной формулировкой. Сколько бумаги извел! Сколько религий перепотрошил! А он, вот, ухитрился в единую строчку вместить всю мудрость человеческую. Гордитесь!

Толстой расправил измятый листок и торжественно зачитал:

- «Смерть есть то, после чего уже ничто не интересно...»

Нелицеприятная **((За Гузля́ ответишь))**

В середине июля в вагоне пригородного поезда, что зеленой гусеницей полз по Николаевской железной дороге, не спасали даже настезь распахнутые окна. Публика, в большинстве своем дачники, привычно соловела, убаюкиваемая мерным покачиванием да настырным ароматом липы, который ухитрялся перебивать даже амбре портянок, исходящее из тесных сапог земского врача, и от которого веки, несмотря на жару, сами собой слипались. В голове губернского инспектора народных учебных заведений и статского советника безвкусно жевалась вялая мыслишка: «Что есть липа? .. Дерево липкое, как обман. Потому обман и называют липой... А ведь это оригинальная филологическая идея!.. Не худо бы опубликовать ее в «Учительской газете».../p>

- Ошибаетесь, милостивый государь – дерево невинно, - прервал его мучительную негу женский голос.

Инспектор народных учебных заведений, а так же статский советник разлепил веки и обнаружил на противоположной скамье, аккурат, визави, дородную матрону с вязанием (небось, вошла на промежуточной станции, пока он предавался морфею). Инспектор поправил накренившееся пенсне и с неудовольствием уставился на матрону.

- Простите покорно, милостивый государь, - улыбнулась между тем дама, - простите, что вмешиваюсь в ваши мысли, но дерево-то здесь, действительно, не причем.

- А что причем? – Нахмурился инспектор, совершенно не удившись, как незнакомая бабенка ухитрилась подслушать его мысли (возможно, в полузабытьи он пробормотал их вслух).

- А что причем? – строго повторил он.

Матрона отложила вязание и потянулась к столику у окошка, за которым пахнущий портянками земский врач с пожелтевшими от йода пальцами, не смотря на жару, усердно резался в штос с собственным сыном, щуплым конопатым мальчонкой лет десяти.

- Разрешите?

Она взяла из колоды верхнюю карту и показала ее инспектору.

- Какая это карта?

- Восьмерка пик, - раздраженно пожал плечами инспектор.

- А теперь? – Женщина проделала с картой едва заметную манипуляцию и снова предъявила ее публике.

- Девятка пик... - удивилась вся компания.

- А теперь? – И женщина проделала ту же манипуляцию.

- Десятка, - разинул щербатый рот мальчонка.

- Вот вам и ответ. Не дерево виновато, а шулеры. Сейчас-то вы шулера легко за руку схватите, потому что нынче в уголках каждой карты для верности циферками ее истинное достоинство пропечатано: 2, 3, 10. Всегда можно такого шулера на чистую воду вывести и канделябром наказать. А в старину до этого еще не додумались. Вот и сообразили мошенники вырезать заранее карточные обозначения, чтобы повысить достоинство собственной карты. Например, придет к шулеру «четверка пик», а он возьмет да прилепит под столом на нее лишнее черное сердечко, которое заранее намазал клеем, получится «пятерка». Вот такие-то липкие наклейки и стали называться «липок».

И женщина вытряхнула на стол из рукава пригоршню и черных пиковых сердечек, и красных червонных, и крестиков, и ромбиков бубен.

- Вот от них пошло русское ругательство – «липа»! А дерево здесь совершенно не причем.

- Круто! – с уважением покачал головой конопатый мальчонка.

А земский врач хохотнул и поинтересовался:

- А вам это откуда известно?

- А это еще Пушкину было известно, Александру Сергеевичу. Да он и сам, поговаривают, иногда баловался. Не зря же состоял на заметке в 3-м отделении как ушлый банкомет.

- Круто! – шмыгнул облупленным от загара носом мальчонка.

- Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын! – загоготал земский врач.

А инспектор неодобрительно покосился на него и строго спросил у матроны:

- С чего вы это взяли? Не хотите ли вы сказать, что допущены к архивам 3-го отделения? А если, даже, и так, зачем копать в деталях приватной жизни великого человека? Он, помнится, был противником публикации своей переписки именно по этой причине.

– Александр Сергеевич мог, ведь, и заблуждаться, - улыбнулась матрона и вернулась к своему вязанию, – а мог и просто стесняться своих слабостей, хорошо известных всей читающей и любящей его России и безо всякой переписки. Но великий человек без слабостей и ошибок – не более, чем бронзовый истукан на Тверской, на фоне которого любят сниматься всем семейством. Но разве истукана любят? Нет, любить можно только живого человека со всеми его пороками и какашками. Да он и сам, бывало, поговаривал: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю».

Инспектор народных учебных заведений, он же статский советник, не смотря на духоту, застегнул скюртук на все пуговицы и, сверкнув енснишками, возвысил голос.

- Не могу с вами согласиться, сударыня, ибо у Великого человека и ошибки Великие. Вот взять хоть Буонапарте. Никто не отрицает, его поход на Москву был ошибкой. Но то была Великая ошибка!

Купе стало заполняться пришлым народом, заслышавшим спор и рассчитывавших за каляканьем скоротать дорогу.

- Но не всегда же он был великим! – Пророкотал артиллерийский штабс-капитан, пристраиваясь на краешек скамьи.

- Если вы имеете в виду детство, то это не в счет, - возразил ему, стоя в проходе, усатый телеграфист, - без паспорта это еще не человек.

- Причем здесь паспорт? – пожала плечами матрона. – Человек и при наличии паспорта может поступать, как несмышлениш. Женятся же беззубые старцы на юных девах, хотя те им не по зубам.

- Но причем здесь Пушкин?! – не унимался статский советник, - его сам Государь в интимном, правда, кругу называл «умнейшим человеком России».

- Причем? – Насмешливо сощурилась матрона и оглядела пассажиров столпившихся в купе. – Раз у вас есть досуг, господа, извольте послушать историю. Впрочем, не историю, а так, казус. Или, как говорится, прикол.

Она еще раз окинула взглядом присутствующих и поинтересовалась:

- Вы любите детские страшилки? – И в ответ на недоуменное молчание произнесла с вызовом, - Лично я их обожаю. Вот, например:

- «Медленно вагоны убегают вдаль,

Их обратно ты уже не жди...

И хотя Каренину немного жаль,

Лучшее конечно впереди!»

Мужчины одобрительно захмыкали и принялись выжидательно переглядываться. Первым решился артиллерийский штабс-капитан.

- «Голые бабы...» - начал, было, он, но матрона предупредила:

- Только без сальностей, господин офицер, не забывайте, что я женщина.

Штабс-капитан смутился.

- Хорошо, голые бабы отменяются! Тогда так:

«На́гие жёны по небу летят –

В баню попал трехдюймовый снаряд...»

- Жуть! – довольно потерла руки матрона, - Кто переплюнет?

- Попробую я, - кашлянул усатый телефонист:

– «Не долго мучалась старушка

Под напряженьем в проводах...

Ее обугленная тушка

Внушала птицам дикий страх!»

- А у меня, господа, просто хит, - похвастался длинноволосый студент:

«Дедушка в поле бомбу нашел,
Дедушка с ней к волостному пришел,
Дедушка бросил бомбу в окно...
Дедушка старый, ему все равно...»

- Bravo! – захопала матрона и обратилась к публике:

- Надеюсь, вы не станете отрицать, господа, что все, что мы услышали, это вполне добротные и крепко сколочены строки. Во всяком случае, на детскую руку не слишком похоже, хоть и любят их декламировать в основном детишки.

Потом она перевела взгляд на инспектора.

- Учитывая, что господин... Простите, не знаю ни вашего имени, ни чина...

- С вашего позволения, инспектор народных учебных заведений, а так же статский советник, - приподнялся инспектор.

- То есть другими словами, педагог! – Усмехнулась матрона, - впрочем, я догадалась. Искренне сожалею, потому что вам придется стенать, и посыпать голову пеплом. Только, умоляю, не вырывайте страницы из учебников литературы, ничто не поможет вашему горю, ибо авторство даже первых известных русских страшилок было вполне профессиональным и даже, если угодно, выдающимся. Как говорят в Одессе, в городе первой ссылки «родоначальника и света» русской поэзии Александра Сергеевича Пушкина: «Вы хотите доказательств? Их есть у меня!»

Однажды «родоначальнику и свету» был презентован томик стихов. Томик был новехонький, только что из-за бугра, и стихи писаны на обожаемом им французском. Да ведь ни каким-нибудь Гречем или, не дай Бог, Булгариним презентован, а собратом по пиитическому цеху «светом» польской поэзии Адамом Мицкевичем! Польский коллега уверял, что это - последний писк европейской литературы. А как русский может не поверить поляку? Поляк – почти что немец, а немец – без пяти минут француз. Книжка называлась «Песни западных славян» и представляла собой, якобы, фольклор сербов, хорватов, боснийцев и прочих Балканских аборигенов. Собрала все это народное богатство и перевела на французский некая никому не известная и потому загадочная мадам Гузла́. В доказательство чего на титульном листе был оттиснут портрет очаровательной романтической особы, драпированной кружевным палантином. Ну, прям, «красавица, спортсменка, комсомолка, отличница» XIX-го века!

«Родоначальник и свет» русской поэзии был в восторге. И не только потому, что сам Мицкевич, знаток славянской поэзии, не уставая, повторял: «Какое утонченное дикарство! Какой первобытный колорит!» И не только от изысканного вкуса собирательницы фольклора. У Пушкина в эту пору как раз был напряг с дензнаками. Подходил срок уплаты очередного, черт знает, какого по счету долга (страсть к картам, страсть к молодой жене, да и, сами знаете, не только к ней), а, поэтическая молодость прошла, как на грех, ничего путного в голову не приходит, и Болдинская осень, предательница, перестала наступать. А тут такой «казус белли» – переводы, получай гонорар! Как говорится, «руки тянутся к перу, перо – к бумаге, мгновенье, и стихи свободно потекут ...»

«Трусоват был Ваня бедный:

Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Чрез кладбище шел домой...»

Это был настоящий креативный кайф! Александр Сергеевич уже, было, свыкся с непоправимым, что каждое путное слово, каждую точную строчку приходится вымалывать у Всевышнего, как милостыню, а тут!.. Как удивительно легко подбираются рифмы: «бедный-бледный», а вот еще хлеще «дети-сети»:

«Прибежали в сени дети,

Второпах зовут отца:

«Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца!..»

Да, это будет посильнее, чем «ламца-дрица и ца-ца»! А вот ва-аще атас!

«Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу...»

Они жабу потом всю искололи,
И ее – ее ж кровью напоили...»

Ну, господа, убедилась, что это типичная детская страшилка? Может и примитивная, потому что народная. Зато ни у кого язык не повернется обвинить поэта в грубости темы и, мягко говоря, незамысловатости формы, это же – гиньоль, фольк, кантри!

А строчки щелкают одна за другой, как костяшки конторских счетов: щелк – двугривенный, щелк – еще

двугривенный, а вот этот консонансик и на полтинник тянет! Словом, «ждите, милые подружки, халтуряет нынче Пушкин!»

Гонорар был получен, успешно прокучен, переводы опубликованы, объявлены бессмертной классикой, а штук десять профессоров нашаршили пространные диссертации о перлах балканской поэзии, с таким вкусом и тщанием собранных несравненной мадам Гузля́.

А «светоч» уже вошел во вкус, стал через друганов искать выход на самую собирательницу, не завалюсь ли, дескать, в вашем заглавнике чего бы то ни было еще, а то руки чешутся попереводить перлы народного творчества. /p>

А через время в дверь – тук-тук – почтальон – «получите-распишитесь!»

- Что за канитель?

- Письмецо заказное с оплатой получателем с вас рупь-двадцать и еще сколь-нибудь от щедрот на починку подметок не напасешься на ваш косогор подымавшись так что пляшите барин!..

- Что еще за письмецо?

- Из Парижа.

- От кого?

- От месье Мериме.

- Какого Мериме?

– Проспера Мериме. Вся культурная Европа им зачитывается. Вы, барин, изволили ли читать «Театр Клары Газуль»? А «Хроники времен Карла IX»? А «Двойную ошибку»? Как глубоко! Истинное наслаждение! Особенно нынче, во времена жалкого упадка французской литературы. А его новеллы! Да вы, барин, хоть «Кармен» вспомните. Недавно в Мариинке премьеру давали. Опера господина Бизе на его сюжетец. Как там цыганка пела: «Меня не любишь, но люблю, так берегись!..» Вот так и в жизни, барин, только и слышишь от начальства и жены «так берегись!», а посему пожалуйста рупь-двадцать!..

И взялся Александр Сергеевич, скрепя сердце, читать письмо. /p>

«Уважаемый месье Пушкин!

До меня дошли слухи, что вы соизволили сделать великолепный перевод сборника «Песни восточных славян», собранных мадам Гузля́. Принужден вас огорчить, потому что никакая это не мадам, а напротив, очень даже месье, и отнюдь не Гузля́, а ваш покорный слуга Проспер Мериме. А псевдоним «Гузля́», который я использовал, это всего лишь ваш родной славянский инструмент гусли на родном мне французском. Впрочем, вы уже и сами догадались. Вас, возможно, сбил с толку еще и портрет мадам Гузля́ на титуле книжки, помещенный мною для убедительности. Так знайте, что он списан с меня, только в женском наряде.

Я думал, во всей Европе найдется не более пяти-семи мудаков, которые поверят в мою мистификацию. Да и то все они будут французами, в том числе мои корректор и издатель. Но с большим удивлением и удовольствием я узнал, что мудак – понятие интернациональное, и почитателей моих в Европе много больше (впрочем, не знаю, можно ли Россию вполне относить к Европе?).

Вам интересно, для чего я прибегаю к мистификации? Извольте. Во-первых, чтобы поприкалываться над увлечением цивилизованной публики всяческой экзотикой и так называемым, посконным народным творчеством, в которое все нынче слепо ударились. Но так как кошелек мой был почти совсем пуст (а это вторая и главная причина мистификации), чтобы самолично отправиться на Балканы для собирания «местного колорита», я лишь поводил карандашиком по карте, а весь «местный колорит» почерпнул из брошюры французского консула в Боснии. В своей брошюре он доказывал (и весьма убедительно), что босняки и прочие славяне – настоящие свиньи, но местами употреблял местные словечки и географические названия, которые я и использовал. Кстати, до сих пор не уверен, всегда ли правильно я ими распорядился.

Примите, месье Пушкин, мои извинения. Не скрою, что я хотя и стыжусь, но вместе с тем горжусь, что и вы попались.

Ваш покорный слуга Проспер Мериме

P.S. Очень рад, милостивый государь, что вам удалось срубить довольно бабла. А кстати, какой там у вас в России сейчас обменный курс рубля на франки?

Ха-ха-ха! Я ни на что не намекаю, но признайте, коллега, что хотя бы частью своего гонорара вы обязаны моим скромным усилиям».

Дочитал Александр Сергеевич письмецо, скомкал его и впал в меланхолию. Как понял, что теперь на всю читающую публику конфузу не оберешься, так и поплохело ему. Стал скрежетать зубами да обдумывать, какую

ответь отписать обманщику. Услыхала этот его зубной скрежет Арина Родионовна, вошла в горницу и говорит ему:

- Что-то ты, Сашенька, лицом побелел, будто Майкл Джексон? Ты бы, свет мой, на бал что ли сходил, потусовался бы, развеялся. Может Натали свою встретишь.

- Да что ей там и делать-то? – Отвечает, - обрюхатил я ее.

- Ну, ты даешь, Александр Сергеевич, это ж уже шестой раз. Замучаешь женку.

- А и в десятый обрюхачу, только бы она по балам не шлялась.

- К Дантесу ревнуешь? Напрасно. Голубой он.

- Разве в Дантесе одно дело? Он однополчанина и сердечного дружка своего Мартынова грозитя привести. А с двумя мне не совладать. Если не застрелят публично, так прирежут в подворотне.

- А ты Мишу Лермонтова на подмогу кликни.

- Зелен еще Миша, в дуэльный возраст не вошел, негоже его подставлять. Случись что со мной, кто пиитический цех возглавит? Нет, это не выход. Лучше «выпьем, няня, где же кружка? Сердцу будет веселей!»

Махнул сердечный кружку венгерского и сел, ответь сочинять. Потом порылся в портмоне и спрашивает няню:

- Сколько нынче франков дают в обменнике за 150 целковых?

- Семьсот пятьдесят, - отвечает няня.

- Отправлю супостату тысячу – пусть подавится!

ИИ снова пишет. Пишет – да рвет в ключья, пишет – да рвет! Никак у него не выходит, чтобы и строго было и вместе с тем достойно. Только на подходящую мысль набрел – является к нему Кондрат Рылеев. Декабристы прислали. Им срочно потребовалось обсудить проект конституции, да не с кем. А как узнали, что Государь император назначил Александра Сергеевича первым умником России, прислали через Рылеева свой проект ему на суд.

Только Пушкин Рылееву отказал:/p>

- Страшно далеки вы, - говорит, - от народа! Народу нужна не конституция, народу нужна проституция. Айда, Кондрат, в публичный дом!

- Не могу, - отказывается Рылеев, - у меня жена имеется. Хорошая!

- Ну, так ежели у тебя в доме есть хороший повар, - возражает Пушкин, - ты, что же, в ресторации не смеешь отобедать?

- А что такое «публичный дом»? – Раздался вдруг голосок конопатого мальчонки.

Инспектор средних учебных заведений чему-то обрадовался и напустил на себя строгий вид.

- Я все думал, где в вашем повествовании скрыты подводные камни? Так вот же они! Полноте, сударыня, говорить подобное при несовершеннолетнем не-пе-да-го-гич-но!

Мужчины поглядели на матрону, а она, насмешливо прищурилась на конопатого.

- А что такое «обрюхатил» ты, видимо, знаешь, раз не спросил?

- Конечно, знаю! – Гордо доложил пацан, - Я прочел батин учебник по гинекологии от корки до корки.

- Как, и картинки видел? – ужаснулся отец.

- А то!

- Я же все такие книги держу от тебя подальше в рабочем кабинете, – взбеленился земский врач, - срамотища!

- А чего «срамотища»? Вы с сестрой милосердия спиртяги тяпнули и на хирургический стол завалились. А я в твоём кабинете дожидайся, пока ты просохнешь, чтоб до дому тебя дотащить.

Земский врач беспомощно умолк и нервно затасовал колоду.

- Вот они, нынешние дети, - вступился за доктора усатый телеграфист, - уже с молодых ногтей знают, откуда берутся дети! Влияние Европы! У нас в России гинекологи нет!

- А я и без всякой гинекологии знал, откуда берутся дети, – огорошил конопатый, – у нас и козы, и овцы, и куры, и утки – все это делают! А не хотите говорить, что такое «публичный дом», сам догадаюсь. Я думаю, что «публичный дом» - это... - тут мальчишка выждал театральную паузу, во время которой все замерли и с любопытством уставились на его облупленный нос.

- «Публичный дом» - это... это что-то вроде публичной библиотеки!

Купе зашлось от хохота, заражая смехом весь вагон.

Штабс-капитан стонал, утирая слезы:

- А ведь малый прав! – Похвалил артиллерист, - Согласитесь, господа, публичный дом это тоже своего рода источник знаний. Каждая новая женщина – непрочитанная книга. И эта книга за умеренную плату любому доступна.

По-моему, именно кто-то из постоянных клиентов публичных, гм,.. заведений сказал: «Любите книгу – источник знаний!»

- Ну, не сказал, так скажет, - согласилась матрона, - возможно, это будет Максим Горький... Впрочем, не важно!

- Совершенно не важно, - поддержал ее пожилой мужчина, с бородой и гривой, как у Карла Маркса, - гораздо важнее услышать, чем все это закончилось, прежде чем я сойду на своей станции.

И женщина продолжила свой рассказ:

- После ухода Рылеева Александр Сергеевич еще с полчаса поскреб перышком, пока не принесла нелегкая Петю Ершова.

- А кто это Петя Ершов? – поинтересовался пацаненок.

- В те времена многие недоумевали, кто это Петя Ершов, и как он накоротке сошелся с самим «родоначальником и светом»? Это потом он стал Петр Павлович Ершов, известный литератор, автор «Конька-горбунка». А в то время – голопузый студентшко осьмнадцати годов, почти вдвое моложе Пушкина, из какой-то заштатной дыры то ли Берёзова, то ли Тобольска. Учился на юриста ли, на философа ли? Да он хорошенько и сам не ведал. А чтобы копейку на пиво добыть, поигрывал в картишки, хотя и представлялся окружающим истово верующим. Стишки духовные крапал – дрянь-дряню! Вот за ломберным столом они с Александром Сергеевичем и скорешились.

Вот и в тот вечер Петя явился, поиграл колодой и утянул-таки Пушкина невесть куда. А под утро прикатил Александр Сергеевич на бровях и проигравшись в пух и прах. Последние 150 рублей. И кому? Пете Ершову.

АА вскоре и Петя Ершов сделался знаменит. Опубликовал «Конька-горбунка» и в одночасье озвезденел. Хотя потом за всю оставшуюся жизнь ничего путного не написал. Хотя и щелкал усердно перышком, да никто не публиковал. Поговаривали, что и «Конек-горбунок» написан не его графоманской рукой, а рукой гения. А Ершов – это вроде как псевдоним. Та же «Гузла́». Что ж подделаешь, как говаривал «родоначальник и свет»: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать!» Или проиграть.

А ответ французскому супостату Александр Сергеевич так и не написал. Только к полудню продрал глаза, высадил залпом стакан огуречного рассолу и трах кулаком по столу:/p>

- Ни сантимата не вышлю! Но ты, Меримуха, за Гузла́ ответишь!

Пушкин свистнул по-молодецки, потом, притопывая, и прихлопывая, чтобы вытрясти хмель из башки, проорал частушку:

«Я миленку моему
Просперенку Мериму
Подарила два сюжета –
«Риголетто» И «Муму»...

- Что-то я не припомню подобной эпиграммы в полном собрании сочинений, - пробормотал сквозь губу инспектор и статский советник.

- Да где уж! Он и сам на следующий день забыл. Дело-то было с похмелья, а записать не удосужился.

- А вы, почему помните? – С подозрением спросил инспектор.

- А у меня профессия такая, - ответила женщина.

- Какая же у вас профессия? – поинтересовался мужчина, с бородой и гривой, как у Карла Маркса.

- Няня, - ответила женщина, - просто няня.

Бородатый оживился, но не успел открыть рот, как раздался зычный голос проводника, пробирающегося по проходу:

- Следующая станция – «Подсолнечное»! Стоянка 3 минуты! Следующая станция...

А бородатый вдруг подсел к женщине и зашептал ей на ухо:

- Перво-наперво, разрешите представиться, Дмитрий Иванович Менделеев, профессор химии. Дело вот какое. Сначала разрешите поинтересоваться, у кого вы сейчас служите?

- В настоящий момент я ищу место. Достойное место.

- Да, да, это я понял, - заторопился Менделеев. – В Подсолнечном я выхожу. А от него рукой подать до Шахматово, где у меня усадьба. А по соседству, в Тараканове проживает один мальчик. Звать Саша, возраст 5 лет. Так вот этот Саша пишет прелюбопытнейшие стихи. Да вот послушайте:

- Жил-был маленький котёнок,
И совсем ещё ребёнок.

Ну, и, этот, котя милый
Постоянно был унылый
Почему? Никто не знал.

Котя это не сказал.

- Очень недурно, - похвалила женщина, - тем более для пятилетнего. А как фамилия этого мальчика?/p>

- Блок, - ответил Менделеев, - Саша Блок.

- Александр Блок, - поправила дама, - звучит многообещающе...

Когда они уже подъехали к Шахматову, Менделеев, покосившись на женщину, отчего-то улыбнулся в бороду.

- А ведь я видел вас раньше, сударыня! Лет, этак, сорок назад. В Тобольске. Вас принимал в своем кабинете никто иной, как Петр Павлович Ершов. Он у нас в гимназии учительствовал, так что я его ученик. Вы-то меня, конечно, не узнали, зато я вас узнал, вы за эти годы совершенно не изменились.

Женщина вздохнула.

- Ах, мне вечно недосуг следить за своей внешностью и приводить ее в соответствие с возрастом.

- А почему я больше не видел вас у Петра Павловича?

- Мы с ним не сторговались.

- Ах, да, - нахмурился профессор, - я забыл спросить, что вы обычно просите за свои услуги? Дорого ли берете?

- Как посмотреть, - усмехнулась матрона, - с родителей почти что ничего. Только на бумагу и чернила.

- А что просите с воспитанника?

Дама помедлила, будто решая отвечать или не отвечать. Наконец, она тихо, но твердо, почти по складам, выговорила:

- Его будущее бессмертие.

Пролетка подкатила к усадьбе. На крыльце обнимал перила худенький мальчик. Дама поманила его пальцем, испытующе поглядела в глаза и поцеловала в лоб.

Из донесения Шефу 7-го уровня: «Эмиссар с оперативной кличкой «Няня» наконец-то приступил к выполнению своих обязанностей...»

Критика. Размышления

Конференция "Человек Будущего": Проекты, идеи, решения и предложения по переустройству общества: <http://conf.genmir.ru/konk> , conf@genmir.ru

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ТЕНЬ ЧИЧИКОВА НАД УОЛЛ-СТРИТ

*Финансовый кризис как отражение текущего
литературного процесса*

1.

Те, кто знакомы с творчеством Николая Васильевича Гоголя, не могут не смотреть на происходящие вокруг них события сквозь призму созданных им художественных образов. Вот и при мысли об истоках разгуливающего ныне по планете финансового кризиса почему-то первым делом вспоминается любезнейший Павел Иванович Чичиков с его виртуозной аферой по скупке и использованию в качестве банковского залога давно уже умерших крепостных крестьян.

Представим себе на минуту, что затеянная им хитроумная операция благополучно удалась: «мёртвые души», обозначенные в совершённых им купчих крепостях как живые, в достаточном количестве закуплены и заложены в банк, деньги под их залог получены и израсходованы на «жизнь во всех удовольствиях, со всякими недостатками», которую составляют «экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды», а также на реализацию планов по продолжению рода, в которых значились «резвунчик-мальчишка и красавица дочка, даже два мальчугана, даже две-три девочки», — и тут вдруг банк требует погашения кредита, грозя нашему герою конфискацией внесённых в качестве залога крестьян. Но мы-то ведь помним, **что это** были за крестьяне, все эти Степан Пробка, Пётр Неуважай-Корыто, Григорий Доезжай-не-доедеш, Антон Волокита и даже хитро вписанная Собакевичем под видом мужика Елизавета Воробей — это ведь «просто прах», как говорит о них во время торга с помещицей Коробочкой сам Чичиков!

Поэтому уместен вопрос: что же смогут получить за реализацию этого «товара» доверчиво кредитовавшие

Павла Ивановича банкиры?.. Да ничего! Дырку от бублика и от дохлого осла уши, как говорил, рыская по стране в погоне за таящими в себе бриллианты стульями, близкий Чичикову по духу персонаж другого произведения. Ничего они не получают, потому что обозначенных в купчих крепостях крестьян уже давно не существует на свете. Если... если только, добавим мы, они не *перезаложат чичиковские бумаги в каком-нибудь другом банке или не передадут их в качестве расчёта по долгам какой-нибудь финансовой компании.*

Таким образом, уже изначально не имеющие никакой реальной ценности документы, будучи подкреплены авторитетом обладающего ими банка, переключаются в бронированные сейфы другого финансового учреждения, уже самим фактом использования себя в качестве своеобразной межбанковской валюты накручивая на свою виртуальную стоимостную основу дополнительные проценты и переходя вследствие этой операции в категорию так называемых *деривативов* — т.е. получившей необычайно широкое распространение в последних годах XX века разновидности финансовых документов, *залоговая цена которых значительно превосходит их собственную стоимость.*

Вот какие стороны современной ему экономической жизни (помимо тех идейных и художественно-эстетических вопросов, которые широко рассмотрены многочисленными литературоведами и исследователями гоголевского творчества) поднимал своей комедией автор «Мёртвых душ», скорее всего, даже и не подозревая, что он говорит об одной из самых актуальных проблем не столько *своего*, сколько — *нашего* времени.

Могла ли ощутить себя в состоянии кризиса литература, которая ставила настолько актуальные для жизни общества вопросы, что они иной раз опережали его политическое и экономическое развитие сразу на несколько лет, а то и целых десятилетий вперёд? А именно так ведь произошло с романом Ф.М. Достоевского «Бесы», который не просто предупреждал о губительности социалистической революции, но предсказал даже точное количество жертв грядущего переворота, или пьесой А.П. Чехова «Вишневый сад», символика которой показывала, что капитализму чужда сентиментальность и, если он придёт в Россию, то от цветущих вишен в ней не останется и следа, а на месте вчерашних садов будут выстроены (ну только что не красно-кирпичные!) дачи. Даже не умея иной раз отыскать единственно верных ответов на подбрасываемые эпохой проблемы, эти книги уже самим только фактом постановки острейших нравственных вопросов будили общественное сознание, обеспечивая себе тем самым постоянно растущий читательский интерес («проценты по вкладам») и многократно увеличивая реальную ценность общелитературного капитала.

Если мы внимательно (и, главное — непредвзято) посмотрим на историю отечественной литературы XX века, то мы не сможем не увидеть того, что в течение очень долгого времени она была одним из самых востребованных «товаров» в России (вспомним-ка переполненные залы Политехнического музея и Лужников во время знаменитых вечеров поэзии конца 1960 — начала 1970-х годов или же буквально захлестнувший страну книжный «бум» 1980-х!), — по крайней мере, так было до той самой поры, пока нашу литературу не начали безмерно наводнять и разжигать собой произведения писателей западной ориентации, а также всевозможных доморощенных авангардистов, концептуалистов, метаметафористов и, особенно, постмодернистов. Беспощадно расправившись с ненавистным им методом социалистического реализма и объявив поминки по исповедовавшей его советской литературе, многие из писателей перестроечной и наступившей вслед за нею поры принялись изо всех сил дискредитировать и осмеивать литературное наследие советской эпохи и классиков предшествующих веков, *обесценивая* с помощью тотальной иронии и развенчания высоких идеалов тот духовно-нравственный капитал, который был наработан великой русской литературой за предыдущие столетия.

При всех психологических и художественно-эстетических недостатках, при всех перегибах идеологического, социального, философского и классового характера, а также других возможных изъянах великой русской литературы, её главной ценностью с самой начальной поры и вплоть до конца 80-х годов XX века было то, что она не просто повествовала о реальных или вымышленных писателями событиях, но всегда давала проекцию этих событий на некую высочайшую нравственную матрицу в виде оставленных для нас в Евангелии Божиих заповедей, монолога Павки Корчагина («Жизнь нужно прожить так, чтоб не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...») или морального кодекса строителя коммунизма. Проходя вместе с автором и его героями через череду описываемых в сюжете событий, читатель русских книг выходил из них хотя бы на одну нравственную ступеньку выше по сравнению с тем, каким он входил в мир этих произведений на их первой странице. Не сбрасывая со счетов задачу увлечь читателя и доставить ему чисто эстетическое удовольствие, книги русских писателей предшествующих эпох, независимо от того, были они написаны в жанре реализма, романтизма или даже чистой фантастики, несли в себе такую

художественную правду, которая не только не противоречила эволюционному, историческому, национальному и личному опыту, но была убедительно подкреплена ещё и непосредственно самой правдой жизни, что многократно *увеличивало ценность* помещённого в ней текста, делая его жизненно необходимым для читателя.

Во второй половине XX века ситуация начала кардинально меняться. В результате ослабления идеологического поля в литературу начали проникать пустые, ни социально, ни духовно не заряженные и вследствие этого почти не обладающие реальной жизненной ценностью произведения — сначала в жанре юмора и фантастики, а потом и под видом реализма. Одновременно с этим стала всё громче заявлять о себе литература антисоветского характера, типа нашумевшего в своё время исследования Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которая, подобно кроту и шашелю, начала активно подрывать и подтачивать идеологическую крепь литературы соцреализма и самой социалистической системы.

В 1980-е годы свои усилия к расшатыванию всё ещё сохраняющей авторитет и стабильность идейно-культурной системы СССР добавили представители модернистских течений, вбросившие в литературу, точно массу фальшивых банкнот, кучу литературных пустышек, вроде стихотворений метаметафористов, концептуалистов и других бунтарей против устоявшихся литературных форм и традиций.

Вот только *какую* реальную эстетическую или философскую ценность могли представлять собой формотворческие опыты наподобие стихотворения Владимира Друка «Автобурет», опубликованного весной 1987 года в тогдашнем флагмане молодой литературы СССР — журнале «Юность»? Словно и не подозревая о том, что до него в русской литературе были Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Мандельштам, Твардовский, Рубцов, Соколов и сотни других поэтов, рвавших себе душу поисками не только максимальной художественной выразительности и запоминающейся образности, но ещё и высшей поэтической и человеческой правды, представитель заявляющей о себе новой поэтической формации писал в своём стихотворении: «Я подвинул табурет. / Передвинул табурет. / Пододвинул табурет. / И задвинул табурет. // Табурет мой, табурет, / табуретный табурет! // Справа-слева табурет. / Сверху-снизу табурет. / Позади нас — табурет. / Впереди нас — табурет. // Табурет мой, табурет, / табуретный табурет! // <...> // Здравствуй, мама, в этой жизни / я устроен хорошо. / У меня четыре ножки / и большая голова».

Именно такие, с позволения сказать, «стихи» начали с этого времени активно возноситься на щит и вытеснять собой с журнальных страниц нашу традиционную — актуальную, содержательную и ничуть, кстати, не чуравшуюся эстетических поисков — поэзию. В довольно короткие сроки великая ещё вчера и обладающая высочайшей художественной и нравственной ценностью русская литература оказалась сплошь наводнена постмодернистскими «пустышками», «куклами» и «мыльными пузырями», не содержащими в себе ничего, кроме необоснованной иронии в адрес того, что составляло идейно-нравственную, философскую, социальную и психологическую основу отечественной классики и произведений советских авторов. Писатели практически перестали говорить об актуальных проблемах и поднимать темы, имеющие реальную ценность для читателя. Как бы бесконечно *занимая* и *перезанимая* у своих предшественников, они транжирили золотой запас русской литературы, обхихивая и оплёвывая его нравственные заветы и бесконечно понижая тем самым его истинную стоимость. Стремясь к максимально быстрому получению славы, премий и гонораров, представители постперестроечной литературы начали чуть ли не наперегонки печатать сочинения, единственной ценностью которых было демонстративное развенчание принципов соцреализма и «сбрасывание с парохода современности» произведений, написанных с использованием этого творческого метода. При этом никаких других реальных ценностей на место свергаемого соцреализма так никем за все эти годы предложено и не было, из-за чего российская литература последнего двадцатилетия оказалась похожей на огромный красивый фантик, свёрнутый в форме заманчивой конфеты, внутри которого не содержалось ничего, кроме *пустоты*.

Одной из главных причин этой метаморфозы стало стремление пришедших в литературу авторов как можно быстрее достичь известности и высоких гонораров, а также их ориентация на западные образцы творчества, как раз и обеспечивающая эти цели. Чтобы понять, какие недостатки таит в себе ориентация на западную масскультуру, достаточно заглянуть в книгу Джеймса Н. Фрэнча «Как написать гениальный роман — 2», являющуюся инструкцией по достижению литературного успеха для американских романистов. «Внимательно изучайте авторов, обладающих яркой, неповторимой манерой письма, и старайтесь понять, какими средствами они пользовались. Если вы будете заниматься этим изо дня в день, скоро вы освоите полдесятка разных манер письма», — ничтоже сумняшеся, внушает он участникам своего виртуального творческого семинара, забыв о том, что главное в литературе — это вовсе не освоить полдесятка *чужих*

манер и клепать потом по их образцу серийные романы-двойники, а найти всего одну-единственную, но зато *свою* манеру, выработать ни на кого не похожий *собственный* голос. Иначе это не литература, а её имитация. А массовый вброс на культурный рынок страны имитаций и подделок как раз и привёл к обесцениванию писательского слова, сделав неизбежной наступившую ныне девальвацию литературного творчества.

Такая ситуация, к сожалению, продолжает сохраняться в России вплоть до сегодняшней поры, о чём с горечью отмечал в беседе с критиком Русланой Ляшевой писатель Юрий Аракчеев. «В литературе сейчас *сплошная ложь*... Пишут все, кому не лень, но мало тех, кто способен сказать что-то новое и *своё*. А, главное, у них нет искренности; они даже не пытаются разобраться в жизненных хитросплетениях», — сказал он в беседе, получившей красноречивое заглавие «Фикшн или фикция?» («Литературная Россия», № 25/2407 за 26.06.2009 г.) И далее, говоря о феномене Дарьи Донцовой, выпустившей недавно свой очередной — уже сотый! — детективный роман, он замечает: «Такой *шедевр* — не винегрет даже, но гораздо хуже — читательский *наркотик*... Литературный наркотик опаснее химического, потому что отучает людей мыслить. Вред от него двойной: пудрит мозги людям и не даёт хода нормальной литературе. Попса всё заполонила на книжном рынке, она крадёт у людей время и саму жизнь, заполняя её *нелепицами*...»

«Нелепица» — происходит от слова «нелепый», трактуемого словарями как «бесмысленный», «лишённый здравого смысла», то есть — не обладающий никаким реальным наполнением и, стало быть, *пустой* и *ненужный*, совершенно *бесполезный* предмет, имеющий одно только *внешнее*, чисто *назывное* значение. Иными словами — мы опять приходим к выявлению всё тех же *литературных деривативов*, о которых уже говорилось выше. Которые, как отмечает Юрий Аракчеев, заполнили собой весь книжный рынок, вытеснив с него нормальные — то есть имеющие *настоящую ценность* — произведения...

2.

*Возможно, всё это так и осталось бы сугубо внутренним делом самой литературы, если бы она не играла в России той основополагающей роли, суть которой раскрывается в первых строках Евангелия от Иоанна, говорящих нам, что в начале всего находится Слово. Не только ортодоксальный христианин, но и самый закоренелый атеист может оглянуться на два последних десятилетия и сопоставить развитие литературного процесса с тем, что происходило в эти самые годы в российской финансово-экономической системе. А там — не происходило почти ничего, кроме спекуляций банковскими бумагами, бесконечной перепродажи многократно заложенных векселей и долговых обязательств, операций всё с теми же *деривативами*, представляющими собой, по сути, закладные бумаги на взятые под невыполнимые обязательства кредиты. По оценкам международных финансовых экспертов, объёмы денег, которые вращаются сегодня во всём мире в сделках с деривативами вокруг земных товаров, в десятки раз превышают стоимость всех тех товаров, которые в принципе могут быть произведены всей Земной экономикой.*

Проще говоря, когда предмета на самом деле нет, а сделка вокруг этого *не существующего в природе предмета* осуществляется — это и есть *дериватив*, а попросту говоря — *фикция!*

О том же говорит и известный российский олигарх Михаил Прохоров, считающий, что «виртуальный мир деривативов, который исчисляется несколькими сотнями триллионов долларов и в разы превышает реальный денежный рынок, фактически представляет из себя гигантский объём квази-денег, которые долгое время не влияли на ситуацию в мировой экономике. Когда же начались проблемы с ликвидностью, то этот виртуальный мир вдруг стал реальным. Финансовая система, привыкшая к большому объёму квази-денег, начала востребовать их в реальности...»

То есть — все бесконечно брали друг у друга в долг несуществующие суммы, указывали их в своих банковских счетах, подкрепляли с их помощью сделки, а когда вдруг наступило время рассчитываться, оказалось, что ничего-то за душой и многих вчерашних финансовых воротил и не имеется. И что вообще, очень многое в мировой финансовой системе представляет собой всё ту же — будто перекочевавшую в наш мир со страниц постмодернистских книжек — сугубо *виртуальную* реальность.

Как отмечает в статье «Кризис — это хорошо» П.В. Меньшиков (Библиотека Учебного центра «Прагматик»), «сегодняшняя ситуация показала, что у нас в стране нет банковской системы. Около 1000 банков есть, а банковской системы — нет! Увлёкшись суперприбыльной перепродажей друг другу денег, спекулятивными сделками с акциями, а также рискованными играми с населением по «халявным» кредитам, банки напрочь забыли про своё главное назначение — обеспечивать денежной «кровью» реальный сектор экономики.

В результате многие «перезаляли, чтобы переотдать», а когда с Запада подул лёгкий, но

недвусмысленный сквознячок рецессии, моментально между банками возник кризис доверия и коллапс системы».

Как видим, в банковской системе произошло то же самое, что и в литературе, которая двадцать лет выпускала фактически одни лишь красивые обложки, а когда ей сказали: «А ну-ка, перескажи идею хотя бы одного романа, написанного в послеперестроечные годы», — она и онемела. Потому что идеологизированная, асоциальная и аполитичная литература не принесла читателю за эти годы ничего, кроме филологических игр и свободных от жизненной правды развлекательных сюжетов, которые при малейшем прикосновении к ним скальпеля серьёзной мысли тут же рассыпаются на пустые и ничего не значащие слова. Так же, как не подкреплённые реальным капиталом деривативы рассыпаются на дробно звенящие и раскатывающиеся по полу ничего не значащие копейки.

Всё это — не просто образное сходство ситуации в литературе с картиной развития нашей финансовой системы, но гораздо более глубокая переключка между этими ситуациями. Внимательное сопоставление ряда отдалённых, на первый взгляд, друг от друга факторов показывает, что течение процессов в материальном мире очень сильно (буквально *метафизически!*) зависит от того, что происходило несколько ранее за писательскими столами, и, что финансово-экономический кризис — это лишь вершина того айсберга, подводную часть которого составляет кризис искусства, являющийся выражением духовного и идейного банкротства общества, и особенно важную роль в этом процессе играет *кризис литературы*.

Если мы посмотрим на то, что происходит сегодня с банками и биржами, то увидим, что кризис — это вовсе не исчезновение денег или каких-то других материальных ценностей. Это также и не исчезновение рабочей силы или спроса на необходимые товары. Разве сегодня в мире стало меньше валюты, золота и бриллиантов, чем их было до кризиса? Разве куда-то испарилась недвижимость? Вымерла рабочая сила? Или люди перестали сегодня есть, пить и одеваться, из-за чего упал спрос на продукты и одежду?

Ни в коем случае! Денег в банках — несметные триллионы. Недвижимости — целые кварталы. Рабочих рук столько, что можно Землю в горстях переносить. Спрос на товары повседневной необходимости тоже остаётся на прежнем уровне. Так почему же все вокруг продолжают твердить о кризисе?..

Анализ показывает, что кризис — это вовсе не *уменьшение количества денежных знаков* в банковских хранилищах и не *дефицит материальных благ*, а — *неостановимое обесценивание ценностей*, обвал *критериев истинности*. Результат естественного или же кем-то сознательно инициированного процесса вышибания из-под ног человечества твёрдой, устойчивой почвы. Внезапное изменение осей ценностных координат. Кто был никем, становится всем. Что было главным, превращается в никому ненужное. «И вчерашнее солнце на чёрных носилках несут...»

Обесценивание банковских активов, банкротство предприятий и сокращение количества рабочих мест — это уже видимая всем часть этого процесса, та вершина айсберга финансового кризиса, которая вдруг вынырнула из воды и пропорола собой днище экономики, а начало этого процесса надо искать в обесценивании идеологии и культуры, которые сильнее всего были закреплены в литературе. Это она — главная хранительница ценностных критериев, и именно за её поведением надо было следить все предшествующие годы, чтобы избежать наступления кризиса или, по крайней мере, быть готовым к его приходу.

К сожалению, ни в окружении Б.Н. Ельцина, ни рядом с В.В. Путиным, а потом с Д.А. Медведевым не нашлось человека, который бы подсказал им, что литература — это вовсе не замочная скважина для подглядывания за передевающими девками, к которой действительно стыдно припадать жадным оком серьёзным государственным мужам, а литература — это распахнутое окно в наше ещё не наступившее завтра, это экран телевизора, по которому транслируется репортаж из того будущего, которое ещё только готовится наступить. И дело совсем не в том, что некоторым писателям иногда удаётся предсказать в своих произведениях подробности только ещё предстоящих нам впереди событий, как это случилось с вышедшим в 1898 году романом Моргана Робертсона «Тщетность», в котором буквально до мелочей оказалась описана гибель корабля «Титаник», наступившая в реальности лишь через четырнадцать лет после публикации романа — в 1912 году; или как это произошло с уже упоминаемым нами выше романом Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором писатель за сорок пять лет до октября 1917 года не только предупреждал Россию о жестокости возможного социалистического переворота, но даже предрёк ей «сто миллионов голов», которые будут положены на алтарь грядущей революции. В данном случае речь идёт как раз не о точечных совпадениях отдельных литературных сюжетов с теми или иными поворотами и моментами развития мировой или

отечественной истории, а о гораздо более важной способности литературного процесса уже самими проявляющимися в нём тенденциями предсказывать и даже *предопределять* дальнейший ход развития общества, включая характеристику состояния его финансов и экономики.

«Читайте книжки, господа!» — хочется сказать всем нашим политикам, бизнесменам, олигархам и руководителям государства. Не для удовольствия и повышения вашей грамотности, Бог с ней, а для того, чтобы видеть, к какому будущему идёт наше общество и либо ускорить это движение, либо попытаться его притормозить. Ну, неужели же, видя, как книжный рынок страны затапливается мутным валом литературных *фикций*, как на место вчерашних реальных ценностей наносится огромное количество книг-*пустышек*, как вместо бесценной русской классики, несшей в мир глубочайшие нравственно-философские идеи, читателю в течение последних двадцати лет «впаривают» не содержащие ни единой собственной мысли «литературные *деривативы*», и как всё это стремительно *обесценивается* в глазах читателей и *перестаёт быть нужным* обществу, нельзя было спроецировать эти тенденции на развитие финансового рынка и получить абсолютно чёткую картину его завтрашнего дня — то есть той огромной долговой задницы, в которой сегодня оказались наши банки, биржи и фонды?

Кривая развития литературного процесса — это синусоида на экране осциллографа, взлёты и падения которой с фатальной неотвратимостью повторяет через некоторое время динамика состояния финансового рынка страны. На первый взгляд, такие вещи как текущий литературный процесс и состояние финансовой системы государства кажутся почти не пересекающимися, едва-едва связанными между собой и очень мало друг от друга зависящими (по крайней мере, финансовый рынок — от состояния литературного процесса), но на деле их тандем очень напоминает собой такое заболевание как *остеохондроз*. Его симптомы выражаются в том, что человек испытывает острые боли в пояснице или грудной области, порой ему кажется, что в его лёгкое или под лопатку забит острый длинный гвоздь, он начинает пить всевозможные лекарства или втирать в тело целебные мази и гели, а впоследствии оказывается, что надо было всего-то несколько раз согнуться-разогнуться или повисеть несколько минут на турнике, чтобы освободить защемлённый между позвонками нерв, который как раз и посылал в кору головного мозга сигналы боли.

Литература — это и есть нерв общества, и если этот нерв защемлён, боль может давать о себе знать в любой области общественного организма, привнося в него разлад и перебои вплоть до полного отказа работоспособности системы. Но лечить при этом всё равно надо не столько этот разладившийся и получающий ощущения боли орган, сколько *сам ущемлённый нерв*, и если он заработает нормально, то и вся остальная система придёт в порядок. Болезнь как раз и учит нас смотреть в корень проблемы, искать и устранять первоисточник разлада организма, а не мазать больное место зелёнойкой.

Так что есть своя польза и в болезни, не случайно многие сегодня говорят о том, что кризис — это явление *положительное*, так как, благодаря ему, многие будут вынуждены совершить пересмотр давно устаревших методов ведения финансовой системы, а то и вообще целесообразность сохранения существующей на сегодняшний момент цивилизационной модели, и заняться поисками новых принципов ведения экономики. Да и Владимир Иванович Даль в своём словаре живого русского языка трактует понятие «кризис» как «перелом, переворот, решительную пору переходного состоянья».

Из этого следует, что кризис, если и нарушает привычную работу какой-либо системы, создавая этим дискомфорт и вызывая чувство тревоги или даже паники, но зато и открывает перед людьми некие новые возможности, подталкивая их к отказу от дискредитировавших себя жизненных принципов и переходу на новые уровни эволюции.

В замечательной книге «История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только...» (Москва: Альпина нон-фикшн, 2008) известный на весь мир американский теледраматург Роберт Макки, касаясь вопроса о кризисе в искусстве, пишет: «Китайский иероглиф, означающий «кризис», состоит из двух знаков: «*опасность*» и «*возможность*». «Опасность» в том, что принятое в этот миг неправильное ошибочное решение навсегда лишит нас того, к чему мы стремимся; а «возможность» поможет достичь цели при условии правильного выбора...

Кризис, — продолжает он, — это та дилемма, с которой сталкивается главный герой, когда, встречаясь лицом к лицу с наиболее мощными в его жизни и сплочёнными силами антагонизма, он *должен принять решение о том, какое действие предпринять в последней попытке добиться исполнения своего желания.*

Сцена кризиса раскрывает наиболее важную ценность истории... В момент кризиса сила воли главного героя проходит наиболее строгую проверку. Как нам известно из собственного жизненного опыта, принять решение гораздо сложнее, чем совершить действие...»

Говоря о неожиданных *положительных* результатах нынешнего финансового кризиса, журналистка И. Коняева в статье «Как побороть рак в культуре?» (газета «Российский писатель», зарубежный выпуск № 5, 2009) сообщает в главе «Кризис как союзник» о том, что «в Латвии, которую кризис подкосил одной из первых, вдруг обнаружилась невиданная тяга к чтению — за месяц число посетителей библиотек возросло на треть!..

Гламур хорош лишь на сытый желудок, — говорит она. — Когда жизнь прижимает, *фальшь начинает раздражать...*»

Попыткой противостояния этой фальши и своеобразным ответом разразившемуся ныне кризису можно считать недавние саммиты ШОС и БРИК, прошедшие в Екатеринбурге по инициативе Президента РФ Д.А. Медведева, на которых вновь поднимался вопрос о создании новой *надмировой валюты*, способной противостоять доллару. Эта валюта должна явить собой новую *всеобщую ценность* взамен *обесценившегося* и утратившего свою устойчивость доллара и тем самым вернуть международной финансовой системе надёжность и стабильность. «Призывы к более справедливому устройству мировой финансовой системы, которые регулярно звучат из Москвы, Пекина, Бразилии и Дели, теперь, похоже, решено трансформировать в конструктив», — написала об этом событии газета «Время новостей» (№ 104/228 за 17 июня 2009 года).

Возможно, участникам прошедших саммитов и их сторонникам действительно удастся реализовать эту идею, и на какое-то время мировая финансовая система благополучно восстановится. Возможно. Но если мы посмотрим на протекающий ныне литературный процесс в России, то увидим, что там ничего за последнее время не изменилось и никаких серьёзных поворотов к лучшему не намечается. Члены нескольких противоборствующих друг с другом творческих союзов по-прежнему заняты, главным образом, межгрупповыми разборками и борьбой за остатки тающей общеписательской собственности. Проханов, Лимонов, Сорокин, Пелевин, Ким, Бородин, Поляков, Распутин, Зильфикаров, Личутин, Прилепин, Крусанов, Маканин, Галактионова, Донцова, Токарева, Устинова — каждый из сегодняшних авторов создаёт произведения, представляющие художественную ценность исключительно для своего круга критиков и читателей, вследствие чего беспредельно дробится и мельчает ценность литературы *общероссийской*. «Контрольный пакет» её акций растаскивается по рукам тысяч мелких держателей, а вместо глубоких философских истин и широких социальных обобщений читатель получает только бесконечную *игру в литературу*, украшенные скрытыми цитатами и спародированными образами филологические *безделушки*, выпекаемые по новым технологиям, точно безвкусные батоны, романы-*фикции*, всё те же литературные *деривативы*, отражение которых в реальной жизни как раз и привело к разразившемуся ныне кризису. Даже патриотическая литература, оперирующая высокими символами любви к Родине и готовности к жертвенному подвигу во имя народа, почти не воспринимается молодыми российскими читателями, так как апеллирует, главным образом, к нравственно-политическим ценностям *вчерашнего дня*, забытыми ныне, как знаменитый всего четверть века тому назад доперестроечный «червонец».

Самая большая беда современной русской литературы заключается в том, что в ней почти напрочь отсутствуют глубокие общенациональные идеи. Даже постоянно препарирующему своими романами нашу действительность Александру Проханову не удаётся пока ничего, кроме создания галереи гипертрофированно-гротескных портретов нынешних политиков и олигархов, тогда как непосредственно само содержание его романов лишь констатирует угасание патриотической идеи в современной России.

Коротко говоря, текущий литературный процесс в стране «занят производством» абсолютно не соотносящихся друг с другом и не конвертируемых одна в другую литературно-художественных ценностей, имеющих хождение исключительно внутри узкого круга приверженцев конкретного автора и ни в малейшей степени не соединяющихся в общероссийский литературный капитал. По большей части, это серийные издательские проекты, представляющие собой подделки под образцы западной коммерческой литературы (фантастика, мистика, любовно-эротический роман, фэнтэзи, иронический детектив и проч.), которые, в силу своей *заведомой вторичности* и ориентированности исключительно на получение коммерческой выгоды, не несут в себе фактически ни малейшей идейной, художественной или эстетической ценности.

Проекция данного состояния литературы на завтрашний день российской финансово-экономической системы говорит, что, независимо от того, выйдет ли остальной мир из кризиса или не выйдет, экономика России и через пятнадцать-двадцать лет будет представлять собой нечто вроде разношерстного базара периода феодальной раздробленности, с трудом согласующего рыночные проблемы при помощи разнородной валюты. Если, конечно, государство не поймёт, в конце концов, основополагающего значения слова в развитии истории и не займётся обеспечением стабильности литературного процесса в стране. Потому что вряд ли можно прийти к созданию общей *надмирной валюты*, не научившись создавать общие *наднациональные художественные ценности*.

Жизнь — это развёртывание некой компьютерной программы, а всякой программой можно и нужно управлять. Надо только следить за экраном осциллографа (то бишь — за состоянием литературного процесса) и своевременно вносить в него необходимые коррективы. **Кризис — явление управляемое**, и если нам не удалось избежать его сегодня, то это вовсе не потому, что его наступление было неотвратимым, а единственно по той причине, что никто не интересуется метафизикой совершающихся вокруг нас процессов и не видит глубинной связи между духовной жизнью общества и уровнем его финансового благополучия. Хотя такая связь очевидна. Имеются прочные ценности в литературе и в культуре — значит, они имеются и в жизни. А если жизнь общества опирается на надёжные ценности, то и его финансовая система будет характеризоваться высокой стабильностью и устойчивостью. Если же наоборот — то мы и через пятнадцать лет будем иметь то, что имеем сегодня.

А потому, чтобы вернуть стране стабильность и надёжность существования, надо вливать деньги не в лопающиеся, будто волдыри на теле сифилитика, банки, а в литературу — чтобы народ на метафизическом уровне впитывал в себя ценности здоровой жизни и вырабатывал иммунитет против пустоты и фальши. Только это поможет нам не позволить впредь никаким деривативам заполнить собой ни нашу культуру, ни нашу финансовую систему.

Ярослав Шаран

СВОБОДА СЛОВА

поэтический манифест

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Пушкин

I

На площади одного из городов России во времена – трагичнейшие в истории Земли (не столько по количеству жертвоприношений, сколько по своим нравственным последствиям и потенциям) – бедный еврей среднего возраста, остановившись и откинув назад лысеющую голову: "Поэзия – это власть", – сказал своей спутнице. "Я к смерти готов", – добавил он.

Этот город – Воронеж. Год – 1937 от РХ. Она, спутница – Анна Ахматова и... всемирная история. Он – невысокий человек и гениальный поэт с шутовской фамилией Мандельштам. "Поэт! Ты царь", – проговорился за 100 лет до этого другой, «потомок негров безобразный».

Власть, царь... – ??

–"Он мастер? Мастер?"– домогался в телефонной трубке ночной металлический голос...

–"Да, он мастер..."– ответил Пастернак.

Физическая участь Осипа Манделъштама была решена.

Гений тиранства, тёмный визионер и сознательный слуга того, кто искушал Галилеянина в пустыне, знал, *что такое*: Мастер. Что такое: Язык!..

Как, почему забытый людьми человек – пусть виртуозный стихоплёт, но никому уже не интересный и не нужный, кроме шелестящей кучки словесников, заметаемой временем в какой-то крайний запасной угол, – почему опальный, непубликуемый и безнадежный Манделъштам мог **так** волновать безраздельного властелина и стать поперёк пасти, с неисповедимой лёгкостью пережёвывавшей миллионы?

Не только мог, но и стал, но и – победил! Исторический царь оказался слабее поэта.

Когда происходит обратное, нация обречена на духовное, а затем и физическое вырождение.

Сталин – осознавал, Ленин – по наитию, но не первый раз в мире начинали ломать историю народа с ломки языка!

Язык – лицо нации. Лицо – это судьба, то есть смысл жизни. Поэзия – место встречи души языка с душой человека.

Если, ничего не зная об истории народа, провести сравнительный анализ его языка, то можно очень многое сказать и о прошлом-будущем, и о национальном характере, и о миссии этого народа во всемирном потоке.

Как, по каким законам живёт язык – тайна. Как, почему он принимает в свою живую плоть одни чужие слова и отвергает другие – тайна; нам виден только результат. Есть Верховный план, Небесный Вожатый, Дух нации. Мощнейшее из орудий этого Духа – незримый рычаг истории – язык. Не исключено, что язык – живое существо, имеющее волевой центр и обладающее свободой воли.

Избитая русская рифма "любовь-кровь" – характерная, неизгладимая черта нашего исторического лика. Это лишь самый наглядный и поверхностный пример. Чтобы обнаружить связь морфологии языка и "морфологии" национальной судьбы, нужно провести огромную исследовательскую работу: через структуру языка, через сравнительный анализ языков проследить пути племён (языков!), прозревая их Смысл, их Софию.

Историческая Судьба, Язык – категории сверхразумные: что первично, что вторично?– причинно-следственные отношения здесь неприменимы, но история и язык влияют друг на друга. Мы, наверное, ещё очень долго не сможем постичь «механизмов» этого влияния; но мы уже видим, что существует *связь*.

Так, сегодня в наш быт вошло словечко "киллер". Убийца, душегуб – это одно, а "киллер" – профессия: "дилер" почти. Подсознание (музыка) правит поступками. Слово "киллер" – раковая клетка в душе народа.

Русский язык наполовину (если не больше) состоит из заимствованных слов. Это самый молодой, гибкий и всемирноотзывчивый из великих языков человеческой культуры. Я не буду пересказывать речь Достоевского на Пушкинском юбилее: она известна. Основные наития Достоевского о русской душе можно переадресовать русскому языку, его структуре. Пушкин – центральная точка в нашем развитии. Судьба мира в XX и XXI веках решается в России, а значит – и в русском языке, в его поэзии. Это передовая. На войне как на войне.

Язык относится к поэзии так же, как плоть к душе. Душа живет плоть, даёт ей индивидуальность и структуру, связывает живую материю с Высшим планом бытия.

Пусть большинство людей не читает, не понимает и не любит стихов, но люди находятся в поле действия языка, живущего всей полнотой своей свободы там, в столе поэта, – это высшая форма жизни земного языка, его связь с Небесной прародиной, с творящим Духом.

Невозможно народ свернуть (воодушевить) на другой исторический путь, не пленив, не околдовав его язык. Это понимал (или чувствовал) каждый великий тиран.

Ключ к тайне языка в его поэзии. Это осознал Пушкин, проповедовал Мандельштам.

В начале было Слово. Так. Аминь.

Гомера узнала эллинская культура (явленная им в языке) через несколько веков после жизни поэта. Ветхозаветные пророки (зачастую малоизвестные при историческом бытии) предопределили пути человечества, подготовив первое пришествие Христа (в своих поэмах!). Библия написана стихами: именно стихотворная, образно и ритмически организованная речь может вынести такие запредельные нагрузки Смысла.

"Поэзия – это власть". "Поэт, ты царь".

Но... тогда нам надо говорить не только о талантливости или гениальности, не только об умении "гнуть строку" или формальном новаторстве, но и об ответственности поэта перед Историей.

II

Бродский.

Я буду рассматривать только основную линию, главный творческий вектор поэта, как он мне виден *в целом*, намеренно избегая при этом не только каких-либо попыток привести текстологические доказательства моего видения, но вообще любых чисто литературоведческих аргументов и даже цитат. Это эссе посвящено не Бродскому и не является ни оценкой, ни анализом творческого наследия поэта. Но фигура Бродского для судьбы русской поэзии конца XX века знаковая, и замолчать совсем этот «знак» я не имею права: мне важно только *показать, а не доказать*, куда ведёт вектор поэтики Бродского, чтобы пройти мимо, не сворачивая и не углубляясь в это, тупиковое для русского языка направление. Сразу оговорюсь, что есть у Бродского стихи, совершенно свободные от того "духа", о котором пойдёт речь ниже; но я коснусь только *главной тенденции, исторической проекции* данного явления культуры.

Бродский если не гений, то чрезвычайно талантлив. Но и Маркс талантлив. И Ницше.

То, что очарование сталинщины с железной необходимостью вытекает из марксистского материалистического мировоззрения (при всей его экономической правоте и прозорливости!), показано и художественно (Достоевский), и философски (Бердяев), и теперь – исторически: дистанция уже позволяет увидеть и осмыслить событие во всей его полноте.

То, что невинные безумства (пусть гениального!) Ницше (Кириллов в "Бесах") выращивают во времени Бухенвальды, тоже можно считать свершившимся фактом истории.

Формально силлабо-тоническое стихосложение привил нам Ломоносов (с лучших европейских образцов). Принципы допушкинской (додержавинской, доломоносовской) поэтики противоположны пушкинской, но потенции пушкинского языка огромны – это "живая структура", открытая Будущему Синтезу.

А будущее несёт в себе семена как допушкинской (религиозно-коллективной), так и пушкинской (индивидуальной) эстетики. Это та "всемирная отзывчивость" русского языка и (может, как следствие) русского народа – и его, народа, миссия в человечестве, о которой пророчествовали Гоголь и Тютчев, Достоевский и Вл. Соловьёв, Бердяев и Максимилиан Волошин, Блок и Даниил Андреев.

Но отзывчивость, соборность, синтез – на то и синтез, что потенциально несёт в себе всё, как все семена, жанры, "указатели путей" в новой русской литературе нёс в себе Пушкин: всё, так или иначе, за последние два века вытекает из него в нашей культуре.

Интеллектуально-головное плетение словес, самодовлеющее формотворчество – только это не вытекает из Пушкина (более того – губительно для его эстетики).

Даже Хлебников (!) называл Пушкина своим учителем, хотя в Хлебникове "это" уже цвело всюду. Было "это" и в раннем Пастернаке, встречалось у Цветаевой, реже – у Мандельштама. В XIX веке "такой" Майков, в Серебряном – Брюсов. Наиболее мощное, полное и окончательное воплощение в русской поэзии этого "умного духа" – Иосиф Бродский (в прозе – в этом направлении дальше всех зашёл Набоков).

Бродский **в глубинной сути** своего творчества противостоит Пушкину, враждебен пушкинскому языку. (Да он этого особенно и не скрывал.) Я говорю не о сложности или простоте читательского восприятия: Мандельштам куда как сложен и густ! Но Мандельштам прозрачен и (при всём своём "непроистекании" и совершенно обособленном положении в русской поэзии) пушкинского духа по преимуществу.

Бродский – антипушкин.

Что хорошо в духовном плане, то часто либо искажено, окарикатурено в интеллектуальном, либо противоположно в материальном. «Что отдал, то твоё» – формула духовного обогащения. В духе – Пушкин. В материи – Плюшкин. В интеллекте – Бродский.

Бродский о Высоцком: «У него рифмы хорошие»... Мне кажется, что поэту говорить о рифмах неприлично. У Пушкина половина рифм – глагольные. И ничего. Читать можно.

У Пушкина есть плохие стихи. У Бродского – есть хорошие.

Вообще деление на "форму-содержание" в искусстве более чем условно. В природе форма и есть содержание, верней они едины: закат, восход, облака.... Художник стремится к достижению такого же единства (идеала). Достичь не в силах – в этом трагичность человеческой культуры. Огненный смысл остывает, объективируется в «содержание». Содержание застывает в форму. Это полёт Икара. Но лететь надо всё равно...

И нам, к сожалению, не избежать таких натянутых понятий, как "форма" и "содержание"; только будем помнить, что это условность, символ.

В русской культуре приоритет всегда отдавался "содержанию" – Смыслу. ("Русский бунт против античности." Бердяев).

По Пушкину: стихи не должны быть ребусами ума (всегда конечного!). Самый сложный ребус, самая грандиозная загадка умного Сфинкса может быть тем же умом познана, а разгаданная – умирает. В дали Смысла можно всматриваться бесконечно: ум умолкает, дышит Дух.

Глагольные рифмы ("поэзия должна быть глуповата") у Пушкина – это "смирение формы": чтобы видимая "форма" не заслоняла, не замутняла бесконечность Смысла.

На этом интеллектуально-формальном искушении – искушении гордого разума – споткнулась великая западная культура. Это вообще западное искушение. Бродский – западник, индивидуалист. Пушкин – "синтетик": его поэзия уходит корнями в духовную глущь и питается соборной душой народа.

В Бродском – творческая игра исключительно человеческих сил; зачастую – просто эрудиции. В Пушкине – творческое смирение перед Высшим.

Бродский – умён. Пушкин – духовен и мудр. Бродский – **принцип формы** (всегда конечной!). Пушкин – бесконечная прозрачность Смысла.

Читатель Бродского – ученик. Читатель Пушкина – полноправный соавтор, со-творец.

Развитие русской поэзии и падение читательского интереса к стихотворной речи в последние 40 лет только подтверждает то, что в Бродском была сфокусирована сила, способная увести нас в сторону, свернуть надолго с пути, в пушкинском творчестве предначертанного Судьбою.

С 60-х годов поэзия как бы разделилась: на песенную и "интеллектуально-элитарную" (чем дальше, тем больше в читательском сознании современная книжная поэзия начинает ассоциироваться с «интеллектуализмом»). Песня – не совсем поэзия, как и не сочетание музыки и слова, – это отдельный жанр.

Те же тенденции я вижу и в новейшей, "сетевой" поэзии: искренность, пережитое, "душа" формально тяготеет к песне; "интеллектуалы" все как один – а la Бродский. Говорю только о качественной (т.е. действенной) поэзии (не о любительской). Такой порядок вещей я считаю опасным – для жизни!

Кем-то настойчиво и молча внушается якобы единственный выбор: либо песенная поэтика (убиваемая – в свою очередь – снижением массового вкуса циничными рыночными методами), либо «интеллектуально-элитарная» – для «гурманов и эстетов». Остальное забывается «белым шумом» и, кроме как графоманией, уже не может восприниматься читателем.

Путь, указанный Бродским (он знамя, символ, вождь, властью таланта обладающий), – тупиковый для

русской культуры: это – блуждания разума. Внутреннее солнце погасло – стихи стали вести в пустоту, прикрытую прутиками рассудка.

От того, какая эстетика победит (а по Бродскому, эстетика – мать этики): пушкинская, прозрачная, органически вытекающая из самой души народа, или эстетика Бродского, интеллектуально необузданная, привитая им русскому языку, талантливо привитая, но чуждая по духу, – от этого зависит не только будущее литературы нашей: роль поэтического слова в истории трудно переоценить.

III

Наша литература уже прошла две основные фазы из гегелевской триады: «тезис-антитезис-синтез». (Западная – тоже; но у нас не только свои особенности: в последние два столетия русская литература являлась мировой вершиной.)

«**Тезис**»: так называемая древнерусская литература (на самом деле – средневековье). Творчество религиозно-коллективное. Индивидуальный стиль не только не приветствуется, но считается недостатком мастерства. Мастер – тот, кто может вписаться до полной неотличимости в единый стиль творимого коллективного текста. Чёткое осознание строительства «общего храма-слова», где лицо каждого из строителей не имеет особой цены. Отсюда анонимность и такой приём: берутся целые куски из чужих произведений, дописываются и встраиваются в свой текст. Это не только не считается чем-то зазорным, но наоборот – признаком «высокого уровня». Ведущая религиозная идея. Церковь.

«**Антитезис**» (эпохи Ломоносова и Державина можно считать переходными, но силлабо-тоническую прививку сделали нашей поэзии они): русский ренессанс. Пушкин – начало и центр: солнце – «наше всё». Лермонтов – задал вектор. Внутри этой планетной системы – вся русская словесность последних двух веков. Развитие индивидуального творчества. Раскрытие творческого лица художника. Иные стилистические приоритеты и ценности, чем у предшествующего этапа. Церковь окончательно распадается на «церковь» и «культуру». Отсутствие ведущей религиозной идеи. Ослабление чувства «строительства общего храма». После расцвета – вырождение в индивидуализм. Затем тупик – распад на «элитарное» (индивидуализм, интеллектуализм, «принцип формы» и крайности постмодернизма, понятого как игра, а не сотворчество) и «массовое искусство» (продажность, ширпотреб, пошлость). Утрата литературой ведущей и учительной роли в обществе к началу XXI века. Катастрофическое снижение интереса к высшим формам языка, снисходительно-ироническое отношение к слову «поэт». Перевернутая пирамида качества.

«**Синтез**». То, над чем нам предстоит потрудиться... Указатели даны: «Новое средневековье» Бердяев; «Роза Мира» Д. Андреев («сквозящий реализм»).

Сейчас уже десятки тысяч людей могут без труда овладеть несколькими стихотворными размерами, которые ещё в XIX веке были уделом небольшой группы высшего слоя: таких «поэтов» в Сети огромное количество. Период поиска «новых форм» пройден в XX веке – и тоже исчерпал себя.

Остается только перепевать? Но новое вино нельзя лить в старые меха.

Чтобы быть художником в контексте Времени, т.е. делать то, что нужно *теперь*, что требует Сам Язык, необходимо слышать, а не сочинять; для этого:

овладеть всем наследием прошлого – не ознакомиться, а именно овладеть: уметь свободно пользоваться любыми размерами, ритмами, формами, всеми индивидуальными находками предшественников; причём пользоваться как инструментами, не задумываясь и не напрягаясь: *свободно и легко* (своеобразная джазовая импровизация в слове).

«Игра в бисер» по Гессе.

В синтезе рождается Новое.

В этих «джазовых композициях» (о «форме» речь) перетекают друг в друга самые разные «школы» и

«манеры», самые разные «стили». Но каждое произведение (что очень важно!) – это свой ритм, своё индивидуальное лицо. И это «лицо» надо услышать, а не придумать.

Трудно будет (с непривычки) читателю: постоянно перестраиваться и каждое произведение читать по-своему, потому что каждое написано по-своему (нужно быть очень гибким и доверчивым читателем-другом: уметь воспринимать и свободно переходить между самыми разными эстетическими «системами»).

В таком поиске (вслушивании) для каждого нового стихотворения, поэмы, сказки их неповторимого лица – формы, присущей исключительно этому произведению, – я вижу грандиозные перспективы, открывающиеся перед новой русской литературой вообще и поэзией в частности.

Если "тезис" в русской поэзии XVIII-XIX веков – это форма, понятая как симметрия (по аналогии – ближе к "французскому парку"): перевес аполлонического начала над стихийно-дионисическим. У Пушкина оба начала в гармонии – это идеал ренессанса.

Все возможные (большое, но конечное количество) строгие формальные рамки силлабо-тонического стихосложения от Ломоносова до Пушкина изведаны и освоены (после Пушкина больших формальных открытий в этом направлении уже не было).

"Антитезис" – поиски новых форм, отказ от симметрии (ближе к лесу, иногда к дебрям и бурелому) – перекося в сторону стихийно-дионисического начала (авангард, футуристы, Хлебников, Андрей Белый, верлибр и т.д. и т.п.).

"Синтез" (ему открыто время) – наиболее сложная для понимания категория: во-первых, она ещё не оформилась окончательно; а во-вторых, она *по определению* наиболее сложна. В поэзии (я говорю сейчас исключительно о формальной стороне) явно слышится дыхание такого "синтеза" у Мандельштама, позднего Волошина, Д.Андреева, иногда – Тарковского. Из самых последних – Башлачёв; великим горем стала для русского языка физическая смерть этого поэта-новатора: потенции его поэзии колоссальны! Но мы можем о ней судить только по первой главе, только по ранним всходам...

Я вижу эстетику "будущего синтеза" – по той же аналогии – ближе к английскому парку, лесопарку.

Что же касается «содержания», то это – возвращение ведущей религиозной идеи, чувства причастности к «строительству общего храма», но уже такого, где неповторимое лицо каждого «строителя» имеет непреходящую ценность.

О назревании новой синтетической культуры – сплава религиозно-коллективной и индивидуально-гуманистической моделей – говорилось весь XX век; и чем ближе к концу, тем настойчивей чувствовалось единственность этого выхода.

Сама книга «Роза Мира» Д.Андреева уже пример такого синтетического литературного жанра, стирающего чёткие границы между религией, философией, наукой и искусством. Но это ещё авторская работа...

А первые плоды невиданного литературного жанра, которому пока нет названия, создаются на наших глазах в Интернете. Например, «форум» и есть такая коллективная книга. Но в отличие от первой модели (средневековой) лица авторов индивидуальны и своеобразны. Без единого сюжета, без чёткого плана – **сама** – растёт эта книга. У любой книги есть начало и конец. Поэтому любой форум не бессмертен. Но он может давать ответвления... Это пишется Мега-книга (поднимается «дерево»).

Такой, закончивший свой жизненный цикл «форум», можно издавать как новый литературный жанр уже на бумаге. Разумеется, только «выжимки», вычеркнув лишнее, превратив черновик в произведение искусства. И это будет увлекательное чтение!

Думаю, что лучшие форумы из Сети станут бестселлерами новой литературы и через 10-15 лет появятся на прилавках книжных магазинов. Надеюсь, там найдёт себе место и наш коллективный труд.

Но есть и грозные симптомы, на которые страшно закрывать глаза. Архитектура как искусство умерла в XX веке, по крайней мере, в странах «золотого миллиарда». (Это придётся признать, если под искусством понимать духовное явление, а не только стилистические приёмы.) И не жуткая ли это утрата для современного человечества?

А поэзия?

Были за 200 лет более чуждые поэзии десятилетия, чем два последних?

Даже в мрачные годы сталинщины такого массового равнодушия (в первую очередь, к классической, проверенной временем, литературе) и подавляющей поэтической безвкусицы не знало общество.

Мы видим подъёмы и спады, приливы и отливы... Но более **глухого** периода ещё не было.

Что будет с языком, если умрёт, превратившись в музейный экспонат, живая поэтическая стихия? Что будет с культурой? Что произойдёт с нацией, утратившей начисто способность воспринимать высшую форму родной речи?

История в изобилии даёт примеры таких наций...

Беда, нависшая над русской поэзией, делает всех, немногих искренне любящих стихи, братьями по духу. Все расхождения и личные пристрастия должны отступать в тень перед этой смертельной угрозой.

Искренне, т.е. огненно (искра!) любящий не может не ощущать боль своего предмета как свою собственную. Не это ли сейчас самое Главное?

Можем ли мы позволить ныне баловство непонимания друг друга, роскошь литературного одиночества?

И ещё одно. В отличие от политических партий с их платформами и «электоратами», неизбежно борющихся, вытесняющих, а то и просто пожирающих друг друга, искусство живёт принципом взаимодополнения и взаимообогащения своих различных «видов», «жанров», «платформ», «школ» и т.д. – в этом проявляется его божественная сущность.

В мире, как никогда враждебном Поэзии и чуждом её Живой Сути, в так редко теперь встречающемся искреннем любителе поэтического слова почувствовать родственную душу стало не сложнее, чем отличить глоток воды от скрипящего на губах песка пустыни. Но горе тому, кто за живую воду духа принимает уксусную эссенцию рассудка...

«Все другие различия и противоположности бледнеют перед разделением ныне людей на друзей и врагов слова.» (Мандельштам.)

А если учесть, что «раса друзей» уменьшается на глазах просто катастрофически...

2000, 2009

Мирошниченко Геннадий

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЕТИ КАК ФОРМА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Общественные сети. Некоторые итоги

Некоторые вопросы, которые мы обсуждаем сейчас в аспекте демократического переустройства общества, лет через 15 – 20 отпадут сами собой. В этой связи, прежде всего, хотелось бы подчеркнуть наличие в

Природе уже проявившейся формы будущего человеческого общества как общественной сети ^[1] демократического устройства. Самым большим доказательством этому служит, с точки зрения автора, обострившееся противоречие в развитии сегодняшних форм сетей и в сохранении старых форм жизни людей. Обострился антагонизм ценностей и жизненных смыслов детей и родителей, школьников и учителей на фоне роста возможностей объединения в общественные сети в связи с бурным развитием Интернета.

В последнее время явление общественных сетей привлекает всё большее внимание политиков и общественных деятелей, улавливающих демократические тенденции развития общества в глобальном и локальном масштабе. Уже понятно, что общественные сети сменяют форму государственного устройства на земле, превратив сегодняшние страны в лучшем случае в административные единицы единого жизненного пространства. Развитие технических возможностей Интернета уже сейчас даёт возможность осуществлять прямое голосование каждого избирателя на выборах любого уровня. Многоступенчатые выборы скоро уйдут в прошлое. Под большим вопросом иерархия партийных структур и значение партий и партийных лидеров. К сожалению, общественные лидеры современности не знают никаких других критериев руководства массами, кроме авторитарных.

Особенности общественных сетей как объединений равноправных людей в группы одинаковых интересов пока изучены недостаточно. Критериальный анализ самоорганизации таких групп естественным образом выводит нас на обобщения государственного и глобального характера, если общим интересом становится политико-административное устройство общества.

Понятие интереса для человека многогранно, но, прежде всего, оно касается выделения приоритетного направления процесса мышления и действия. Последнее во многом определяется принятым для самоуправления человека критерием и диктуется им, как правило, в очень широком диапазоне потоков сознания и действий в поле доступных человеку ресурсов.

Некоторые особенности общественных сетей

Исследуя такое общественное явление, как общественные сети, необходимо помнить о следующем:

1. Элементы структуры общественных сетей – люди, каждый человек – обладают собственным сознанием, собственным личностным критерием, без удовлетворения которого не существует полноценного человека, а, значит, и необходимого по качеству элемента общественных сетей. Насколько совпадает личностный критерий человека с общественным – вот вопрос, имеющий разный ответ в зависимости от времени и степени развития общественных сетей, общества и человека.
2. Необходимо сформулировать главный критерий общественной сети как главную общественную оценку и, одновременно, как параметр максимизации ценностей общества. Необходимо помнить, что люди чаще всего борются между собой за преобладание своей собственной оценки над оценками других людей и общества. Более того, оценка победителя, как правило, затеняет глобальную оценку Природы.
3. История человечества показывает, что в борьбе цивилизаций побеждает та цивилизация, которая для своего руководства сознательно приняла глобальный критерий Природы самого высокого уровня. Такой критерий пока что давался людям через религиозные, духовные знания. Примером может служить татаро-монгольское иго, результатом которого стало его свержение. Причиной последнего можно назвать отсутствие у татаро-монгольской орды ориентации на высшие духовные ценности, тогда как у русского народа такое присутствовало в его религиозном православном служении Богу. Более того, известно, что татарские лидеры принимали православие.
4. Люди всегда выбирают для себя главную идею жизни, начиная вокруг неё строить свою жизнь. Так из идеи рождаются критерии жизни как главные жизненные оценки^[2].
5. Люди делают свои открытия в общении, двигаясь в сторону высшей духовности и в сторону низшей духовности. Последнее приводит к разрушающим, метаболическим процессам, нивелирующим, рассеивающим на исходные элементы плоды негативных построений. Высшая духовность поддерживается Природой для созидания более сложных и более справедливых (равноправных для людей) общественных систем.
6. Общественные сети как распределённые системы играют роль резонаторов мыслей отдельных людей, осуществляющих зеркальные друг с другом действия. Диалоговый способ общения позволяет реализовать удивительную особенность сознания человека – усиление приоритетов и смыслов различных идей, чувств, интересов, если они находят свой образ зеркального отображения. Этот факт усиления приоритетов часто незнанаемо меняет личность человека, если он касается главного критерия жизни. Человек начинает пренебрегать тем, что ещё вчера было дорого, и дорожить тем, что ещё вчера было неважно.
7. Почти неизвестен вывод автора о том, что позитивное созидательное мало проявлено в сознании человека, в отличие от негативного, разрушающего. Последнее в системах самоорганизации играет роль корректирующего сигнала для функции управления. В то время как позитивный сигнал не имеет корректирующего свойства. В этом и состоит типичный случай управления по негативу в эволюционных процессах^[3].
8. Потребности минимизируются, а способности максимизируются – вот главный постулат со стороны критериев эволюционного процесса в отношении людей. Если наоборот, то потребности становятся наркотиком, а способности исчезают и человек деградирует.

Какая общественная сеть сегодня в России

Среди учёных и многих политических деятелей России преобладают пессимистические взгляды на будущее всего человечества и, в первую очередь, на будущее России. Первичным, главным и определяющим состоянием человечества считается состояние войны, с помощью которого отдельные государства добиваются передела жизненного пространства. Мы наблюдаем случай, когда за неотвратимые законы Природы принимаются агрессивные устремления небольшой части сверхактивных лидеров разрушительного плана. В таких условиях становится актуальным показ внутренних, скрытых в Природе движущих сил, оказывающих определяющее влияние на общество в целом. В этом смысле необходимо показывать результаты природных жизненных процессов позитивного плана, например, процессов роста экономических сетей, всё больше срастающихся с правящей, элитарной верхушкой развитых государств. В этом случае мы наблюдаем как раз обратное – такая глобальная сеть демпфирует развитие глобальных экономических и политических катастроф в самом начале, не дожидаясь развития и перехода их в острое кризисное состояние. Пронизана ли Россия общественными сетями? Ответ на этот вопрос: «Слабо, да и то, в основном, экономическими, административными и религиозными». Говорить о каком-то бурном развитии общественных сетей нельзя. Хотелось бы, но нет оснований.

Но никто не будет отрицать, что в России на данном этапе развития общественных отношений существует

своя, пусть слабая, общественная сеть людей, имеющих определённую гражданскую позицию. Однако, общепризнанным фактом является слабость гражданского общества, то есть того противовеса официальной существующей власти, который и придёт ей на смену, а сейчас лишь демонстрирует свою будущую силу. Гражданское общество, как стало понятным, стремится иметь структуру общественной сети, элементами которой являются как отдельные личности, так и отдельные общественные организации. О каком общественном критерии в таком случае идёт речь? О критерии, который постепенно переводит форму власти в обществе с тоталитарной, авторитарной, самодержавной и прочей вертикали к форме распределённой власти через прямые выборы практически всех руководителей любого ранга. Так будет осуществляться контроль над деятельностью руководителя любого ранга.

Основные требования к обществу со стороны главного критерия общественных сетей

Поэтому нужно понять, в какую сторону нам двигаться, нужно сформулировать основные требования к обществу со стороны главного критерия общественных сетей.

1. Наличие в обществе в превеликом множестве сильных в духовном отношении личностей, готовых стать лидерами, понимающих подчинение глобальному критерию как основное условие создания общественных сетей демократического характера.
2. Высокая активность значительной части населения, доверяющего своим лидерам руководство собой и готового идти за ними.
3. Наличие материальных (Интернет), теоретических (критериальные знания) и моральных (принуждение себя следовать нравственному критерию) ресурсов. Раньше к материальным ресурсам относили силовые, военные части, которые подчинялись новым лидерам и которые поддерживали существующую систему властвования. Теперь необходимо смотреть шире – к материальным ресурсам необходимо отнести и значительную часть информационно-смыслового поля, а силовые ведомства перевести в форму поддержания общественного порядка.
4. Расширение ресурсного поля критерия сетей, создание новых частей этого поля ресурсов. Что к этому относится? В первую очередь, активность населения, которое перестаёт быть просто населением. Оно образует из себя множество общественных групп (партий, клубов, правозащитных и других общественных организаций), способных внести свой голос в статистику подсчёта голосов при выборах того или иного руководителя.
5. Возрастает значение лидеров нового типа, признающих, прежде всего, за каждым человеком его право прямого волеизъявления. Сегодня большинство лидеров демократии и государств оценивает активность населения как очень низкую. Люди настолько пассивны, что президенту страны требуется совершать то, что ему несвойственно: подталкивать людей к созданию общественных структур, как это было с созданием Общественной палаты В.В. Путиным. Возникает парадоксальная ситуация – высшие властные структуры готовы поделить своим потенциалом власти с общественными сетями добровольно. Однако, общественные сети не находятся на таком уровне развития, чтобы самим создавать подобные анклавов общественной власти. Многие демократические изменения парадоксальным образом рождаются только сверху – вот одна из оценок степени развития общества.

Дуализм современной власти

Чтобы соответствовать современной модели развития, нашим лидерам необходимо более чётко представлять те изменения в их лидерстве, которые неизбежно придут на смену старым методам авторитарного типа. Нам нужно откровенно признать, что тяжёлое положение страны и общества рождено не логикой природного развития, а обманом, падением нравственности с одновременным провозглашением высокой степени свободы поступков, доведённой до разнузданности, разврата, подлости. Провозглашённые либеральные ценности перестали быть либеральными, они превратились в ценности праворадикального толка, имеющие тенденции скатывания к фашистской идеологии.

Президент России Д.А. Медведев сильно ошибается, надеясь на всплеск модернизации нашей страны и нашей жизни, так как период бурной модернизации народом России пройден во времена СССР. Психологический надрыв, слом, произошедший после 1991 года, не должен оставлять иллюзий – мы, наш народ, можем лишь по-иному воспринять лозунг модернизации. Народ, точнее, население страны, не верит обещаниям лидеров, он видит всюду с их стороны обман и презрение в свой адрес. А нужны честность по отношению к закону, по-иному, необходимо отсутствие информационного шума во власти – нужно наказывать виновных и показывать примеры честности со стороны властных структур всех уровней. Современные лидеры, к сожалению, не понимают, что всё, что так или иначе связано с бурным частным накоплением на основе обмана, – совершенно нежизненно, оно противоречит общественным тенденциям и законам Природы.

Сегодня так обострились отношения, так они выпукло проявились, что лишь слепой, глухой и тупой

одновременно не видит этого или не желает замечать. И если до недавнего времени лишь инстинкт самосохранения толкал наших лидеров делать что-либо осмысленное и общественно полезное, то теперь они будут вынуждены всё больше подчиняться силе природного творчества при создании общественных сетей. И если раньше наши лидеры могли откровенно вести дела в сторону укрупнения своего личного бизнеса до гигантских размеров, то теперь им приходится переставаться и лицемерно делать вид, что они живут и благотворительностью для всех. Процессы глобализации разрушают границы частных владений независимо от желаний их владельцев. Всем стало понятно, что большинство населения никогда не поймёт их и будет испытывать по отношению к ним враждебность. Вызывает удивление, что так называемый романтизм лидеров либерального типа не открывает им глаза на то, что главный закон Природы в отношении людей – в наполнении добром и честностью всё жизненное пространство. Без понимания этого и без знания нравственного критерия общественных сетей становится невозможным удержаться человеку в человеческом обществе.

Старый принцип временщиков, который взят многими нашими лидерами для руководства массами, не является жизненным. Это понимают уже все, обмануть никого не удаётся. И, тем не менее, по инерции всё равно идут той же самой прежней дорогой.

[1] Мирошниченко Г. Общественные сети: <http://pn.genmir.ru>.

[2] Там же, раздел «Как возникает критерий».

[3] Мир Г. Человек Будущего. Тракта́т о Любви и Этике. Новые открытия о Человеке. – Тула: ИАМ, 2002. – 400 с. (с. 133).

Наши авторы:

Поэзия:

Вотинцева Надежда. Родилась в Москве. Имеет высшее экономическое образование. Имеет публикации в поэтических Альманахах : "Золотая Строфа-2009" т.2; "Звезда Полей -2010" т.1, в Сборнике "Стихи для детей" 2010. Лауреат Международного Поэтического Конкурса "Звезда Полей -2010". Пишет стихи ради собственной души. Проживает в Москве.

Григоренко Галина. Родилась в Восточном Казахстане, среднюю школу закончила в Усть-Каменогорске, затем медицинский институт в Омске. Проживаю в Липецкой области в городе Чаплыгин.

Зайцева Ольга. "Здравствуйте друзья! Я родилась и проживаю в городе Москва. Это мое первое участие в конкурсе, я не так давно начала писать стихи и от души надеюсь, что мое творчество подарит добро, свет и принесет радость. Ведь так хочется поделиться тем, что идет из сердца. Я пишу о жизни, об истинных чувствах, о природе и внутреннем мире человека, о любви и красоте, о понимании окружающего пространства. Мне бы хотелось подарить людям частичку тепла, я делаю это через стихи. Низкий поклон всем, кто будет читать мои работы и пусть с вами всегда прибудет вселенская любовь и гармония".

Иваничкин Игорь. Проживает в Саратовской области, в городе Пугачеве.

Икрянникова Елена. Проживает в городе Рязани.

Леонова Татьяна. Родилась в г. Ставрополе. Стихи пишет с раннего детства. В настоящее время живёт в городе Щёкино, Тульской области, вблизи Ясной Поляны. Любит природу, походы по грибы, увлекается туризмом. Много ездит по святым местам и монастырям России, что и вдохновило на рождение цикла стихотворений "Страница", а затем музыкально-поэтической программы под тем же названием. Издано несколько сборников стихов. Стихи постоянно публикуются в альманахах "Тула", "Приупиские просторы", "Солова", "Поэтическое братство" и в других. Неоднократный победитель и лауреат многих песенных и поэтических конкурсов. На многие стихотворения как самой, так и другими композиторами, написаны песни и романсы. Специалист в области информатики. Член Российского Союза писателей. Член Союза журналистов России. Сайты в Интернете: "Поэзия Татьяны Леоновой": <http://leo.genmir.ru>

Майский Александр. (Васильев Александр Иванович) родился 1 апреля 1960 года в Тверской области. С раннего детства познал безотцовщину и тлетворное влияние улицы. Летом подрабатывал в совхозе. Пас коров, возил «зелёнку» на ферму, научился обращаться с лошадьми, которых считает красивейшими животными на планете. Учился в средней школе, школе-интернате, строительном ПТУ в г. Ленинграде. С 1978 по 1980 год служил в танковых войсках (командир танка) в Закавказском военном округе (г. Гори и г. Баку). С 1980 года в органах внутренних дел. Заочно окончил могилёвскую школу транспортной милиции. Работал в уголовном розыске СЗ УВДТ и участковым уполномоченным Фрунзенского РУВД г. Санкт-Петербурга. Некоторое время проживал в г. Тула. Часто ездил по стране. Бывал в Сибири, на Севере, в Чечне, в Казахстане, Прибалтике. Первое стихотворение написал 13 мая 1992 года в следственном изоляторе «Кресты», по воле случая, находясь там, в «творческой командировке». Считает, что лихие «девяностые...» не осуждать надо, а оптом помянуть в церкви. Автор стихотворения-реквиема «Штрафбат». Стихотворений и очерков о штрафных частях воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. О солдатах прошедших боевой путь в Афганистане и на Северном Кавказе. Автор поэтических сборников вошедших в книги: «Запретная Воля», «Безгрешная Россия», «Дорожная пыль...». Одним из постулатов своей творческой деятельности считает золотые слова, сказанные Михаилом Булгаковым – «Правду говорить легко и приятно». Проживает в г. Санкт-Петербург и Тверской области. Сайт в интернете: <http://poet.genmir.ru/mai>.

Михайлова Татьяна. Проживает в городе Тверь. Окончила Калининский госуниверситет и юридические курсы для журналистов (журфак МГУ). Автор книг: «Ржев-1942. Битва за высоту 200» (в соавторстве с Н. Беловым), «Владимир Дмитриев: Послесловие к жизни», «Жареный виноград» (в соавторстве с М. Орловым), «Четвертая пятница» (стихи), «Гуттаперчевое небо» (сб. статей). Стихи печатались в СМИ г. Твери и Тверской обл., в альманахах «Каблуковская радуга» 2007-2010 гг., «Откровение» (Братск, 2008), «Золотая строфа» (Москва, 2009 г.), в журнале «Северомуйские

огни» (Бурятия, 2009 г.), в сборниках «Отражение» (Гатчина, 2010), «Всенародная поэзия России» (Москва, 2010), «Горст» (Ст.-Петербург, 2010), в сетевом журнале [bella_vernikova's Journal](http://bella-vernikova.livejournal.com/) (Израиль): <http://bella-vernikova.livejournal.com/>. Участница в поэтических конкурсах: IV межрегиональный фестиваль православной песни и поэзии «Серебряная псалтирь» (г. Дубна Московской обл., 2007 г., диплом-поощрение), III фестиваль "Под алым парусом мечты" (г. Слободской Кировской обл., 2008 г., диплом), «Каблуковская радуга» (с. Каблуково Тверской обл.: 2009, 2010 – грамоты), международный поэтический фестиваль «Русский стиль-2009» (Германия, лонг-лист, в номинации «Публицистика» - 2-е место), II поэтический конкурс журнала «Чайка» им. Л. Лосева (США, 2010: шорт-лист), «Посадская лира» (г. Сергиев Посад Московской обл., 2010, приз «За духовность»), II открытый международный конкурс «Предлог» (Кострома, 2010, 2 место).

Рапопорт Татьяна. "Родилась в рабочем посёлке Верх-Берёзовка в восточном Казахстане. Окончила строительно-дорожный Усть-каменогорский институт по специальности «архитектура». Преподавала в ВУЗ е, работала в художественном Фонде, на телестудии, в ДХШ, в кооперативах. Стихи пишу с 12 лет".

Темнухин Валерий. Стихи начал писать в 1987 году. Автор сборника лирики (Нижний Новгород, 2002). Публиковался в нижегородских литературно-художественных изданиях. С 2004 года работает над стихотворным переложением «Слова о полку Игореве». Сайт в интернете: <http://www.lit-nn.h15.ru>

Усманов Анвар. "Родился в Уфе в 1959 году. Учился в 39-й школе. Окончил технический вуз, женился, родилась дочь, защитил диссертацию, работал инженером, преподавателем, научным работником, родилась внучка. Стихи начал писать году в 2003-м, как плотину прорвало. Что-то копилось, собиралось в душе, видно, и выплеснулось на бумагу. Стихов написано много; пока, спасибо Создателю, ручеек их не иссякает. Стихи разные, есть циклы лирических, гражданственных, религиозных, шуточных, метровых (написанных в метро) стихов. Отношусь к стихосложению вполне серьезно. Может быть, серьезнее, чем к каким-либо другим своим занятиям. Являюсь горячим сторонником либеральных идей и ценностей. Но не состою ни в каких партиях и объединениях. Живу в Москве. Имею собаку и много кошек благодаря жене. Бегаю". Сайт в Интернете: <http://poet.genmir.ru/us>.

Юрий Юркий. Родился в Новосибирске, военнослужащий. Стихи писать серьезно стал после выхода в отставку. Печатался в литературных альманахах: «75 лучших строк», «Признание в любви», «Венок Есенину», «Мамина книга», «Лауреат» и других. Лауреат Лермонтовского конкурса 2003 г., дипломант Всероссийского конкурса «Спасибо тебе, солдат!» - 2006 г., золотой лауреат "Золотого Пера Руси" – 2008 г. и др. Член международного союза писателей «Новый современник» с 2005 г. Проживает в Красноярске.

Проза:

Владвик (Владимир Александров) - закончил режиссерский факультет ГИТИС им. Луначарского (ныне РАТИС) в 1975 г. Работал в театрах Москвы, на радио и телевидении. Автор 2-х книг, 2-х пьес для театра, 6-и радиопьес, ряда киносценариев и телевизионных программ. Член Союза журналистов, член Союза писателей России, Лауреат литературной премии им. Чехова. В настоящее время - главный редактор молодежной газеты «Обратная связь – XXI век».

Критика. Размышления

Переяслов Николай - поэт, критик, прозаик, переводчик, лауреат литературных премий имени А. Платонова, А. Толстого, Б. Корнилова и Большой литературной премии России. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов и Международной Ассоциации писателей и публицистов. Действительный член Петровской Академии наук и искусств, секретарь Правления Союза писателей России. В настоящее время — помощник Мэра Москвы.